

Каждый новый
роман Робин Хобб —
это повод
для праздника.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН,
автор «Игры престолов»

Кровь Драконов

ХРОНИКИ
ДОЖДЕВЫХ ЧАЩОБ

Книга 4

РОБИН ХОББ

Мир Элдерлингов

Робин Хобб

Кровь драконов

«Азбука-Аттикус»

2013

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Хобб Р.

Кровь драконов / Р. Хобб — «Азбука-Аттикус», 2013 — (Мир
Элдерлингов)

ISBN 978-5-389-19536-3

Хранители и их драконы пытаются постичь тайны древнего города Старших – Кельсингры. Чтобы ожили величественные улицы, вымощенные волшебным камнем, еще очень многое нужно создать и открыть заново, а главное, необходимо разыскать источник магического Серебра. Тем временем жестокий герцог Калсиды не оставляет попыток продлить себе жизнь при помощи самого чудодейственного средства – драконьей крови. Его люди продолжают охотиться на драконов, а канцлер Эллик приводит на съедение своему повелителю «человека-дракона» – юного брата Малты Сельдена.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-19536-3

© Хобб Р., 2013
© Азбука-Аттикус, 2013

Содержание

Пролог. Перемены	6
Глава 1. Жизнь кончена	9
Глава 2. Полет	15
Глава 3. Охотники и добыча	24
Глава 4. Торги начинаются	40
Глава 5. Прыжок очертя голову	50
Глава 6. Кровь драконов	60
Глава 7. Переселение в Кельсингру	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Робин Хобб

Кровь драконов

Robin Hobb
Blood of Dragons

© 2013 by Robin Hobb

© Т. Л. Черезова, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Ральф, мне так плохо без тебя...

Пролог. Перемены

Проснувшись, Тинталя почувствовала себя замерзшей и старой. Она нашла хорошую добычу и сытно поела, однако все равно толком не отдохнула. Из-за гноящейся раны под левым крылом ей трудно было найти удобное положение. Если драконица распрямлялась, то распухший участок плоти пульсировал жаром и болью, а если сворачивалась в клубок, то ощущала острый укол стрелы, застрявшей глубоко в теле. Теперь стоило ей только расправить крыло, и боль распространялась по нему, словно жгучее растение, которое жадно проросло внутри и кололо Тинталю острыми шипами. По мере приближения к Дождевым чащобам становилось все холоднее. В этих местах не было ни пустынь, ни горячих песков. Калсидийские пустыни просто источали жар земных недр, поэтому сейчас там было почти так же тепло, как и в южных краях. Но Тинталя уже оставила сухие земли позади, и здесь цепляющаяся за весну зима давала о себе знать. От морозного воздуха кожа вокруг ее раны костенела, превращая каждое утро в пытку.

Айсфир не полетел вместе с ней. Тинталя рассчитывала на то, что древний черный дракон будет сопровождать подругу, хотя сейчас и не могла вспомнить, почему ей так казалось. Драконы всегда предпочитали жить в одиночку, а не группами. Чтобы хорошо питаться, каждому требовались обширные охотничьи угодья. А теперь, когда она оставила Айсфира, а он за нею не последовал, лазурную королеву окатило унижительное понимание: черный самец не слишком-то и дорожил Тинталей! Впрочем, он никогда ничего ей не предлагал. Правда, и не просил удалиться.

Айсфир получил от нее все, что ему было нужно. В первые дни ликования, вызванного встречей, они совокупились. Когда придет срок, Тинталя отправится на берег гнездовый и отложит там яйца, которые он уже оплодотворил. Однако, после того как черный дракон оставил в ней свое семя, у него пропала причина проводить время с подругой. Но из яиц Тинталы выведутся змеи, которые сползут в море, и возобновится нескончаемый цикл: «дракон – яйцо – змей – кокон – дракон», а воспоминания древнего рода сохранятся и продолжатся. Позже Айсфир сможет встретить других драконов – когда пожелает искать их общества. Тинталя даже удивлялась тому, что задержалась подле него так долго. Неужели, выйдя из кокона в одиночестве и проведя столько замурованной под землей, она переняла у людей такое неподобающее дракону поведение?

Синяя драконица медленно распрямилась и еще более осторожно расправила крылья навстречу хмурому утру. Она потянулась, отчаянно тоскуя по теплему песку, и постаралась не думать о том, что полет в Трехог может оказаться ей не по силам. Не слишком ли долго она выжидала, надеясь, что выздоровеет без посторонней помощи?

Тинталю было больно выгибать шею, и она не смогла толком осмотреть себя со всех сторон. От кожи мерзко пахло, при любом движении из раны сочился гной. Драконица зашипела, разозлилась и использовала силу своего гнева для того, чтобы напрячь мышцы. Благодаря этому из раны вытекла новая порция мутной жидкости. Теперь вонь стала нестерпимой, но зато кожу хотя бы перестало тянуть. Она сможет лететь. Да, это будет больно и медленно, но Тинталя справится. А вечером она выберет место для ночлега. И будет очень внимательна. Только бы подняться с берега реки, куда ее занесло! Тинталя хотела направиться напрямик в Трехог в надежде быстро отыскать там Малту и Рэйна, которых превратила в людей Старшей расы – или, как их называли на севере, Элдерлингов, чтобы они лучше служили ей. Кто-нибудь из них вытащит стрелу из ее измученного чешуйчатого тела. Однако между ней и Трехогом простирался густой лес, а значит, полететь напрямик не получится. Даже здоровому дракону тяжело приземляться в чащобе, а уж с больным крылом она наверняка рухнет сквозь кроны на землю. И Тинталя выбрала путь вдоль берега моря, а затем вверх по реке Дождевых чащоб.

Она охотилась на заболоченных участках и илистых отмелях: мелкие зверьки часто лакомились здесь кореньями и нежились в грязи, лесные обитатели покрупнее приходили на водопой. Если Тинталья повезет так же, как и прошлым вечером, она удачно приземлится на болотистую прибрежную полосу, а заодно и поймает какую-нибудь крупную добычу.

Ну а в случае неудачи – Тинталья опасалась, что сегодня, к сожалению, именно это ее и ждет – она всегда сможет отдохнуть на речной отмели. Конечно, мало радости лежать на холодной и мокрой почве, но это можно как-нибудь пережить. Гораздо больше драконицу пугала необходимость каждое утро снова взлетать. А ведь она очень ослабела!

Тинталья уныло поплелась к реке и принялась пить, недовольно морща ноздри: вода была горькой и невкусной. Утолив жажду, драконица распахнула крылья, рванулась в небо и... беспорядочно захлопав крыльями, рухнула обратно. Высота была небольшой, но падение оказалось болезненным. Острые куски камней буквально впились в ее измученное тело. Удар выбил воздух из легких, и из глотки вырвался хриплый крик: драконица сильно ушиблась о землю. Ошеломленная Тинталья лежала, дожидаясь, когда боль отступит. Она не прошла полностью, но постепенно ослабела до терпимого уровня.

Тинталья прижала голову к груди, подобрала лапы и сложила крылья. Ей хотелось отдохнуть, поспать. Но тогда она проснется еще более голодной и закоченевшей, чем сейчас, а свет начнет меркнуть. Нет. Надо лететь – и немедленно. Если она задержится, то совсем лишится сил. Надо попробовать, пока она еще способна передвигаться.

Драконица сжалась и приготовилась к новому падению, не позволяя себе расслабиться. Надо просто терпеть и лететь так, словно она ничего не чувствует. Она внушила себе эту мысль, отчаянно напряглась и ринулась вверх.

Каждый взмах крыльев ощущался ударом огненного копья. Тинталья яростно взревела, но не замедлила движений. Вскоре она набрала высоту, начала парить над мелководьем и наконец поднялась выше деревьев, затенявших берега. Бледное солнце коснулось ее шкуры; ветер, дувший на открытом пространстве, порывисто бил ее по глазам. Тучи набухли и отяжелели, предвещая затяжной холодный дождь. Пусть будет ливень, ей все равно! Тинталья возвращается домой.

*Пятнадцатый день месяца Рыбы,
седьмой год Вольного союза торговцев
От Рейала, исполняющего обязанности
смотрителя голубятни в Удачном, – Эреку Данварроу
Вложено в обычную почтовую капсулу*

Дорогой дядюшка!

Я задержался с ответом на твое письмо, потому что оно слишком глубоко потрясло меня. Я перечитывал его снова и снова, гадая, готов ли я к такому ценному подарку – и достоин ли принять твое предложение. Мало того что ты даешь мне рекомендацию, чтобы я смог стать полноправным членом гильдии, так ты еще и рекомендуешь мне своих личных птиц и голубятню... Это такая честь для меня, что я не могу подобрать слов. Зная, как важны для тебя эти голуби, я внимательно изучил все твои записи и методы, с помощью которых ты улучшал породу, делая птиц более быстрыми и выносливыми. Я просто потрясен твоим талантом. И теперь ты решил передать мне всю стаю, сделав меня смотрителем голубятни?

Мне больно думать, что ты неправильно меня поймешь, но я должен еще раз спросить: ты уверен, что действительно этого хочешь?

И заверяю тебя: если ты вдруг передумаешь, я не затаю обиды. Но если, поразмыслив, ты все же захочешь предоставить мне столь удивительный шанс, то, разумеется, я им вос-

пользуюсь и всю жизнь посвящу тому, чтобы достойно продолжать твоё дело! Зная, что ты порекомендовал меня на такую почетную и ответственную должность, я буду стараться оправдать твои ожидания. Обещаю, что в таком случае приложу все силы, буду достойным зрителем голубятни и не разочарую тебя.

С глубочайшей благодарностью,

твой племянник Рейал

Р. S. И пожалуйста, передай тетушке Детози мои поздравления по поводу удачного замужества. Я искренне рад за нее и желаю вам обоим всего самого наилучшего.

Глава 1. Жизнь кончена

Элис открыла глаза навстречу постылому утру. Крайне неохотно она подняла голову и осмотрела единственную комнату своего скромного жилища. В хижине царил холод. Огонь догорел еще несколько часов назад, и сырость непривычно суровой весны безжалостно вползла в дом. Элис съехала под стареньким одеялом, ожидая, чтобы ее жизнь исчезла. Напрасные надежды: жизнь с новой силой набросилась на нее, чтобы начать мучить и изводить тоскливыми мыслями и одиночеством. Тогда Элис прижала тонкое одеяло к груди – и ее взгляд упал на аккуратно сложенные бумаги и пергаменты, которыми она занималась последнюю неделю. Вот оно! Дело всей жизни Элис Финбок уместается в одной стопке. Переводы древних текстов, снабженные ее примечаниями; копии старинных документов, тщательно выполненные черными чернилами (красные Элис использовала для своих догадок относительно стершихся слов). Поскольку ее собственная жизнь оказалась лишена какой-либо значимой цели, Элис сбежала из настоящего в прошлое, стала исследовательницей и испытывала гордость, чувствуя себя настоящим ученым. Она немало знала о древнем укладе жизни Старших и о том, как они общались с драконами. Она выучила все имена Старших и драконов и хорошо разбиралась в их обычаях. Она собрала великое множество свидетельств о прошлом, однако теперь это уже не имеет никакого значения!

Старшие и драконы вернулись в современный мир. Она сама была свидетельницей этого чуда. Теперь они заявят свои права на древний город Кельсингру и поселятся в его стенах. Все тайны, которые она пыталась вызнать, изучая древние свитки и заплесневелые гобелены, рассыплются в прах. Как только Старшие обретут свой город, им достаточно будет лишь коснуться камней памяти, чтобы самим узнать все об истории собственного народа. Все тайны, которые Элис мечтала открыть, все загадки, которые стремилась разгадать, теперь лежат перед ними как на ладони. А в ее работе нет никакого смысла.

С несвойственной ей прытью Элис резко откинула одеяло и встала. Холод тут же заключил молодую женщину в цепкие объятия. Она шагнула к роскошным дорожным сундукам с одеждой, которые бережно упаковала перед отплытием из Удачного. В начале ее путешествия они были набиты доверху: полны практичной одежды, подходящей для знатной дамы, ищущей приключений. Хлопковые блузки с минимальным количеством кружева, юбки-брюки для пеших походов, шляпы с вуалями для защиты от насекомых и солнца, прочные кожаные башмаки... Сейчас от всего этого изобилия остались лишь одни воспоминания. После трудного путешествия ткани истерлись, а ботинки стали протекать. Шнурки бугрились узлами. Стирать одежду можно было только в едкой речной воде, поэтому швы уже расплзлись, а подошвы истрепались.

Элис вытащила поношенное тряпье и равнодушно взирала на него. Все равно никто не станет на нее смотреть. Она давно решила не беспокоиться о том, как выглядит. И пусть другие думают о ней что угодно!

Платье Старших, подарок Лефтрина, висело на крючке. Удивительно, но наряд сохранил свои яркие краски и упругую мягкость. Элис захотелось ощутить его тепло, однако она не смогла пересилить себя и надеть платье. Накануне Рапскаль все подробно ей объяснил. Она – не Старшая, а потому не имеет прав на Кельсингру. Она вообще не имеет никаких прав на то, что когда-либо принадлежало Старшим.

Горечь, обида и смиренное признание правды, высказанной Рапскалем, тяжело давили на нее, а в горле стоял жесткий ком. Элис сверлила взглядом магическое одеяние до тех пор, пока его краски не смазались из-за выступивших на глазах слез. Тогда она вспомнила о том, кто подарил ей чудесное платье, и от этого расстроилась еще сильнее. Лефтрин, капитан живого корабля по имени Смоляной. Они искренне полюбили друг друга во время трудного плавания

по реке, несмотря на то что принадлежали к разным слоям общества. Элис впервые столкнулась с мужчиной, который восхищался ее умом, уважал ее труды и вожделел ее тело. Лефтрин разжег в ней ответное чувство и пробудил желания, о каких она прежде и не подозревала. Рядом с ним Элис наконец-то почувствовала себя женщиной и испытала радость от физической близости, чего никогда не случалось за все годы брака с Гестом Финбоком.

А потом Лефтрин оставил ее здесь – одну, в этой примитивной, лишенной элементарных удобств хижине...

«А ну-ка хватит! Немедленно прекрати ныть!» – велела себе Элис и вновь устремила взгляд на платье Старших, вспоминая волшебный момент, когда возлюбленный сделал ей этот подарок. Капитан преподнес ей бесценный артефакт, фамильную гордость их семьи. Он отдал его Элис без малейших колебаний. И она носила этот наряд, как доспехи, защищавшие ее от холода, ветра и даже от одиночества. Она никогда не задумывалась о его исторической ценности. И как только Элис посмела упрекнуть хранителей за то, что они тоже пожелали иметь столь же теплую и надежную одежду, как ее бесценный артефакт? «Лицемерка! Сама-то ты без зазрения совести наслаждалась необычайным комфортом, который дарует платье Старших!» – упрекнула себя Элис.

А чем виноват Лефтрин? С какой стати она упрекает его за то, что он покинул ее? Разве капитан мог поступить иначе?

Лефтрин был вынужден вернуться в Кассарик, чтобы закупить для них припасы. И он вовсе даже не бросил Элис: она сама решила остаться здесь, полагая, что сможет описать и задокументировать все то, что увидела в нетронутom городе Старших. Вот что самое важное: Элис сделала свой выбор, а Лефтрин отнесся к ее решению с уважением. А теперь она упрекает его? Ну не глупо ли? Главное, что он ее любит! Разве этого недостаточно?

Мгновение Элис балансировала на грани, уже готовая смириться и принять расхожую истину: если у женщины есть верный и любящий мужчина, то ей больше ничего в жизни не нужно. Но потом встряхнула головой и решительно стиснула зубы, словно готовясь сорвать повязку с не зажившей до конца раны.

Нет. Ей этого недостаточно.

Пора покончить с притворством и жалким прозябанием. Хватит уже убеждать себя, что, когда Лефтрин вернется и скажет, что любит ее, все будет хорошо. Да, если уж на то пошло, достойна ли Элис его любви? Чего стоит женщина, которая цепляется за надежду, что возвращение партнера придаст смысл ее существованию? Разве при этом она не уподобляется беспомощному паразиту, который всецело зависит от кого-то другого?

Листы бумаги и свитки пергамента аккуратными стопками лежали там, где Элис оставила их, – подле очага. Накануне она хотела уничтожить все свои научные изыскания. Но порыв сжечь рисунки и записи уже прошел. То был момент полного отчаяния – вязкая черная яма, настолько глубокая, что прошлой ночью у Элис даже не хватило сил швырнуть документы в огонь.

В холодном свете утра все выглядело иначе, и Элис поняла, что это было проявлением ребяческого тщеславия, детской истерикой. «Только посмотрите, на что вы меня толкнули!» Что ей сделали Рапскаль и другие хранители? Всего лишь заставили увидеть истинное положение вещей. И что бы она доказала им, совершив подобный поступок? Ну не глупо ли? Да, все верно, она хотела просто пристыдить их. По губам Элис пробежала мимолетная дрожь, а потом они сложились в язвительную улыбку. Соблазн был по-прежнему силен: заставить бы их всех ощутить такую же боль, какую испытывает она сама. Однако хранители наверняка ничего не почувствуют. Они даже не поймут, что именно Элис уничтожила. Кроме того, придется стучаться в чужую дверь и просить у кого-то из соседей горящих углей. Нет. Пусть все бумаги останутся здесь. Это будет памятник ей – женщине, состоявшей из пергамента, чернил и... притворства.

Закутавшись в старую одежду, Элис открыла дверь домика и вышла навстречу сырому дню. Ветер отвешивал ей пощечины. Отвращение и ненависть к собственному прошлому поднялись в душе мощной волной. Раскинувшийся впереди луг вел к реке – ледяной, серой и непреклонной. Однажды Элис случайно угодила в воду и едва не утонула. Она позволила себе немного помечтать. Все закончится быстро. Да, будет холодно и неприятно, но все произойдет мгновенно. Она произнесла вслух слова, которые всю ночь стучали в ее снах: «Пора покончить с этой жизнью». Она подняла голову. Ветер гнал тяжелые тучи по бескрайнему голубому небу.

Ты готова себя убить? Из-за такой малости? Лишь потому, что Рапскаль сказал тебе то, что ты и без него знала? – Прикосновение Синтары к ее сознанию оказалось весьма насмешливым. Взгляд драконицы был отстраненным и беспристрастным. – *Я припоминаю, что мои предки и прежде наблюдали, как люди проделывали подобное: сами решали прервать свою и без того такую короткую жизнь, что она и значения-то не имеет. Ох, люди. Вы словно глупые мошки, летящие в огонь. Бросаетесь в воду, вешаетесь на мостах. Значит, река? Ты уверена, что именно так хочешь это проделать?*

Синтара уже несколько недель не говорила с ней мысленно, и сейчас бесцеремонное вторжение и неуместное любопытство драконицы разожгли в Элис гнев. Она обвела взглядом небо-склон. Ага, ясно. Крошечный проблеск синевы на фоне далеких туч.

Она ответила вслух, давая выход своему возмущению: в одну секунду отчаяние превратилось в упрямство.

– Я сказала, что пора покончить с ЭТОЙ жизнью, а не с жизнью вообще! – Элис заметила, как Синтара изгибает крыло и скользит к холмам. Настроение молодой женщины вдруг резко переменялось. – Убить себя? В отчаянии из-за даром потраченных дней и целой вереницы самообманов? И что я, интересно, этим докажу, кроме того, что в конце концов так и не избавилась от собственной глупости? Ну уж нет. Я не намерена так поступать. Я возьму себя в руки. И заявляю на жизнь свои права.

Несколько долгих мгновений от Синтары не было отклика. Возможно, драконица почуяла добычу и потеряла всякий интерес к жалкому слабому человеку, неспособному убить даже кролика. А потом, совершенно неожиданно, голос синей королевы опять загудел у Элис в голове:

Направление твоих мыслей изменилось. По-моему, ты становишься собой.

Элис изумленно воззрилась на Синтару, а та вдруг плотно прижала крылья к туловищу и ринулась вниз. Контакт с драконом исчез так резко, что это походило на порыв ветра, ударивший по ушам. Элис замерла на месте, ошеломленная и одинокая.

Она становится собой? Направление ее мыслей изменилось? Что это означает? Да, скорее всего, Синтара просто пытается манипулировать Элис своими загадочными, ставящими в тупик фразами. Ладно, с этим тоже покончено! Она больше никогда добровольно не поддастся драконьим чарам. Хватит, надоело!

Элис круто развернулась на каблуках и вернулась обратно в дом. А еще пора покончить с ребяческой демонстрацией своих обид. Двигаясь с сосредоточенной яростью, совсем как некогда в юности, Элис спрятала документы в сундук и решительно захлопнула деревянную крышку. Вот так. Она осмотрела комнату и пожала плечами. Ну не смешно ли: она так долго ютилась в этом тесном помещении и даже не попыталась придать ему хоть какое-то подобие уюта? Получается, Элис ждала, чтобы Лефтрин привез с собой все удобства корабельной каюты? Какой стыд! Она больше ни единого часа не будет здесь отсиживаться, а немедленно займется чем-нибудь полезным.

Элис натянула на себя всю теплую одежду, какая была, и вышла на улицу. Она посмотрела в сторону лесистых холмов, возвышавшихся за их поселком. Теперь это ее мир, – и, возможно, другого ей уже не видать. Надо его понемногу осваивать. Не обращая внимания на дождь, Элис направилась вверх по склону, следуя по протоптанной хранителями тропе. Обо-

гнув соседние хижины, она добралась до опушки дремлющего леса. Когда поселок остался позади, решимость Элис окрепла. Она способна измениться. Она не прикована к прошлому и вполне может стать кем-то, самостоятельной личностью, а не просто глиной в руках других людей. Еще не поздно.

На пересечении тропинок женщина свернула на ту, которая шла вправо и вверх, взяв на заметку на обратной дороге идти вниз и налево. Мышцы ног, ягодиц и спины нещадно ныли после долгих недель безделья, но Элис не собиралась себя жалеть. Ходьба помогла ей согреться, и она даже расстегнула плащ и распустила шарф. Она всматривалась в лес так, как раньше всматривалась в Кельсингру, мысленно отмечая знакомые и незнакомые растения. Голые шипастые плети могут оказаться лесной малиной – надо будет летом вернуться и проверить.

Элис добралась до ручейка и, встав на колени, зачерпнула ладонями воду и напилась, а потом перешла на другой берег и двинулась дальше. В укрытой от ветра низине она заметила кусты гаультерии с блестящими красными ягодами. Элис обрадовалась так, словно обнаружила клад, и постаралась собрать побольше ягод в сложенный из шарфа мешок. Эти терпкие на вкус плоды станут прекрасным дополнением к их однообразным трапезам, а еще они обладают целительным действием и помогут вылечить саднящее горло и кашель. Листья этого вечнозеленого кустарника Элис тоже срывала, наслаждаясь ароматом и представляя себе, как заварит из них чай. Ее удивляло, что никто из хранителей до сих пор не нашел ягоды и не принес их в поселок, пока она вдруг не сообразила, что для выросших высоко в Дождевых чащобах охотников эти растения были настоящей экзотикой.

Завязав добычу в узелок, Элис подвесила его к поясу и двинулась дальше. Лиственные деревья сменил густой вечнозеленый лес. Усыпанные иглами ветки смыкались у нее над головой, заслоняя дневной свет. Даже ветер, дувший непрестанно все эти дни, утихомирился. Толстый слой пахучих иголок и лесная тишина вызвали у Элис такое ощущение, будто она закрыла уши ладонями. Какое облегчение!

Она неспешно брела через лес, когда почувствовала голод. Элис положила в рот пару ягод гаультерии и разгрызла их, ощущая непривычный вкус и аромат. Голод прошел.

Вскоре Элис вышла на прогалину, где рухнуло поваленное молнией гигантское дерево, прихватив с собой множество собратьев поменьше. Упавший ствол обвивало какое-то ползучее растение. Она некоторое время рассматривала его, а потом ухватила за одну из шершавых плетей и вытянула ее, хотя та и сопротивлялась. Оборвав листья, Элис проверила прочность лозы. Голыми руками сломать стебель не получилось. Ну что ж... Можно будет вернуться сюда с ножом, нарезать лозу, унести домой и что-нибудь из нее сплести. Например, корзину. Или сеть для ловли рыбы. А почему бы и нет? Она внимательнее пригляделась к деревьям: почки уже набухают. Значит, зима начинает отступать. Где-то в вышине закричал далекий ястреб. Элис посмотрела сквозь прореху в кронах. Только благодаря этому она поняла, что полдень давно миновал. Надо возвращаться. Она намеревалась набрать веток ольхи, чтобы коптить рыбу, но не сделала этого, однако придет домой не с пустыми руками: наверняка все обрадуются ягодам гаультерии.

От непривычной ходьбы вниз по склону быстро заболели ноги. Элис стиснула зубы и заставила себя шагать дальше.

«Так мне и надо за то, что постоянно сидела дома!» – сурово упрекнула она себя.

Добравшись до листового участка леса, Элис ощутила странный запах. Ветер усилился, и она остановилась, пытаясь понять, что именно уловила. Запах был неприятный, но знакомый. И только когда животное вышло на тропу прямо перед ней, молодая женщина догадалась, что к чему.

«Вот так кот», – подумала Элис.

Огромный кот не сразу заметил человека. Он крался, опустив голову, и обнюхивал землю, открыв пасть, из которой виднелись длинные желтые клыки. Шкура у зверя была пестрая: черные пятна на темном фоне. На ушах хищника красовались кисточки, мышцы под гладким мехом напрягались и перекачивались.

Элис не верила своим глазам: ей предстало животное из тех, кого уже давным-давно никто не видел. Внезапно ей вспомнился собственный перевод слова из языка Старших.

– Пантера! – выдохнула она, произнеся название вслух. – Черный леопард!

Услышав шепот, зверь вздрогнул – и его желтые глаза уставились на нее. Элис охватил страх. Огромного кота насторожил незнакомый запах на тропе, ее собственный! Вот что он вынюхивал!

Сердце женщины испуганно замерло – и пустилось вскачь. Хищник смотрел на Элис: возможно, появление человека изумило его не меньше, чем ее саму – появление леопарда. Представители этих двух видов не встречались друг с другом вот уже много поколений. Зверь выгнул спину и зашипел.

Элис захотелось громко завизжать, но она справилась с паникой. Она сосредоточилась и мысленно позвала на помощь:

Синтара! Синтара, огромный кот – леопард – охотится на меня! Пожалуйста, помоги!

Нет. Справляйся сама, – равнодушно отозвалась Синтара.

В миг контакта Элис почувствовала, что драконица хорошо поела и погружается в довольное оцепенение. Но даже если бы она и пожелала пробудиться, то вряд ли бы успела вовремя: пока взлетела бы и пересекла реку, пока нашла Элис...

«Не отвлекайся на бесполезные мысли. Сосредоточься на главном», – приказала себе молодая женщина.

Кот наблюдал за ней – и его настороженность сменилась интересом. Чем дольше Элис будет стоять тут в оцепенении, как испуганный кролик, тем больше осмелеет зверь. Надо действовать!

– Я не добыча! – громко заорала она. Ухватив полы плаща, Элис широко распахнула его и растянула, чтобы выглядеть вдвое больше. – Не добыча! – прокричала она опять, намеренно понизив тембр голоса.

Элис захлопала плащом и заставила свои трясущиеся ноги сделать шаг вперед. Если она побежит, леопард кинется следом. Если испуганно замрет на месте, он тоже ее схватит. В любом случае терять нечего. Подгоняемая страхом и отчаянием, Элис, яростно взревев, бросилась на пантеру, продолжая на бегу хлопать полами одежды.

Зверь пригнулся – и она поняла, что сейчас он ее убьет. Ее басовитый рык превратился в гневный вопль, и кот неожиданно рыкнул в ответ. У Элис сбилось дыхание. На миг и напряженный зверь, и напуганная женщина замерли. А затем леопард повернулся и умчался в лес. Он освободил тропу, и испуганная Элис огромными прыжками бросилась наутек. Она и не подозревала, что человек способен развить такую скорость. Лес вокруг нее словно бы смазался, контуры деревьев были видны нечетко. Нижние ветки рвали волосы и одежду, но женщина не замедляла бега. Она хватала ртом воздух, который обжигал ей горло и сушил рот, однако не останавливалась. Наконец у нее в глазах начало темнеть – и тогда она заковыляла медленнее, хватаясь за стволы, чтобы удержаться на ногах. Когда страх перестал придавать ей силы, Элис сползла на землю, привалившись спиной к раскидистому дубу, и обернулась назад.

В чаще не было заметно никакого движения. Элис сумела закрыть рот, уладила дыхание и услышала оглушительный стук собственного сердца. Ей показалось, что прошли часы, прежде чем она успокоилась, а биение сердца затихло настолько, что она смогла слышать обычные звуки леса. Она напряженно прислушивалась, но до нее доносился только шелест ветвей. Уцепившись за ствол, женщина с трудом поднялась, гадая, смогут ли трясущиеся ноги нести ее дальше.

Когда Элис двинулась по тропе, ведущей к дому, у нее на лице вдруг заиграла нелепая ухмылка. Она сумела! Она столкнулась с пантерой, спаслась и возвращается домой победительницей – и к тому же с ягодами гаультерии и листьями для чая.

«Я не добыча!» – хрипло прошептала молодая женщина, и ее ухмылка стала еще шире.

На ходу она привела в порядок одежду и пригладила волосы. Накрапывающий дождь мог в любой момент превратиться в ливень. Надо поторопиться, пока она не промокла до нитки. И к тому же дома у нее накопилось много дел. Надо собрать дрова и растопку, одолжить углей, чтобы разжечь огонь, принести воды. А еще нужно рассказать Карсону про леопарда, чтобы он предостерег остальных. А потом она заварит себе чаю.

Элис чувствовала, что теперь, когда ее собственная жизнь обрела новый смысл, она уж точно заслужила чашку ароматного чая из листьев гаультерии.

*Двадцатый день месяца Рыбы,
седьмой год Вольного союза торговцев
Всем смотрителям голубятам —
от руководства гильдии Голубиной почты
Предписывается вывесить сие уведомление
на видном месте во всех почтовых отделениях*

Необходимо, чтобы все члены гильдии Голубиной почты помнили о нижеследующем. Дело, которому мы служим, – это освященное веками ремесло со своими правилами, нормативами, кодексом этики и профессиональными, доступными исключительно членам гильдии секретами, связанными с содержанием и разведением голубей. Должным образом обученные птицы являются собственностью гильдии, равно как и их потомство. Наша репутация издавна зиждется на том, что наши голуби являются самыми быстрыми, умелыми и здоровыми. Многочисленные клиенты прибегают к нашим услугам, поскольку уверены, что мы не только вовремя доставим их сообщения, но также и обеспечим им полную конфиденциальность.

К сожалению, в последнее время участились жалобы и претензии, касающиеся возможного вскрытия посланий. Наряду с этим мы заметили, что обострилась конкуренция: все больше клиентов стали пользоваться услугами частных голубятам. А что еще хуже, недавняя эпидемия красных вишей привела к тому, что из-за отсутствия достаточного количества голубей мы были вынуждены отказывать людям, которые обращались в наши почтовые отделения.

В связи с вышеизложенным обращаем внимание уважаемых коллег на то, что под угрозой оказалась не только наша репутация, но и доходы. Профессиональная честь требует от каждого незамедлительно докладывать руководству о любых подозрениях относительно вскрытия посланий.

Также необходимо ставить нас в известность о случаях кражи яиц или птенцов для личных нужд.

Только при строгом и повсеместном соблюдении правил гильдии Голубиной почты всеми ее членами мы сможем обеспечивать клиентам надлежащее качество услуг. Помните, что строгое соблюдение всех профессиональных норм является залогом нашего общего процветания.

Глава 2. Полет

Драконы, словно ласточки, описывали широкие круги над рекой. Казалось, что полет дается им без всякого труда. Хеби сверкала алым, а высоко над ней – по расширяющейся спирали – кружила Синтара, подобная синему сапфиру на фоне голубого неба. Сердце Татса радостно запело, когда он наконец заметил пару изумрудных крыльев. Фенте! Его собственная зеленая драконица, его королева Фенте порхала уже три дня, и каждый раз, когда Татс видел ее в воздухе, душу юноши наполняли любовь и гордость. И конечно, эти чувства были слегка приправлены тревогой.

Глупыш! Я – дракон. Небеса принадлежат мне. Я понимаю, что привязанному к земле существу трудно такое осознать, но именно здесь мой дом.

Ее снисходительность могла вызвать только улыбку.

Ты паришь, как пух одуванчика.

Пух с когтями! Я лечу на охоту!

Хорошей тебе добычи!

Татс наблюдал, как Фенте, накренившись, отделяется от стаи, направляясь к подножиям холмов на дальнем берегу реки. Хранитель ощутил укол разочарования. Наверное, сегодня он ее уже не увидит. Она найдет добычу, убьет ее, наестся до отвала, заснет – а вечером вернется не к нему, а в Кельсингру. Там Фенте понежится в купальне или переночует, спрятавшись в укромном городском убежище, предназначенном для драконов. Конечно, оно и к лучшему. Это как раз то, что ей необходимо, чтобы расти и увереннее летать. И Татс радовался, что его драконица одной из первых смогла взмыть ввысь. Но... он скучал по ней. Успех Фенте сделал его еще более одиноким, чем прежде.

Несколько других драконов пытались проделать то, что Фенте уже освоила. Карсон стоял рядом с серебристым Плевком и, придерживая за край крыльев, осматривал на предмет паразитов. Плевок сверкал, как отполированный меч. Татс догадался: хранитель под предлогом ухода заставляет дракона расправлять крылья. Плевок ворчал – недовольно и угрожающе, однако охотник не обращал на брюзжание дракона ни малейшего внимания. К сожалению, не все их подопечные тренировались и упражнялись охотно. Плевок был в числе самых упрямых. Ранкулос проявлял неосторожность и славился угрюмым нравом. Черно-синий Кало кипел величавым возмущением по поводу того, что жалкие людишки смеют им руководить, а Балипер откровенно боялся быстрого течения реки. Что до остальных, то, по мнению Татса, они просто ленились. Обучение полету требовало немалых усилий и протекало довольно болезненно.

Однако некоторые драконы были твердо намерены взмыть вверх, добиться этого любой ценой. Дортеан упал на деревья и так сильно ушибся, что до сих пор не вполне выздоровел. А Сестикан порвал перепонку. Его хранитель, Лектер, удерживал поврежденное крыло своего дракона в раскрытом положении и плакал от жалости, пока Карсон зашивал разрыв.

Меркор замер, широко раскинув золотые крылья в бледном солнечном свете. Харрикин и Сильве наблюдали за ним, и на лице девушки отражалось беспокойство. Ранкулос, дракон Харрикина, ревниво следил за ними. Золотистый самец раскинул крылья и отрывисто хлопнул ими, словно удостоверяясь, что все работает. Перенеся вес тела на задние лапы, он подбросился и подпрыгнул, делая широкие взмахи. Но, несмотря на все усилия, не сумел набрать достаточную высоту, так что лишь спланировал вдоль реки, после чего неуклюже приземлился на песок. Татс испустил протяжный вздох разочарования и увидел, что Сильве закрыла лицо ладонями. Золотой дракон вырос, но сильно похудел и уже не сверкал так, как прежде. Умение летать и добывать пропитание становилось вопросом жизни и смерти – и не только для самого Меркора, но и для остальных его сородичей. Они пойдут за ним, куда бы он их ни повел.

Меркор обладал какой-то странной властью над ними, и Татс не вполне понимал причину этого. Когда все они были еще змеями, он возглавлял их «клубок», и, как ни странно, драконы сохранили ему верность и в новой жизни. И когда Меркор объявил, что освоившие полет драконы должны охотиться исключительно на другом берегу реки и не трогать животных на этой стороне, чтобы хранителям проще было прокормить их пока что прикованных к земле собратьев, никому даже в голову не пришло с ним спорить. Теперь все наблюдали за тем, как Меркор разминает крылья, и Татс надеялся, что если ему удастся взлететь, то и остальные проявят большую заинтересованность.

Когда драконы смогут охотиться, всем станет легче жить. Хранители тоже смогут перебраться в Кельсингру. Татс подумал о теплой постели и горячей воде и тоскливо вздохнул. Он снова поднял взгляд, чтобы полюбоваться на Фенте.

– Трудно ее отпустить, да?

Молодой человек неохотно повернулся к задавшей этот вопрос Элис. Мгновение Татс потрясенно думал, что она заглянула ему в сердце и поняла, как он страдает по Тимаре. А затем, поняв, что речь шла о его драконице, попытался улыбнуться. Женщина из Удачного в последнее время была молчаливой, серьезной и какой-то отстраненной. Казалось, будто она опять стала чужой утонченной дамой из богатой семьи: когда хранители поразились, узнав, что она отправится вместе с ними вверх по реке Дождевых чашоб. Сперва Элис соперничала с Тимарой, добиваясь внимания Синтары, но исключительная ловкость девушки из Трехога, умелой охотницы, вскоре завоевала если не сердце, то желудок синей драконицы. Однако Элис все-таки нашла свое место среди хранителей. Она не добывала дичь, но помогала чистить драконов и лечить их раны, а ее обширные познания о драконах и Старших оказались чрезвычайно важными и полезными. Какое-то время они считали, что Элис вписалась в их круг.

Однако ни один дракон так и не избрал молодую женщину своей хранительницей, а когда Рапскаль заявил, что найденный ими город принадлежит только Старшим, Элис и вовсе осталась одна. На душе у Татса сразу же делалось неуютно при воспоминании о том жестком противостоянии. Когда они попали в Кельсингру, Элис властно заявила, что здесь ничего нельзя трогать или менять, пока она не сможет тщательно описать мертвый город. Татс тогда согласился с ней, как и другие. Теперь он сам дивился тому, какую власть этой женщине предоставили лишь потому, что она была взрослая и ученая.

А потом произошла та роковая стычка между Элис и Рапскалем. Рапскаль, единственный из хранителей, мог посещать Кельсингру когда вздумается. Его драконица, Хеби, научилась летать первой и, в отличие от сородичей, не возражала возить у себя на спине пассажира. Хеби не раз доставляла в город и саму Элис. Но когда Рапскаль и Тимара совершили очередную вылазку и на следующий день вернулись с запасом теплых одеяний Старших, чтобы поделиться с друзьями, донашивавшими жалкие лохмотья, рыжеволосая исследовательница вознегодовала. Татс никогда еще не видел воспитанную, неизменно вежливую Элис настолько злой. «Остановитесь! – кричала она. – А ну-ка перестаньте обращаться с вещами Старших так небрежно! Немедленно положите всё обратно! О чем вы только думали, когда забирали наследие Старших из города?»

Ребята сначала смутились, но тут Рапскаль бросил Элис вызов. Он сказал ей – со свойственной ему прямоотой, – что город вовсе не мертвый, как она думает, а живой и принадлежит Старшим. И напомнил Элис, что сама она – простой человек и к Старшим никакого отношения не имеет. Вот так-то. И Татсу, хотя сердце у него и обливалось кровью при виде Тимары с Рапскалем, стало очень жаль Элис. А когда он понял, что она быстро отдаляется, отгораживается от них, ему стало стыдно и захотелось все исправить. Сейчас молодой человек в душе упрекнул себя за то, что с тех пор ни разу даже не заглянул к Элис и не спросил, все ли у нее в порядке. Конечно, он и сам страдал, но ему следовало проявить хоть какое-то участие. А он даже не заметил отсутствия Элис, пока та не появилась среди них снова.

Может, ее попытка завязать разговор означает, что она пришла в себя после отповеди Рапскаля? Татс надеялся, что так и есть.

Улыбнувшись ей, он ответил:

– Фенте изменилась. Я теперь нужен ей не так сильно, как прежде.

– Очень скоро это произойдет с каждым из хранителей, – произнесла Элис, продолжая наблюдать за драконами, парящими в небе. – Все изменится. Ваши подопечные будут думать только о себе. Драконы сами начнут определять свою жизнь. И возможно, нашу тоже.

– Что ты имеешь в виду?

Теперь Элис посмотрела прямо на него, недоуменно приподняв брови, как будто ее изумила подобная непонятливость:

– Я хочу сказать, что драконы снова будут править миром. Как они делали это и раньше.

– Раньше? – повторил Татс и зашагал следом за Элис.

Это вошло у всех них в привычку: хранители и не освоившие полет драконы по утрам собирались на берегу реки, обсуждая разные дела и строя планы. Татс оглянулся и на миг восхитился волшебным зрелищем. В тающем утреннем тумане сверкали фигуры хранителей, облаченных в одеяния Старших. Драконы разбрелись по пологому склону и ярко блестели на фоне влажного от росы луга. Они разминали крылья, энергично хлопая ими по траве, или вытягивали шеи и лапы. Карсон прекратил понукать Плевка и ожидал их вместе, расположившись с Седриком у подножия холма.

И вдруг Татс сообразил, что у них появился предводитель. Несмотря на впечатляющую речь, произнесенную после возвращения из Кельсингры, Рапскаль не стал командовать другими, хотя Татс и считал, что он вполне на такое способен. Но вероятно, его совершенно не привлекала роль вожака. Рапскаль был красивым и веселым малым. Он пользовался симпатией товарищей, но большинство говорило о нем с теплой улыбкой, а не с глубоким уважением. Рапскаля считали немного странным: то на него нападала задумчивость, то вдруг находила неестественная общительность. Однако он всегда оставался доволен собой. Честолюбие, которое мигом возгорелось бы в Татсе, окажись он на его месте, было совершенно не свойственно Рапскалю.

По возрасту Карсон был старше всех, кого избрали драконы. Казалось логичным возложить на него ответственность, и охотник от нее не уклонялся. Как правило, Карсон распределял между хранителями обязанности: одним поручалось чистить и обихаживать питомцев, пока другие отправлялись добывать дичь или ловить рыбу. Если хранитель вдруг протестовал и говорил, что он по горло занят, что у него сейчас есть какие-то другие неотложные дела, Карсон не упорствовал. Он никогда не давил на ребят и не настаивал на своем любой ценой, но действовал мудро, с учетом ситуации и личных особенностей каждого. В результате все признали его главенство и власть.

Элис молча взяла на себя часть черной, но необходимой повседневной работы. Она следила за коптильней, где вялились рыба и мясо, собирала съедобные растения и помогала чистить драконов. Сильве, будучи не слишком хорошей охотницей, полностью сосредоточилась на приготовлении еды. По предложению Карсона хранители опять стали есть все вместе. Было приятно собираться, чтобы поесть и вдоволь поболтать, как они делали это прежде, когда сопровождали драконов вверх по реке.

Благодаря этому Татс чувствовал себя менее одиноким.

– Да, драконы будут править миром, – продолжила Элис и покосилась на собеседника. – Когда видишь их в полете, а потом наблюдаешь за тем, как вы меняетесь... это заставляет по-другому оценить то, что я обнаружила во время своих ранних исследований. Драконы были центром цивилизации Старших, а люди являлись отдельной популяцией и жили в поселениях вроде того, что мы нашли здесь. Они выращивали зерно и разводили скот, который отдавали

Старшим в обмен на их чудесные изделия. Взгляни на город на том берегу реки, Татс, и задай себе вопрос: как они могли себя прокормить?

– Ну, на окраинах, наверное, паслись стада. И еще были поля... – пробормотал Татс. – Да?

– Наверное. Но хозяйством занимался простой люд. Старшие же посвящали себя магии и уходу за драконами. Все, что они строили и создавали, было нужно не им, а драконам, которые их затмевали.

– В смысле – правили ими? Драконы повелевали Старшими? – беспомощно уточнил Татс. Такая картина показалась ему не слишком вдохновляющей.

– «Правили» – это не совсем точное слово. Разве Фенте тобой правит?

– Нет, конечно!

– Однако ты посвящал все дни добыче пищи для Фенте, чистил свою драконицу и всячески о ней заботился.

– Но я сам так хотел!

Элис улыбнулась:

– Вот поэтому термин «правили» и не годится. Очаровывали? Околдовывали? Я не уверена, как это следует правильно выразить, но ты, Татс, наверняка меня понимаешь. Если у нынешних драконов будет потомство, их число увеличится, и тогда они неизбежно станут перестраивать мир под себя.

– Звучит не ахти! Как-то это... чересчур эгоистично с их стороны!

– Неужели? А разве люди не делают то же самое на протяжении веков? Мы – поколение за поколением – заявляем свои права на земли и используем их в своих целях. Мы изменяем русла рек и ландшафты, чтобы можно было плавать на судах, собирать урожай или пасти скот. И мы считаем вполне естественным формировать мир так, чтобы он был удобен и гостеприимен для нас. Тогда почему драконы должны воспринимать все как-то иначе?

Татс призадумался.

– Их намерения искренни, и, возможно, они не причинят нам вреда, – произнесла Элис, нарушив паузу. – Вероятно, люди растеряют часть своей ограниченности, если им придется соперничать с драконами. О, посмотри-ка на Ранкулоса... Никогда бы не поверила!

Огромный алый дракон завис в воздухе. Он не отличался изяществом. Его хвост по-прежнему был слишком тонким, а задняя часть туловища – недостаточно массивной для такого громадного существа. Татс собрался было возразить, что Ранкулос просто хочет спикировать вниз, но тут дракон начал тяжело хлопать крыльями – и планирование превратилось в натужный полет. Дракон постепенно набирал высоту.

Татс заметил Харрикина. Высокий худощавый хранитель бежал по склону, пытаясь догнать дракона. Когда Ранкулос взмыл ввысь, юноша закричал:

– Смотри, куда летишь! Поворачивай налево! Не над рекой, Ранкулос! Нет!

Ветер относил в сторону голос Харрикина, а Ранкулос парил высоко: Татс решил, что громадный дракон вряд ли услышал хранителя. А если и услышал, то пропустил его отчаянные вопли мимо ушей. Возможно, он полон ликования от того, что наконец-то поднялся в воздух, а может, решил, что полетит или погибнет.

Красный дракон неловко поднимался в небо. Его задние ноги болтались и дергались в безуспешных попытках подтянуть их к туловищу. Другие хранители подхватили крик Харрикина:

– Слишком рано, Ранкулос! Спускайся!

– Вернись!

Но Ранкулос не обращал на них внимания. Он отчаянно стремился удалиться от берега. Ровные взмахи крыльев вскоре превратились в беспорядочное хлопанье.

– Что он творит? И о чем только думает?

– Молчать! – Трубный клич Меркора действительно заставил всех замолчать. – Глядите! – приказал он людям и драконам.

Ранкулос парил в вышине, широко раскинув крылья. Его неуверенность стала очевидной. Он качнулся и накренился, описывая широкую дугу – и одновременно теряя высоту. Потом, наверное осознав, что до Кельсингры ему ближе, чем до прибрежного поселка, он полетел прежним курсом. Однако все заметили, что красный дракон изрядно подустал. Его туловище обвисло, а крылья начали трепыхаться. Вот сейчас произойдет неизбежное, и Ранкулос рухнет в реку...

– Не-е-ет! – Возглас Харрикина был полон страдания. Он замер, вонзив ногти в лицо, но, похоже, даже не почувствовав боли.

Однако Ранкулос удалялся от поселка. Под ним неся бурный речной поток. Сильве опасливо покосилась на Меркора и, подбежав к Харрикину, встала рядом с ним. Лектер ковылял по склону к своему названому брату, сутуля широкие плечи. Он явно сочувствовал Харрикину, догадываясь, что все закончится плохо.

Ранкулос опять замахал крыльями, но уже не ритмично и равномерно, а беспорядочно, поддавшись панике. Из-за дерганных движений его сильно перекосило и повело в сторону. Дракон вел себя как птенец-переросток, покинувший гнездо. Он хотел попасть на дальний берег, но понимал, что не сможет туда добраться. Один... два... три раза кончики его крыльев прочертили по поверхности реки белые полосы, а затем течение поймало его обвисшие задние лапы и вырвало Ранкулоса из воздушной стихии, заставив опрокинуться в серый поток. Бедняга даже не успел поджать лапы. Он тщетно забил крыльями по воде – и пошел ко дну. А река быстро разгладилась над тем местом, куда упал дракон, словно его никогда и не существовало.

– Ранкулос! – Голос Харрикина стал пронзительным и ребяческим.

Он опустился на колени. Хранители, будто окаменев, смотрели на реку. Каждый надеялся на чудо. Но ничто не возмущало стремительные воды. Харрикин напрягся, сжал руки в кулаки и заорал:

– Плыви! Греби! Не сдавайся, Ранкулос! Борись! Не сдавайся!

Он поднялся на ноги и зашагал вниз, волоча следом вцепившуюся в него Сильве. Наконец остановился, отчаянно озираясь, содрогнулся всем телом и взревел:

– Нет! Са, умоляю тебя! Только не мой дракон! Нет!

Порыв ветра отнес в сторону его слова, полные горячей мольбы. Бедный парень рухнул на колени и низко опустил голову.

Воцарилась гнетущая тишина. Все смотрели на опустевшую реку. Сильве оглянулась на хранителей: на ее лице отражались беспомощность и глубокое потрясение. Лектер подошел ближе. Он положил покрытую чешуей руку на худое плечо Харрикина и тоже склонил голову. Плечи его дергались.

Татс молча взирал на них, разделяя общую боль. Он бросил виноватый взгляд в небо. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы отыскать Фенте – мерцающий далекий изумруд. Как раз в это мгновение его королева спикировала, наверняка на оленя.

«Она не знает или ей все равно?» – задался Татс вопросом. Напрасно он высматривал двух других драконов. Если они и заметили, что Ранкулос тонет, то ничего не предприняли. Может, просто знали, что не смогут помочь ему? Но почему драконы всегда так бессердечны к себе подобным?

«А порой и к своим хранителям», – вдруг подумал Татс, когда в его поле зрения появилась лазурная красавица Синтара. Она была занята охотой и, подобно молнии, неслась над далекими пологими холмами. Ее не интересовали ни Тимара, стоящая в одиночестве на берегу, ни Ранкулос, погибающий в ледяных объятиях реки.

– Ранкулос! – внезапно прохрипел Сестикан.

Лектер вскинул голову, повернулся – и с ужасом увидел, что его голубой дракон тяжело мчится вниз по склону. На бегу Сестикан раскинул крылья, демонстрируя ярко-оранжевые прожилки. Лектер тут же бросил убитого горем брата и помчался наперерез своему подопечному. На ходу он громко умолял его одуматься. Дэвви ринулся следом за ним. Крупный голубой дракон усердно тренировался, и тем не менее Татс изумился, когда он внезапно подпрыгнул, ловко вытянул тело и принялся набирать высоту с каждым взмахом крыльев. Сестикан пролетел высоко над головой своего хранителя, но когда он устремился на другой берег, от поверхности реки его отделяло только расстояние, равное длине крыла.

Лектер завопил:

– Нет! Ты еще не готов. Стой! Не вздумай!

Дэвви замер, в панике зажимая рот обеими руками.

– Не останавливай его, – устало посоветовал Меркор. Он произнес эти слова вполголоса, но их слышали все. – Сестикан пошел на риск, который ждет каждого из нас, рано или поздно. Остаться здесь – значит медленно умирать. Возможно, быстрая смерть в ледяной воде – лучший выбор.

Вращая черными глазами, золотой дракон наблюдал за неуклюжим Сестиканом.

Ветер прошелестел по лугу, принес с собой мелкий дождь. Татс прищурился, радуясь, что щеки у него и так уже влажные.

– А может, и нет! – протрубил Меркор.

Он встал на задние лапы и устоял на вожденный противоположный берег. Его примеру последовали еще несколько драконов. Харрикин вскочил, а Плевок воскликнул:

– Он вылез! Ранкулос пересек реку ниже по течению!

Татс безуспешно всматривался в даль. Дождь превратился в серую дымку, а драконы глядели туда, где масса древних построек сползала в воду.

Харрикин крикнул:

– Да! Он вылез из реки! Ранкулос ушибся и поранился, но он жив. Ранкулос жив – и он в Кельсингре!

Наконец Харрикин заметил рядом с собой Сильве. Он подхватил ее на руки и закружил в радостном танце, восклицая:

– Он цел! Цел!

Сильве засмеялась. Но потом они вдруг разом замолчали.

– А где Сестикан? – спросил Харрикин. – Лектер!

И бросился к своему брату, а девушка побежала за ним.

Голубой дракон Лектера все-таки добрался до цели. Он выгнулся, прижал более короткие передние лапы к обвисшим задним и пошел на снижение. Приземляясь, Сестикан сначала действовал достаточно ловко, но в последний момент не сумел снизить скорость и перекувырнулся, так и не сложив широкие крылья. Неуклюжая посадка вызвала у зрителей одобрительные крики, стоны разочарования и даже взрывы смеха. Однако Лектер ликуя завопил и подпрыгнул на месте.

Он повернулся и с лукавой ухмылкой осведомился у хранителей:

– А ваши драконы могут лучше?

Заметив Дэвви, он крепко обнял возлюбленного.

В следующую секунду его названный брат и Сильве тоже обняли их. А потом, к изумлению Татса, Харрикин оттащил девушку в сторону, еще раз покружил и, поставив на землю, крепко поцеловал. Собравшиеся хранители с приветственными возгласами направились к ним.

– Всё меняется, – негромко сказала Элис, посмотрев на толпу восторженных хранителей, и снова повернулась к Татсу. – В Кельсингре уже целых пять драконов.

– А здесь – еще десять, – поддержал беседу Татс и, видя, что Харрикин и Сильве продолжают обниматься, добавил: – Всё и вправду изменилось. Думаешь, так и должно быть?

– Неужели ты веришь, что им важно мое мнение? – спросила Элис искренне и не без горечи.

Татс ответил не сразу.

– Думаю, да, – заявил он в конце концов. – Это важно каждому из хранителей. Ты столько знаешь о прошлом. По-моему, иногда ты лучше нас видишь, что может с нами случиться... – Татс осекся, осознав, что собеседница может неправильно истолковать его слова.

– Потому что я – не одна из вас. Я лишь посторонний наблюдатель, – подытожила Элис. Когда юноша молча кивнул, смутившись, она фыркнула. – Но зато это дает мне преимущество и способность взглянуть на вещи так, как не дано вам.

Она махнула рукой в сторону Сильве и Харрикина. Те до сих пор стояли рядом с Лектером. Остальные окружили их, смеясь и ликуя. С Лектером был и Дэвви – и они, конечно, не разнимали рук.

– В Трехоге и Удачном поведение этой парочки вызвало бы настоящий скандал. Там они давно стали бы изгоями. А здесь если мы и отводим взгляды, когда они целуются, то не от отвращения, а просто чтобы не мешать влюбленным.

Татс отвлекся. Он заметил, что Рапскаль прошел между хранителями и приблизился к Тимаре. Он что-то прошептал ей, и девушка заулыбалась. А затем Рапскаль положил ладонь ей на спину, едва касаясь пальцами ткани одеяния Старших, – там, где находились крылья. Тимара изогнулась, словно от дрожи, и отстранилась, но на ее лице не было ни малейшего недовольства.

Татс отвернулся и опять обратился к Элис.

– Или мы отводим взгляды из зависти, – заявил он, удивившись собственной откровенности.

– Одиночеству тяжело смотреть на счастье, – согласилась Элис, и Татс понял: она приняла его реплику на свой счет.

– Но твое одиночество скоро закончится, – напомнил он.

Рыжеволосая женщина пожала плечами:

– Наверное. И со временем то же самое произойдет и с тобой.

– Почему ты так уверена? – не слишком любезно поинтересовался Татс.

Элис задумчиво склонила голову:

– Ты правильно подметил: я наблюдаю со стороны и строю прогнозы. Но если я скажу тебе о том, что предвижу, то, боюсь, тебе это не понравится.

– Я готов услышать правду, – заверил ее юноша и тут же смутился.

Элис кивнула, но промолчала.

Татс с трудом различал обоих драконов: их силуэты едва вырисовывались в дождливой дымке. Ранкулос уже вылез на сушу – значительно ниже по течению – и направлялся к Сестикану. А Сестикан казался маленькой голубой фигуркой, неторопливо шагавшей по одной из главных улиц города. Татс решил, что он направляется в купальни. Все не начавшие летать драконы только и говорили что о горячих ваннах. Он уставился на драконов на ближнем берегу. Они смотрели в сторону реки с явной тоской. Шея Меркора была вытянута к Кельсингре, как будто он мог перенестись туда одним лишь усилием воли. Серебряный Плевок и приземистая Релпда топтались рядом, как растерянные дети. Их сородичи расположились вокруг Меркора веером. Иссиня-черный Кало возвышался над Верас, миниатюрной королевой Джерд. Балипер и Арбук держались поодаль от вспльчивого темного самца. Тиндер, единственный лиловый дракон, у которого на крыльях уже начали проявляться ярко-синие прожилки, застыл возле двух оранжевых собратьев – Дортеана и Скрима. Татсу эта парочка казалась страшно похожей на своих хранителей, Кейза и Бокстера. Прямо близнецы какие-то! Но плавная речь Элис прервала его размышления.

– Они очень юные, даже по меркам Дождевых чащоб. А уж по меркам Старших ваши жизни еще только начались. Я ведь долго занималась исследованиями и вычислила, что у вас впереди не десятки лет, а гораздо больший срок. Вам предстоит пережить несколько людских поколений. Подозреваю, что, по мере того как население Кельсингры увеличится, у тебя появится возможность с кем-нибудь познакомиться. Рано или поздно ты найдешь себе молодую подружку, и не одну. Уж поверь мне, Татс.

Он потрясенно воззрился на собеседницу.

– Старшие – не люди, – твердо проговорила она. – В древние времена они не были скованы общепринятыми человеческими нормами. – Элис вновь посмотрела вдаль, на Кельсингру, словно способна была узреть будущее окутанного туманом города. – И я подозреваю, не будут и впредь. Вы станете жить отдельно от нас и по собственным правилам. – Она указала на радостную группу хранителей. – А сейчас ты напрасно стоишь здесь, со мной. Тебе лучше присоединиться к своим товарищам.

Элис наблюдала за тем, как Татс принимает решение. Она восхитилась его мужеством, когда юноша отрывисто кивнул и направился вниз по склону. Он единственный из хранителей начал свой путь как татуированный сын рабыни, а не как уроженец Дождевых чащоб. Порой Татс ощущал себя здесь чужаком. Однако она знала истину. Теперь он был таким же Старшим, как и остальные, – и останется им до конца своих дней.

Элис задумчиво возвратилась домой и, со вздохом открыв дверь, вошла в свое тщательно прибранное жилище. Они – Старшие, тесно связанные с драконами, а она – нет. Да, следует посмотреть правде в глаза: она, единственная, кто столько знает о драконах, так и не смогла установить ни с одним из этих существ тесную связь. Удушающее одиночество снова набросилось на нее. Но женщина отмахнулась, заставив себя не думать о всеобщем ликовании на берегу, и сосредоточилась на текущих заботах. Нужно принести свежие ветки ольхи для копильни. А для очага, на котором готовили еду, понадобятся сухие дрова. И то и другое теперь находить трудно: легкодоступные запасы поблизости быстро истощились. Эти дела по-прежнему оставались важными и были ей вполне по силам. Не слишком сложная и значимая работа по сравнению с тем, чем Элис занималась прежде, но теперь это ее повседневные обязанности. А найденные ею лозы оказались отличным материалом для плетения легких корзин, чтобы носить хворост и растопку. Элис выбрала небольшую корзину и пристроила ее на плече. Не стоит понапрасну никому завидовать. У нее своя жизнь и свое собственное предназначение. Женщина взяла толстую палку, которую принес ей Карсон в качестве посоха. Если она намерена приспособиться к этим местам и жить рядом со Старшими и драконами, надо привыкать к своему новому положению.

Потому что выбора попросту нет. Вернуться в Удачный, к безрадостному фальшивому браку? Глотать жестокие насмешки Геста и терпеть жалкое прозябание в качестве его жены? Ну нет! Лучше уж деревянная лачуга на берегу реки с Лефтрином или даже без него, чем возврат к прежней жизни. Элис расправила плечи и собрала волю в кулак. Было непросто перестать прятаться за своей якобы полезностью в качестве знатока Старших и драконов. Однако она постепенно учится. Теперь она занята пусть не почетной, но необходимой работой, и эта работа приносила ей удовлетворение, непохожее на то, которое ей доводилось испытывать в прежнем качестве.

Сильве попросила показать ей ягоды гаультерии. Сегодня днем они вдвоем пойдут собирать плоды и листья и искать новые заросли кустарника. И обязательно вооружатся посохами – вдруг леопард появится снова. Элис потихоньку улыбнулась, вспомнив, как изумился Карсон, услышав, что она напугала крупного кота. Он попросил ее присоединиться к ним за ужином и рассказать о том, что она видела и где, и о том, как ей удалось спастись от хищника. А еще он взял с нее слово не уходить в чашу без напарника и не уведомив кого-нибудь заранее.

В тот вечер Элис было приятно стоять перед ними и пересказывать все, что она узнала о легендарных леопардах из старинных рукописей Старших, и делиться историей о том, как она сама притворилась хищником и испугала зверя. Хранители смеялись, слушая о происшествии в лесу, но не презрительно, а восхищаясь ее отвагой.

Теперь у Элис есть свое место – и она добилась этого сама.

*Двадцать второй день месяца Рыбы,
седьмой год Вольного союза торговцев
От Кима, смотрителя голубятни в Кассарике, —
Уинслоу, главному регистратору голубей*

Считаю досадным недоразумением, что простая ошибка в учете птиц привела к нелепым подозрениям и обвинениям в мой адрес. Я много раз говорил Совету, что являюсь жертвой предрассудков – просто из-за того, что получил свое назначение, будучи татуированным, а не уроженцем Дождевых чащоб. Мои нынешние подмастерья хранят верность своим сородичам, что и приводит к подозрениям и явной клевете. Поскольку, похоже, у них нет других дел, помимо распространения злонамеренных слухов, я увеличил вдвое часы их работы.

Да, количество птиц, которые сейчас находятся у нас в голубятне, уменьшилось по сравнению с тем, сколько их было до того, как эпидемия красных вишей окончательно прекратилась. Чем я объясню расхождение в цифрах? Все очень просто: некоторые особи умерли.

Признаться, в той трудной ситуации я не уделял пристального внимания записям, поскольку отчаянно пытался сохранить голубям жизнь. И по этой же причине я сжигал тушки мертвых птиц, прежде чем другие смотрители могли удостовериться в том, что они действительно погибли. Все было сделано исключительно с целью остановить распространение заразы. И больше ничего за этим не стояло.

К сожалению, я не могу предоставить никаких доказательств – если только гильдия не желает, чтобы я отправил вам угли и пепел. Однако лично мне подобное представляется абсолютно бессмысленным. Полагаю, что ты со мной согласишься.

Ким, смотритель голубятни в Кассарике

Р. S. Если в каких-либо голубятнях возникла нужда в подмастерьях, то я с радостью отправлю туда на службу своих, от них здесь все равно нет толку. Это лишь пойдет на пользу общему делу. Чем скорее новые, воспитанные лично мною сотрудники смогут заменить тех, кто выдвигал против меня беспочвенные обвинения, тем скорее работа голубиной почты в Кассарике станет действительно плодотворной и соответствующей высоким требованиям нашего ремесла.

Глава 3. Охотники и добыча

Синтара выбралась на сушу. Холодная вода водопадом скатывалась с ее сверкающей синей чешуи. Оказавшись на берегу, она распахнула крылья, качнулась на задних лапах и отряхнулась, осыпая песчаную косу каплями. Плотно прижав крылья к туловищу, драконица притворилась, будто не замечает, что к ней приковано всеобщее внимание. Она внимательно осмотрела всех собравшихся на берегу: и драконов, и их застывших рядом хранителей.

Молчание нарушил Меркор:

– Ты хорошо выглядишь, Синтара.

Она это знала. Для подобных изменений не потребовалось много времени. Долгие часы в горячей, почти кипящей воде; полеты, чтобы нарастить мышцы; и свежее мясо, необходимое, чтобы кости обросли плотью... Она наконец-то ощущала себя настоящим драконом. Синтара задержалась еще на мгновение, позволяя присутствующим оценить свою красоту, и снова опустилась на четыре лапы. Пристально взглянув на Меркора, она произнесла:

– А ты – нет. Все еще не научился летать, Меркор?

Ее презрительный тон не смутил его.

– Ты права. Но надеюсь, уже совсем скоро я тоже поднимусь в воздух.

Синтара сказала правду. Золотистый самец выглядел неважно: Меркор вырос из своей плоти, и теперь мышцы слишком тонким слоем растянулись у него по костям. Он был чистым – таким же безупречно ухоженным, как и всегда, – но прежний блеск уже исчез.

– Он обязательно полетит, – произнес кто-то весьма уверенно.

Синтара повернула голову. Она настолько сосредоточилась на Меркоре, что забыла о присутствии остальных драконов, не говоря уже о людях. Несколько юных Старших прервали работу, чтобы посмотреть на ее прибытие, но Элис не стала отвлекаться от дела. Она тщательно обрабатывала рваную рану на морде Балипера: бережно стирала всю грязь и кровь, полоща тряпицу в ведре, стоявшем у ее ног. Глаза у Балипера были закрыты.

Синтара язвительно поинтересовалась:

– Значит, теперь ты хранительница Балипера? Надеешься, что он выберет тебя Старшей? Подарит тебе лучшую жизнь?

Элис бросила на драконицу косой взгляд и опять вернулась к своему занятию.

– Нет, – коротко сказала она.

– Мой хранитель Варкен умер. Я не желаю другого. – Балипер говорил глубоко безразличным голосом.

Элис замерла. Она прижала ладонь к сильной шее алого дракона. А потом наклонилась, сполоснула тряпицу и в очередной раз принялась промывать рану.

– Я понимаю, – негромко и сочувственно пробормотала она. И обратилась к Синтаре в точности тем же тоном, что и Меркор: – Зачем ты сюда прилетела?

Вопрос Элис вызвал у драконицы раздражение – и не только из-за того, что простая смертная посмела задать ей его, но и потому что Синтара сама не знала ответа. Действительно, почему она вернулась? Драконам несвойственно искать общества сородичей или людей. Она мгновение смотрела на Кельсингру, вспоминая, с какой целью этот город создали Старшие. Ну конечно, чтобы завлечь туда драконов. Чтобы предложить им приятные излишества, какие можно найти только в построенном людьми городе.

Некое давнее высказывание Меркора вторглось в ее мысли. Они тогда обсуждали Старших. Синтара попыталась в точности вспомнить его слова, но у нее не получилось. В голове застряло лишь то, что люди меняют драконов так же сильно, как и сами драконы меняют людей. По крайней мере, Меркор так утверждал.

Подобная идея представлялась Синтаре абсурдной и унижительной. Неужели долгое общение с хранителями и впрямь внушило ей потребность оставаться в компании? Ее кровь забурлила по жилам, и тело встrepенулось. Все ясно! Внезапно она ощутила, как по чешуе прошла цветная волна, выдавая ее чувства.

– Синтара! Так для твоего визита есть причина? – насмешливо спросил Меркор, приблизившись к ней.

– Я лечу, куда мне захочется. Сегодня мне вздумалось навестить вас. У меня просто возникло желание посмотреть, что стало с самцами-драконами.

И тут раздался какой-то подозрительный звук. Может, Элис фыркнула? Синтара резко обернулась к рыжеволосой женщине, но та, казалось, была целиком поглощена обработкой раны на морде у Балипера. Тогда Синтара уставилась на Меркора, который аккуратно складывал крылья. Кало наблюдал за ними обоими с интересом. Как и Плевок. Когда она посмотрела на серебряного самца, тот вскочил на задние лапы и раскинул свои роскошные крылья на всю ширину. Карсон стоял между ними, и вид у него был встревоженный.

– При чем здесь Меркор? – неожиданно протрубил серебряный дракон, маленький и злобный. – Это вполне могу быть и я!

Синтара возрилась на него и почувствовала, как в горле у нее набухают пазухи с ядом. Он захлопал крыльями, гоня на нее свой мускус гадкой струей. Драконица затрясла головой, выдувая из ноздрей эту вонь.

– Нет! Никогда! – рявкнула она на него.

– А чем я плох? – возразил он, делая шаг в ее сторону.

Глаза Кало начали гневно вращаться.

– Плевок! – предостерегающе прорычал Карсон, но серебряный самец не остановился.

Кало поднял когтистую лапу и демонстративно поставил ее нагледу на хвост. Плевок возмущенно завопил и рванулся на значительно превосходящего его ростом собрата. Он широко открыл пасть, показав свои ядовитые железы, алые и вздувшиеся. Кало протрубил вызов и распахнул крыло, отбрасывая меньшего дракона в сторону. Карсон с проклятиями отпрыгнул, чтобы не оказаться раздавленным.

Кало не обратил внимания на воцарившийся позади него хаос.

– Я полечу на вызов! – объявил черно-синий дракон.

Он посмотрел на Синтару. Она услышала далекий клич и заметила, что высоко над ними кружит Фенте. Маленькая зеленая королева!

Жаркий взгляд Кало затопил ее тело, и внезапно в ней осталась только злость, ярость на них всех – тупых, бесполезных, неспособных подняться в воздух самцов. Волны цвета заиграли на ее чешуйчатой коже.

– Ты полетишь на вызов? – взревела Синтара, обращаясь ко всем самцам. – Неужели? Да ведь никто из вас не летает! Я в очередной раз убедилась в этом сама! Целое племя драконов, прикованных к земле, будто коровы! И вы столь же бесполезны для королевы, как скелет давным-давно съеденной добычи.

– Ранкулос научился летать. И Сестикан тоже, – безжалостно напомнила ей Элис. – Уже два самца. Другое дело, что они, возможно, не те, кого ты хочешь...

Оскорбление было столь велико, что Синтара, не сдержавшись, плюнула в женщину ядом. Точно посланный шар отравы шлепнулся на землю в нескольких дюймах от Элис. Балипер вскочил: его глаза завращались, рассыпая искры. Когда он ринулся в атаку, Элис с криком метнулась прочь. Один из шипов на его раскинутых крыльях едва не вонзился в нее. Синтара напружинила тело и приготовилась к бою, но иссиня-черный Кало перехватил Балипера. Два самца схлестнулись друг с другом, делая выпады, разевая пасти и нанося удары шипастыми крыльями. Хранители закричали. Некоторые обратились в бегство, другие кинулись к сражающимся.

Синтара смогла насладиться зрелищем всего мгновение, а потом Меркор сбил ее на землю. Несмотря на худобу, он был крупнее ее. Она растянулась на траве, а самец встал над нею на дыбы – и драконица поняла, что сейчас он оросит ее ядом. Однако он опустил на синюю королеву почти мягко, но так, что его тяжелые передние лапы прижали ее крылья к камням и больно придавили гибкие кости.

Возмущенная Синтара уже собралась плюнуть в него кислотой. Меркор пригнул голову, широко распахнув пасть, чтобы она увидела его набухшие ядом пазухи.

– Не смей! – зашипел он. Приказ сопровождался тончайшей взвесью золотистой кислоты.

Обжигающий ядовитый поцелуй охватил ее голову, и Синтара поспешно отвела морду в сторону.

Меркор пророкотал вслух, чтобы его слышали другие, но при этом с силой впечатывая свои слова в сознание Синтары:

– Тебе не терпится, прекрасная королева. И это понятно. Еще немного – и я полечу. И я тобой овладею.

И поднялся на задние лапы, освобождая ее крылья. Синтара неловко поднялась: грязная, с ноющими мышцами. Прижав крылья к телу, драконица попятилась.

Схватка Балипера и Кало была короткой. Они уже отошли друг от друга, храпя и принимая угрожающие позы. Плевок насмешливо резвился на безопасном расстоянии от крупных самцов, иногда плюясь ядом. Взмолнованные хранители криками предостерегали остальных. Синтара поймала на себе взгляд Элис: глаза ее были тревожно распахнуты. Когда она уставилась на женщину, та инстинктивно подняла руки и закрыла ими лицо. Это только сильнее разозлило Синтару. Она сделала мишенью своего гнева Меркора.

– Не угрожай мне, наглец!

Он покосился на нее. Крылья его были наполовину раскрыты, чтобы отвесить синей драконице оглушительный удар, если она вдруг ринется на него. Он мысленно ответил ей:

Это не угроза, Синтара, а простое обещание.

Когда Меркор сложил крылья, она снова ощутила аромат его тела. И почувствовала, что ее чешуя ярко вспыхнула в ответ, но это произошло непроизвольно: да, королеве нужен самец, против природы не пойдешь. Огромный дракон прекрасно это понимал, и глаза его лукаво вращались.

Синтара поднялась на задние лапы и отвернулась. Рванувшись в небо, она прокричала:

– Я веду охоту там, где пожелаю! Я тебе ничем не обязана!

Она сильно и ровно замахала крыльями, набирая высоту.

Вдали затрубила Фенте, пронзительно и насмешливо.

– Тимара! – поприветствовал девушку Татс, и она неуклюже повернулась к нему.

Мышцы живота свело от нервного напряжения. Она всячески старалась уклониться от разговоров и объяснений. Когда Тимара вернулась из Кельсингры, то сразу поняла: Татс догадался о том, что произошло между ней и Рапскалем. Ей совершенно не хотелось обсуждать это с Татсом. С тех пор она не то чтобы постоянно пряталась от него, но удачно избегала любых попыток оказаться с ним наедине. Почти так же сложно было не оставаться один на один с Рапскалем. Татс хотя бы проявлял деликатность. Рапскаль же в день их возвращения из Кельсингры заявился к Тимаре на крыльцо и, многозначительно улыбаясь, спросил, не желает ли она прогуляться.

Он постоянно стучался в дверь домика, который Тимара делила с Сильве и Джерд, хотя последняя и появлялась там очень редко. Они втроем поселились вместе, как только хранители начали обустраиваться в поселке. Почему? Насколько Тимара помнила, этот вопрос даже не обсуждался: просто казалось логичным, что все три хранительницы будут жить под одной крышей.

Харрикин выбрал девушкам подходящую хижину и постоянно помогал с обустройством жилища. Благодаря ему на окнах теперь красовались ставни, дымоход работал исправно, а крыша протекала, только если ливень был очень уж сильным. Предметы мебели были немногочисленными и грубыми, но привычными для хранителей. Так, чтобы сделать кровати, они по примеру Карсона выдубили оленьи шкуры и натянули их между врытыми в земляной пол шестами. А ложки и другую посуду вырезали из дерева. Тимара была в числе лучших охотников, поэтому у них всегда имелось мясо: и чтобы поесть самим, и чтобы поменяться с другими хранителями. Тимаре нравилось проводить вечера в обществе Сильве; кроме того, она любила, когда другие хранители заходили к ним скоротать время – посидеть у огня и поболтать. Поначалу Татс частенько гостил у них, да и Рапскаль тоже.

Джерд редко ночевала дома, но порой заглядывала, чтобы порыться в своих вещах в поисках какого-то предмета или поесть, неизменно жалуясь при этом на мужчину, с которым на тот момент делила постель. Несмотря на явную антипатию к этой девице, Тимара со странным интересом прислушивалась к тому, как она обличает своих любовников. Однако ей претили небрежное отношение Джерд к сексу, ее вспыльчивость, готовность выложить самые интимные подробности и то, как часто она бросала одного партнера, чтобы переключиться на другого. Кое с кем из хранителей Джерд уже успела сойтись и разойтись не по одному разу. Ни для кого в их тесной компании не было секретом, что Бокстер безнадежно в нее влюблен. С Нортелем Джерд сожительствовала уже трижды, а медноглазый Кейз отличился тем, что выгнал ее из дома. То, что их связь прекратилась именно по его инициативе, не столько рассердило, сколько изумило Джерд. Тимара подозревала, что Кейз сделал это в знак солидарности с двоюродным братом, не желая разбивать Бокстеру сердце.

Однако в тот первый вечер после их совместной с Рапскалем ночевки в Кельсингре Джерд, конечно же, заявила домой. Она так и сыпала мелочными и обидными замечаниями. К примеру, поспешила напомнить Тимаре о том, что Рапскаль когда-то был и ее, Джерд, любовником, пусть и недолго, да и Татс в прошлом делил с ней ложе. В присутствии наглой Джерд Тимаре еще труднее было мягко ответить Рапскалю, что у нее нет желания гулять с ним сегодня вечером. Она отказала ему и на следующий день. А когда наконец призналась, что сомневается в разумности своего поступка и что страх зачать ребенка гораздо сильнее страсти, Рапскаль удивил ее тем, что серьезно кивнул в ответ:

– Да, так и до беды недалеко... Я постараюсь выяснить, как Старшие в прежние времена предотвращали зачатие, а когда узнаю, то обязательно скажу тебе. И мы сможем наслаждаться без страха.

Он произнес это совсем недавно, когда они бродили по берегу реки, держась за руки. Тимара громко рассмеялась, как всегда очарованная и испуганная той ребяческой прямоотой, с которой Рапскаль говорил о вещах определенно не детских.

– Неужели ты с такой легкостью отбросил все правила, которые нам внушали в детстве? – спросила она.

– Правила больше на нас не распространяются. Если бы ты летала со мной в Кельсингру и больше времени проводила с камнями памяти, то и сама бы понимала.

– Поосторожнее с камнями памяти! – предостерегла его Тимара.

Это тоже являлось негласным законом. Дети из Дождевых чащоб были прекрасно осведомлены о том, насколько опасно прикасаться к воспоминаниям, хранящимся в камнях. Не один подросток пропал, потонув в потоке былых времен.

Но Рапскаль решительно отмахнулся от ее опасения:

– Ладно тебе... Я использую камни так, как положено. Теперь я понял: одни камни предназначены для украшения города. Другие, в основном те, что встроены в стены домов, – это просто личные воспоминания, нечто вроде дневника. Третьи, особенно статуи, хранят в себе поэзию или исторические хроники. Но непременно должно быть и такое место, где Старшие

запечатлели знания о своей магии и целительстве... Я найду его, и мы будем знать, что нам требуется. Ну что, успокоилась?

– Немного.

Тимара решила, что не стоит выкладывать ему сейчас всю правду. Она отнюдь не была уверена, что снова пустит Рапскаля к себе в постель. И дело было не только в том, что она опасалась забеременеть... А в чем тогда? Тимара сомневалась, что сможет внятно объяснить ему причины отказа. Как растолковать другому то, чего и сама не понимаешь? Проще вообще ни о чем не говорить.

Точно так же ей проще было не обсуждать Рапскаля с Татсом. Вот почему она повернулась к нему с неловкой улыбкой и извиняющимся тоном сказала:

– Я собиралась идти на охоту. Сегодня Карсон отвел мне Ивовый кряж.

– И мне тоже, – непринужденно отозвался Татс. – Карсон настаивает, чтобы мы охотились парами. И дело не только в леопарде, который чуть не напал на Элис. Так меньше шансов спугнуть друг у друга дичь.

Тимара молча кивнула: с этим не поспоришь. С тех пор когда хранители собрались, обсуждая, как быстрее научить всех драконов летать, Карсон постоянно выдвигал новые идеи. И разделение охотничьих угодий, чтобы избежать конфликтов, равно как и требование для безопасности завести напарника, представлялось ей вполне разумным. Сегодня одни будут охотиться в Бескрайней долине, другие пойдут на Высокий берег, а кто-то отправится ловить рыбу. Ивовый кряж тянулся вдоль реки и зарос преимущественно ивняком, из-за чего они так его и называли. Густые заросли сулили хороший корм для оленей, поэтому Карсон и направил туда самых лучших стрелков.

Тимара заметила, что Татс уже прихватил с собой лук и стрелы, а ее снаряжение всегда было при ней. Так что девушка при всем желании не смогла найти благовидный предлог, чтобы отложить охоту. После утренней стычки Тимара мечтала убежать подальше. Хотя Синтара и не обратила на свою хранительницу никакого внимания, той было стыдно за драконицу. Ей не хотелось оставаться с товарищами: она боялась услышать то, что другие станут говорить про ее капризную королеву. Что еще неприятнее, Тимара поймала себя на мысли, что пытается найти объяснение заносчивости и злобности Синтары, хоть как-то оправдать столь дерзкое и вызывающее поведение своей подопечной. Тогда как самой Синтаре – и девушка это прекрасно знала – было на нее ровным счетом наплевать. Тимара не раз собиралась отплатить ей той же монетой, однако, когда ей уже начинало казаться, что она избавилась от всех чувств к синей драконице, Синтара находила новый способ пробудить в ней эмоции. Сегодня это был стыд.

Шагая к лесу в сопровождении Татса, Тимара недоумевала: ну почему она так переживает, если сама ни в чем не виновата? «Я не сделала ничего плохого», – внушала себе девушка. Однако все ее усилия оказались бесполезными. Когда они пересекли луг, где хранители возились со своими драконами, Тимара тщетно убеждала себя, что никто не глазет ей вслед с осуждением.

Сегодня по жребью обихаживать драконов предстояло Кейзу, Бокстеру, Нортелю и Джерд. Они осматривали нелетающих драконов, проверяя, нет ли у них в ушах кровососущих паразитов, и уговаривали подопечных пошире расправлять крылья. Арбук слушался людей со свойственной ему глуповатой покладистостью, а Тиндер нетерпеливо расхаживал рядом, ожидая своей очереди. С тех пор как у лилового дракона появились цветные узоры, он так и норовил пощеголять ими, и кое-кто из хранителей даже посмеивался над его тщеславием. Элис тем временем втирала нутрянной олений жир в свежие царапины, которые Кало нанес Балиперу.

Некоторые хранители уговаривали драконов попробовать взлететь. Только после того как они делали такую попытку, хотя бы для виду, им давали поесть. На этом настоял Карсон.

Тимара не завидовала их работе. Из всех драконов только Меркор проявлял терпение, будучи голодным. Плевков был невероятно гадким, несносным и грубым существом. Даже Кар-

сону было с ним трудно справляться. Вредная маленькая Фенте – гордость Татса – беспечно парила в небе, а вот ослепительная зелено-золотая Верас еще оставалась прикованной к земле. Кстати, она была такой же мстительной, как и ее хранительница Джерд. Кало, самый крупный из драконов, предпринимал почти самоубийственные попытки взмыть вверх. Его хранителем был Дэвви, но сегодня многочисленные раны и царапины Кало, приобретенные в стычке с Балипером, обрабатывал Бокстер. В стычке, которую спровоцировала Синтара! Тимара зашагала быстрее. Лучше целый день выслеживать оленя и тащить добытую тушу в лагерь, чем проводить время с хранителями и их подопечными.

Хорошо хоть, что ей не нужно иметь дело со своей собственной драконицей. Вспомнив о Синтаре, она мельком посмотрела на небо – и постаралась отогнать тень обиды и сожаления.

– Ты по ней скучаешь? – негромко спросил Татс.

Тимара почти разозлилась из-за того, что он настолько легко смог прочесть ее мысли и чувства.

– Да. Все это так странно: порой Синтара внезапно вторгается в мое сознание, совершенно не понимаю почему. Иногда хвастается, что убила огромного медведя, и рассказывает в деталях, как отчаянно он сражался, но не смог причинить ей вреда. Это случилось два дня назад. Или драконица вдруг показывает мне что-то, что видит сама: высокую гору с шапкой снега или отражение города в большом заливе. Нечто настолько прекрасное, что у меня просто дух захватывает. А в следующий миг ее уже нет. И я вообще не ощущаю ее присутствия.

Тимара не собиралась откровенничать, но Татс сочувственно кивнул и признался:

– Я постоянно ощущаю Фенте. Наша связь – словно нить, которая закреплена в моей голове. Я знаю, когда она охотится, когда ест... прямо сейчас Фенте как раз чем-то лакомится. Ага, расправилась с горным козлом, и ей не нравится вкус его шерсти. – Татс тепло улыбнулся причудам своей драконицы, но, когда взглянул на Тимару, его улыбка погасла. – Извини. Я вовсе не хотел сыпать соль на рану. Не понимаю, почему Синтара так плохо с тобой обращается. Она чересчур высокомерная! И жестокая. Ты ведь очень хорошая хранительница, Тимара. Она у тебя всегда была ухоженной и накормленной. Ты справлялась лучше всех. Странно, что Синтара не смогла тебя полюбить.

Наверное, вся гамма чувств ясно отразилась у нее на лице, потому что Татс поспешно добавил:

– Прости. Я вечно болтаю какой-то вздор... Наверное, мне стоило помолчать. Извини меня, Тимара.

– Думаю, Синтара все-таки меня любит, – неестественно бодрым голосом возразила девушка. – Хотя... насколько драконы вообще способны любить своих хранителей? Думаю, правильнее было бы употребить слово «ценит». Я знаю, что она ревнует меня к другим драконам.

– Здесь никакой любовью и не пахнет, – заявил Татс.

Тимара ничего не ответила. Они и так уже затронули опасную тему. Поэтому девушка ускорила шаг и выбрала самую крутую тропу, которая вела на Ивовый кряж.

– Это кратчайший путь наверх, – быстро пояснила она Татсу, хотя он не проронил ни слова. – Я предпочитаю подняться как можно выше, а потом уже начинать охоту, высматривая оленей внизу. Они не замечают меня, когда я оказываюсь на вершине.

– Ясно, – согласился юноша.

На какое-то время крутая тропинка лишила их возможности разговаривать.

Тимара была только рада помолчать. Утро выдалось свежим: она замерзла бы, если бы подъем не требовал от нее стольких усилий. По-прежнему моросил дождь, и распускающиеся на ивах листья перехватывали часть капель, прежде чем те достигали хранителей. Когда они забрались на кряж, девушка двинулась вверх по течению реки. Дойдя до незнакомой звериной тропы, Тимара храбро свернула на нее. Не советуясь с Татсом, она решила, что им следует

пройти дальше, чем обычно, иначе трудно рассчитывать на крупную добычу. Тимара собиралась преодолеть хребет, разведывая новые места, и, как она надеялась, добыть для лагеря побольше мяса.

С самого начала подъема их окутывала тишина. Оба сосредоточились на охоте, да и вообще не хотели говорить о непростых вещах. Тимаре вспомнилось, что прежде молчание в компании Татса не вызывало у нее неприятия. Тогда они как будто погружались в уютное безмолвие друзей, которым не всегда нужны слова. А сейчас ей не хватало этого ощущения.

Не подумав, она произнесла:

– Иногда мне жаль, что нельзя вернуться к тому, что было между нами раньше.

– Раньше, чем что? – уточнил Татс.

Девушка пожала плечами и оглянулась на него, не переставая идти по звериной тропе.

– К тому, что было до отъезда из Трехога. До того как мы стали хранителями драконов.

И до того, как он переспал с Джерд. Тогда любовь и плотская близость были запрещены ей обычаями Дождевых чащоб. А ведь именно Татс дал Тимаре понять, что хочет ее, и пробудил в ней ответные чувства. Но потом жизнь почему-то стала до нелепости сложной.

Татс ничего не ответил, и Тимара вновь растворилась в окружающей их красоте. Солнечные лучи пробивались сквозь прорехи в облаках. Мокрые черные ветки деревьев образовывали узоры на фоне серого неба. То тут, то там проглядывали желтые листья, под ногами шуршала трава – этаким пышным влажным ковер, заглушавший шаги. Ветер стих: теперь он не подхватит их запах. Идеальная погода для охоты.

– Я хотел тебя и прежде, еще в Трехоге. Просто... я боялся твоего отца. А твоя мать вообще внушала мне ужас. И я не знал, как с тобой об этом заговорить. Тогда ведь все было строго запрещено.

Тимара откашлялась:

– Видишь участок, где тропа раздваивается? Там растет большое дерево. Если мы на него залезем, то сможем хорошенько рассмотреть окрестности. И оттуда легко будет целиться на зверя. Нам обоим хватит места, чтобы сделать выстрел, если появится добыча.

– Вижу. Удачный план, – ответил он отрывисто.

Благодаря своим когтям Тимара легко забралась наверх. Деревья здесь были малюсенькими по сравнению с теми, среди которых она выросла, и ей пришлось переучиваться, чтобы взбираться на них. Она перекинула ногу через ветку и наклонилась вниз, чтобы подать Татсу руку.

Внезапно он спросил:

– Ты не собираешься поговорить со мной начистоту?

Он схватил девушку за руку, и его лицо оказалось всего в нескольких ладонях от ее собственного. Тимара почти повисла вниз головой и потому вынуждена была встретиться с ним взглядом.

– А нужно? – тоскливо пробормотала она.

Татс чуть потянул ее за руку и влез на дерево с такой легкостью, что Тимара невольно заподозрила: он вполне смог бы справиться и без ее помощи. Юноша устроился на ветке, росшей чуть повыше, прислонился спиной к стволу и, повернувшись в противоположную сторону, принялся наблюдать за тропой. Сперва они оба в молчании готовили луки и раскладывали стрелы. Наконец все было сделано. Рев реки превратился в далекое бормотание. Тимара прислушалась к перекличке птиц.

– Я бы очень хотел этого... – произнес Татс скороговоркой и осекся. – Мне это необходимо, – добавил он еще через мгновение.

– Почему? – спросила она, хотя на самом деле и знала ответ.

– Я схожу с ума и все время тщетно ломаю себе голову. Я не могу понять, Тимара... Поэтому хочу, чтобы ты сказала мне правду, все как есть... Наверное, мне будет больно, но

обещаю: я не стану злиться... Ну, вернее, я постараюсь не злиться или не стану показывать этого... Но мне необходимо знать, Тимара. Почему ты выбрала Рапскаля, а не меня?

– Я никого не выбирала, – выпалила девушка и поспешно добавила, чтобы он не успел ни о чем ее спросить: – Думаю, ты не сможешь понять. Я сама толком не понимаю, поэтому и объяснить тебе не сумею. Да, мне нравится Рапскаль... То есть я люблю Рапскаля, и тебя тоже. Разве мы могли пройти через все, через что нам довелось пройти, и не полюбить друг друга? Но суть не в том, что я испытывала к Рапскалю в ту ночь. Я не спрашивала себя: «А не лучше ли мне заняться этим с Татсом?» Дело было в другом – в том, что я сама себя чувствовала... В общем, я поняла, кто я есть. И что я могу это сделать, если захочу. И я захотела.

Татс помолчал, а затем хрипло проворчал:

– Ты права. Я не слишком сообразительный.

Тимара надеялась, что он сменит тему, но молодой человек не унимался:

– Значит, когда ты была со мной, тебя к этому совсем не тянуло?

– Татс, ты же знаешь, на самом деле я тебя хотела, – прошептала она. – Ты должен был понять, насколько трудно мне было сказать тебе «нет». И себе самой тоже.

– Но потом ты решила сказать «да» Рапскалю, – буркнул он.

Татс явно не собирался отступать.

Тимара тщетно попыталась найти верные слова, но ничего путного в голову не приходило.

– Наверное, я сказала «да» самой себе, а Рапскаль в тот момент просто оказался рядом. Не очень приятно звучит, да? Но так оно и есть, Татс... Я не вру.

– Мне жаль... – У него сорвался голос. Он кашлянул и заставил себя продолжить: – Жаль, что там оказался не я. Ты меня не дождалась, и я не сумел стать у тебя первым.

Ей не слишком хотелось развивать эту тему, однако она все-таки спросила:

– А почему это для тебя так важно?

– Потому что тогда это было бы чем-то... ну, волшебным. Таким, что мы потом смогли бы вместе вспоминать всю нашу оставшуюся жизнь.

Татс говорил проникновенно и с глубоким чувством, но его слова не только не тронули Тимару, а, напротив, лишь рассердили.

Теперь уже она заговорила с ядовитой горечью:

– Сам-то ты не сберег свой первый раз для меня!

Молодой человек подался вперед и повернул голову, чтобы посмотреть на нее. Она ощутила его движение, но не пожелала даже встречаться с ним взглядом.

– Не могу поверить, что ты до сих пор переживаешь из-за того случая, Тимара. Ты давно меня знаешь и, кажется, должна бы понять, что всегда значила для меня больше, чем могла бы надеяться Джерд. Да, я спал с ней, и тут мне нечем гордиться. Я сглупил, Тимара. Я признаю, что совершил громадную ошибку и... ну, она тоже оказалась рядом в подходящий момент и сама это мне предложила. И по-моему, для мужчины все иначе. Так, значит, ты поэтому кинулась на шею Рапскалю? Потому что ревновала? Что за бессмыслица! Между прочим, он тоже спал с Джерд, ты не забыла?

– Я не ревную, – заявила Тиара. И сказала чистую правду. Ревность уже отгорела, но обида – и это она вынуждена была признать – осталась. – Раньше я действительно сильно мучилась и не могла успокоиться... Потому что считала, что между нами есть нечто особенное. А если уж совсем честно, то еще и потому, что Джерд частенько тыкала мне этим в нос. Она представила все таким образом, что если я буду с тобой, то подберу за ней объедки.

– Объедки! – повторил Татс тусклым голосом. – Вот как ты ко мне относишься? Как к чему-то такому, что выбросила Джерд. Решила, что я тебя уже недостойн!

Постепенно в его словах зазвучал гнев. Тимара тоже рассвирепела. Этот парень захотел, чтобы она сказала ему правду, и пообещал не сердиться, а теперь ищет повод для ссоры. Он,

видите ли, пожелал показать ей ту ярость, которую давно копил в себе. Ну и пусть! Сейчас уж точно невозможно признаться Татсу в том, что – да – она успела немного пожалеть, что ей тогда подвернулся именно Рапскаль.

Татс был по-настоящему надежным, Тимара считала, что на него как на напарника всегда можно положиться. Рапскаль же оказался ветреным и странным, необычным и притягательным – а порой и опасно непредсказуемым.

– Разница, как между хлебом и грибами, – произнесла она.

– Что?

Татс передвинулся на ветке, заставив ее заскрипеть.

Внезапно до них донесся чей-то возглас.

– Эй! Слушай!

Звук повторился. Это был не крик. По крайней мере, не вопль человека – и он точно свидетельствовал не о страдании... Что же это? Возбуждение? Зов? Тимаре стало не по себе. Звук раздался снова, уже более протяжный. Он то поднимался, то опускался, заканчиваясь воем. Когда он затих, его подхватил другой голос, а потом третий. Тимара судорожно стиснула лук и крепче прижалась спиной к дереву. Звуки приближались. И к ним прибавился еще один: тяжелый топот копыт.

Татс полез через ветки, огибая ствол, пока не оказался прямо над Тимарой, глядя в одном с ней направлении. Она почти ощущала топот: какое-то дикое животное направлялось в их сторону. Нет. Целых два зверя. Или даже три? Девушка согнулась и, держась за дерево, стала всматриваться в тропу.

Это были не лоси, но, судя по всему, какие-то их родичи: высоченные, безрогие, с громадными горбами плоти над плечами. Они бежали со всех ног, так что дерн разлетался из-под копыт. Столь крупные звери никогда бы сами не выбрали такую узкую тропу: они от кого-то убегали. Низкие ветки хлестали их и с хрустом ломались. Ноздри первого животного были широко раздуты и налиты кровью. Хлопья пены слетали с его губ. И все остальные, следовавшие за ним, явно были перепуганы до смерти. Они пронзительно вопили от ужаса, и вонючее облако их страха расползлось по лесу. Тимара поняла, что они с Татсом даже не наложили стрелы на тетивы, и обругала себя.

– Что это с ними такое слу... – начал было Татс, но вдруг раздался долгий воющий крик. На него ответили – и звук был не столь далеким: он приближался.

Тимара кое-что знала о волках. Правда, эти хищники не обитали в Дождевых чащобах, однако старинные легенды говорили о жадных зверях, заставлявших людей по ночам трястись от страха, и девушка порой представляла их себе. Но теперь она убедилась, что ее воображение значительно отставало от реальности. Громадные создания с алыми языками и белыми клыками, лохматые и опьяненные жадой крови, неслись по тропе: пять, шесть... восемь... – они буквально летели вперед и одновременно успевали издавать воинственный клич. Это был не вой, а скорее сопровождающееся лаем и улюлюканьем объявление о том, что хищники вышли на охоту и уже совсем скоро доберутся до вожаемого мяса. Когда деревья скрыли от пораженных хранителей волчью стаю, а жуткие звуки стихли, Татс полез вниз мимо Тимары, а потом спрыгнул на землю. Девушка со вздохом покачала головой. Он прав: нет никакого смысла сидеть здесь, после такого шума никаких животных поблизости не останется.

Тимара последовала за ним, раздраженно ворча:

– Эй, ты идешь не в ту сторону!

– Нет, в ту. Я должен все увидеть.

Спустя некоторое время Татс затрусил по тропе, проложенной жертвами и преследователями.

– Не глупи! Волки с радостью разорвут на клочки и тебя тоже, а не только тех лосей, или кто они там.

Но он не услышал ее – или не пожелал слушать. Мгновение девушка стояла, разрываясь между страхом за друга и злостью на него. А затем рванулась вперед.

– ТАТС!!! – Ей было наплевать, насколько громко она кричит. Дичи вокруг уже все равно не осталось. – Карсон велел нам охотиться парами! Это как раз тот случай, о котором он нас предупреждал!

Но Татс уже скрылся из виду, и на мгновение Тимара замерла в нерешительности. Она может вернуться в лагерь и рассказать Карсону и остальным о происшедшем. Если Татс уцелеет, она будет выглядеть ябедой: это же сущее ребячество – жаловаться старшим. А если он не спасется, то окажется, что она бросила напарника, предоставив ему идти на смерть одному, пусть и по собственной глупости. Стиснув зубы, Тимара закинула лук за спину и сжала стрелу в руке, как короткое копьё. Заправив тунику под пояс, она бросилась вслед за Татсом.

Тем, кто вырос на деревьях Дождевых чащоб, бегать было негде. Очутившись в этих местах, Тимара немного научилась бегать, но до сих пор чувствовала себя при этом не слишком уверенно. Как можно подмечать все окружающее, двигаясь с такой скоростью? Как можно прислушиваться, когда в ушах стучит кровь, или принюхиваться, хватая воздух ртом?

Узкая дорожка вилась вдоль хребта, огибая самые густые заросли и ныряя в купы деревьев. Девушка обнаружила, что Татс бежит очень быстро. Она даже не видела его, а просто следовала по протоптанной громадными копытами тропе.

Когда Тимара покинула кряж и направилась прямо на холмистый склон, уходящий к реке, она наконец различила вдалеке Татса. Он мчался, пригнув голову, зажав в одной руке лук и размахивая на бегу второй. Переведя взгляд вверх, она увидела не саму стаю, а лишь раскачивающиеся кусты, отмечающие путь загнанных животных. Возбужденное поскуливание волков долетало до нее, заражая звериным азартом. Тимара опустила подбородок к груди, прижала крылья к спине и огромными прыжками помчалась по крутой тропе.

– Татс! – заорала она, и юноша обернулся на ее крик.

Он застыл как вкопанный, и, как Тимаре ни хотелось замедлить бег или вообще перейти на шаг, она заставила себя двигаться вперед.

Когда Тимара наконец-то нагнала Татса, то уже задыхалась так сильно, что даже не могла говорить. Он молча смотрел на противоположный склон.

Охота продолжилась без них. Очевидно, лоси и их преследователи перепрыгнули через глубокую лощину, до которой хранители как раз добрались. Склон был усеян кусками дерна и следами копыт. Внизу оказались остатки проложенной древними Старшими дороги: сначала она шла параллельно звериной тропе, а потом поворачивала к реке. Сейчас Тимаре было видно, что дорога вела к заброшенному мосту и обрывалась у обломков бревен и груд камней. Прежде мост был перекинут через реку, что казалось невероятным, хотя вдалеке тоже темнели останки какой-то старой конструкции.

Внизу под обвалившимся пролетом бурлила ледяная вода. На самой дороге валялись лишь куски покрытия и мелкие камни. Деревья здесь разрослись, а часть ровно уложенных булыжников сползла вниз, когда река подмыла берег. В общем, от дороги, ведущей к их поселку, практически не осталось никаких следов. Когда-то давно река поменяла русло и поглотила сушу, а потом вновь переместилась, уступив место поросшему травой лугу.

– Похоже, волкам тут все хорошо знакомо: они загнали добычу в тупик! – объявил Татс. – Лоси бросились на мост.

Тимара кивнула. Ее взгляд нашел сначала спасающихся бегством животных, а затем сквозь частокол деревьев она увидела и самих охотников. Покосившись на Татса, девушка обнаружила, что тот съезжает по крутому склону. Ее друг начал спуск на корточках, но вскоре резко сел и заскользил вниз. Вскоре он скрылся в жестком кустарнике, покрывавшем нижнюю часть склона.

– Ты что, совсем идиот?! – возмущенно крикнула Тимара.

Но несколько мгновений спустя, чувствуя себя еще большей идиоткой, она последовала за ним. Каменистая осыпь была неустойчивой, а почва увлажнилась из-за дождя. Тимаре удалось удержаться на ногах дольше, чем Татсу, но в конце концов она рухнула на бок и остаток пути уже ехала, увлекая за собой землю и колючие плети кустарника. А юноша тем временем добрался до самого низа.

– Тихо! – предупредил он, протягивая ей руку.

Тимара неохотно ухватила за нее, принимая его помощь. Они преодолели небольшой подъем и внезапно очутились на открытом участке старой дороги.

Теперь ничто не мешало им наблюдать за развернувшейся на мосту трагедией. Волки действительно загоняли туда лосей. Декоративные каменные стенки обрамляли подходы к мосту, заставляя испуганных животных выбежать прямо на него. Вырвавшийся вперед самец, более быстрый, чем двое других, уже осознал свою ошибку. Он достиг тупика и теперь неуверенно топтался на камнях, тщетно пытаясь найти безопасный спуск, а внизу ревел стремительный поток.

Один из уставших лосей захромал и отстал. Второй продолжал нестись вперед, по-видимому не поняв, что их подогнали к обрыву. На глазах у хранителей волки выскочили на мост. В отличие от своей добычи, охотники не замедляли движения и не колебались.

Отставшего лося окружили. Он рухнул, успев издать короткий протестующий вопль. Крупный волк сомкнул челюсти на горле шатающегося животного, еще два вцепились ему в задние ноги, а четвертый запрыгнул ему на плечо – лось упал и завалился на бок. В этот момент еще и пятый хищник вцепился несчастному в брюхо. Все было кончено.

Второй лось, подгоняемый воплем умирающего товарища, рванулся вперед. Не заметив опасности или ослепленный страхом, он добежал до края моста – и прыгнул вниз.

Первый лось оглянулся. Этот массивный самец повернулся к своим преследователям. Их осталось трое: остальная стая была поглощена поеданием добычи. Громадный лось тряхнул головой, угрожая врагам, как будто у него были рога, выпрямился и выжидающе замер. Когда первый волк скользнул вперед, лось развернулся и лягнул его задними ногами, попав в цель. Однако второй прыгнул вперед, оказавшись под ним, и впился зубами ему в живот. Лось неловко дернулся, но не смог стряхнуть с себя хищника. В этот момент последний из волков сделал уверенный бросок, а первый вскочил и пошел в атаку. Тимара изумилась: зверь высоко подпрыгнул, упал лосю на спину и, вытянув голову, вцепился жертве в загривок. Огромный лось сделал еще пару неуверенных шагов – и рухнул на колени. Он умер молча, пытаясь уползти, даже когда конечности ему отказали. Увидев, как он упал, Татс протяжно выдохнул.

Тимара заметила, что продолжает держать его за руку.

– Нам надо убираться отсюда, – прошептала она. – Если волки повернутся, то заметят нас. А мы слишком близко. И бежать нам будет некуда, ведь они в любом случае быстрее нас.

Татс не отрывал взгляда от волчьего пиршества.

– Вряд ли волки заинтересуются нами, после того как нажрут досыта. – Внезапно он посмотрел на небо и добавил: – Хотя, похоже, это у них не получится.

Синтара пронеслась вниз синей молнией, выбрав целью многочисленную группу волков, рвущих на куски первого из заваленных лосей. От мощного удара дракона туша убитого зверя и сами охотники скользнули по покрытию моста к каменной стенке. Синтара проехала на них, надежно запустив когти задних лап в лося, а передними полосуюя волков. Когда вся эта куча-мала врезалась в стену, драконица уже сомкнула челюсти на одном из хищников и подкинула его высоко вверх. Остальная стая визжала от боли позади нее. Всё, разбойники, пришел ваш последний час.

Спустя мгновение появилась Фенте. Она обрушилась на второго лося и трех его убийц. Удар зеленой драконицы оказался не таким удачным. Один из волков слетел с края моста, а

за ним последовал и мертвый лось, сбитый ее хвостом. Второй хищник испуганно взвизгнул и затих, а третий, воя от ужаса, бросился наутек.

– Татс! – предостерегающе крикнула Тимара, когда зверь стремительно понесся к ним.

Юноша мгновенно оттеснил ее себе за спину, размахивая зажатым в руке луком, словно боевым посохом. Волк приближался к ним, и Тимара вдруг осознала, насколько он на самом деле огромный. Если бы зверь встал на задние лапы, то оказался бы выше Татса. Широко раззявив пасть и вывалив красный язык, он бежал прямо на них. Тимара резко втянула в себя воздух, чтобы завопить, но сдержалась: перепуганный хищник неожиданно вильнул, огибая людей, и, вскарабкавшись вверх по склону, исчез из виду.

Тимара запоздало отметила, что крепко вцепилась в тунику Татса. Она выпустила ткань, а он повернулся и притянул девушку к себе. Некоторое время они крепко обнимали друг друга: обоих била дрожь. Наконец девушка подняла голову и заглянула ему через плечо.

– Волк убежал, – вырвалось у нее.

– Да, – ответил Татс, но не выпустил Тимару из объятий. А чуть погодя произнес: – Мне очень жаль, что я спал с Джерд. Жаль по многим причинам, но в основном потому, что это причинило тебе боль. И нам стало труднее... – Он замолчал.

Тимара глубоко вздохнула. Она знала, что бы он хотел сейчас услышать, но не могла вымолвить ни слова. В отличие от Татса, ее не мучило раскаяние. Она не считала свой «роман» с Рапскалем ошибкой и уж точно не собиралась уверять Татса, будто жалеет о содеянном. Девушка задумалась.

– То, что было у вас с Джерд, не имело никакого отношения ко мне... Я, конечно, жутко злилась и чувствовала себя обманутой. А потом я рассердилась из-за намеков Джерд. Но это было не в твоей власти и...

– Верно! Ой, Тимара! Как же мы сглупили!

Она сделала шаг назад, чтобы возмущенно посмотреть ему в лицо. И увидела, что Татс в изумлении взирает на обрушившийся мост у нее за спиной. Тимара попыталась понять, что же его так ошеломило. Синтара устроилась на камнях, пожирая добычу. Фенте пропала – как и тот мертвый волк, ставший единственной ее добычей. Наверное, проглотила его и улетела. Внезапно Фенте появилась снова, взмывая над обломанным краем моста. Изящная зеленая драконица ровно махала крыльями и набирала высоту. Достигнув середины русла, она изогнулась и направилась вверх по течению, поднимаясь все выше и выше.

– В чем именно мы сглупили? – спросила Тимара с опаской.

Совершенно неожиданно Татс воскликнул:

– Вот что нужно драконам! Платформа для взлета. Готов поспорить, что половина из них уже сегодня сможет перемахнуть через реку, если станет стартовать отсюда! В крайнем случае они подлетят достаточно близко, и даже если вдруг упадут в воду, то смогут выйти на берег на другой стороне. А когда переберутся и полежат в купальнях, то потом, скорее всего, смогут взлетать с противоположной части моста, и дело быстро пойдет на лад. Вскоре они уже сумеют охотиться самостоятельно.

Тимара тщательно обдумала идею Татса, мысленно прикидывая размеры моста и вспоминая, на что способны драконы.

– Должно получиться, – признала она.

– Точно!

Он подхватил ее на руки, прижал к груди и закружил. А потом поставил на землю и поцеловал – крепко, так что губам стало больно, а по телу прошла волна жара. А затем, не дав девушке времени ответить на его поцелуй или же отреагировать как-то иначе, Татс отодвинулся и наклонился за луком, который обронил, вновь заключая ее в объятия.

– Пошли! Такая новость важнее мяса!

Тимара сжала губы. Внезапность поцелуя и уверенность Татса в том, что между ними сейчас что-то изменилось, лишили ее дара речи. Ей следовало бы его оттолкнуть. Или нет... Наверное, ей нужно броситься за ним, обнять и поцеловать. Сердце отчаянно заколотилось, а в голове возникла целая сотня смятенных вопросов – но вдруг ей расхотелось их задавать. Нет, не сейчас. Она с трудом заставила себя успокоиться. Ей надо молча подумать, прежде чем кто-то из них скажет хоть слово. Тимара опустила глаза и взяла себя в руки.

– Ты прав, нам пора, – согласилась она, однако на пару мгновений задержалась, глядя, как Синтара насыщается.

Синяя королева очень выросла, да и аппетит у нее был отменный. Поставив лапу с выпущенными когтями на тушу лося, она оторвала от добычи заднюю ногу. Когда драконица запрокинула голову, чтобы проглотить кусок, ее сверкающий взгляд зацепился за Тимару. Мгновение она с набитой пастью смотрела на свою хранительницу, а потом начала трудоемкий процесс отправки лосиной ноги себе в глотку. Ее острые задние зубы легко разрезали плоть и крошили кости, а потом она подбросила истерзанный кусок в воздух и поймала его, после чего проглотила.

– Синтара! – прошептала Тимара в неподвижный холодный воздух.

Девушка почувствовала мимолетное прикосновение-узнавание, повернулась к Татсу, и они побрели обратно в поселок.

– Но мне обещали совсем другое! – Роскошно одетый мужчина гневно кричал на продавца, державшего цепь, которая была закреплена на наручниках Сельдена. Дувший с моря ветер дергал тяжелый плащ незнакомца и ерошил его жидкие волосы. – Я не могу показывать герцогу тощего кашляющего уродца! Речь шла о человеке-драконе. Ты сказал, что у тебя есть потомок обычной женщины и дракона! А это кто?

Мужчина устремил на него бледно-голубые глаза, в которых заledenела ярость. Сельден встретил его взгляд равнодушно, поскольку совершенно не интересовался происходящим. Его вырвали из сна, который более напоминал оцепенение, выволокли из трюма и протащили по корабельной палубе на причал из неоструганных досок. Ему оставили замызганное одеяло только потому, что пленник крепко прижал его к себе, когда его разбудили, – и никто не захотел прикасаться к нему, чтобы отнять эту тряпку. Сельден прекрасно их понимал. От него воняло: кожа задубела от давно высохшего соленого пота. Волосы свисали ему на спину сбившимися в войлок прядями. Бедняга страдал от голода, жажды и холода. А теперь его вдобавок еще и продают, как грязную лохматую обезьяну, привезенную из жарких стран.

Повсюду на причалах принимали грузы и заключали сделки. Откуда-то прилетел аромат кофе, в ушах гудело от калсидийской речи. Все было таким же, как в порту Удачного в день прихода корабля. С такой же поспешностью грузы перемещали с палубы на сушу и в тачках развозили по складам. Или же продавали на месте особо нетерпеливым покупателям.

Однако его будущий хозяин, судя по всему, к таковым не относился. На его лице ясно читалось недовольство. Он по-прежнему держался прямо, но возраст давал о себе знать. Вероятно, раньше он был мускулистым поджарым воином, но с годами его мышцы стали дряблыми, а живот отяжелел от жира. Пальцы мужчины были унижены кольцами, а на шее висела массивная серебряная цепь. Возможно, когда-то сила этого человека заключалась в его теле; теперь она видна была в его богатом одеянии и абсолютной уверенности в том, что никто не посмеет ему перечить.

– Но я не лгал! Он настоящий человек-дракон, как я и обещал. Разве ты не получил образчик его мяса, который я послал? Все честно, никакого обмана! Вот, изволь сам посмотреть! – Продавец повернулся и решительно сдернул с Сельдена одеяло – единственное, что прикрывало его наготу. Ветер весело взревел, обжигая обнаженное тело пленника. – Ну, видишь? Этот парень весь покрыт чешуей, с головы до пят! Взгляни на его ноги и руки! Ты когда-

нибудь видел у человека что-либо подобное, почтенный? Он настоящий, клянусь тебе, господин Эллик! То есть я хотел сказать – господин канцлер! Мы ведь только что с корабля! Путь сюда был долгим и утомительным. Его сперва надо вымыть и покормить, но когда человек-дракон снова станет здоров, ты убедишься в том, что он – именно то, что тебе нужно, или даже больше.

Канцлер Эллик скользнул по Сельдену взглядом так, будто покупал на рынке кабанчика.

– Он с головы до ног в порезах и ссадинах. Это не тот экземпляр, который мне нужен. А ты хочешь продать мне его втридорога.

– Этот тип сам виноват! – запротестовал купец. – Он злобный. Дважды нападал на своего зрителя, так что тому в конце концов пришлось хорошенько его избить. Он ведь должен был запомнить, как надо себя вести! А зритель сильно рисковал, когда собирался его кормить. Этот человек-дракон ведь временами бывает совсем диким. Но это сказывается драконья кровь, не так ли? Обычный человек сразу бы понял, что нет смысла начинать драку, если ты прикован к скобе. Вот вам очередное доказательство того, что этот парень – наполовину дракон.

– Ложь! – прохрипел Сельден.

Ему трудно было стоять. Он знал, что под ногами у него твердая земля, и в то же время ощущение качки не прекращалось. Сельден слишком долго прожил в корабельном трюме. Серый свет раннего утра казался ему ослепительно-ярким, а воздух – обжигающе-морозным. Он хорошо помнил и как по дороге нападал на служителя, и по какой причине: он надеялся вынудить этого человека убить его. Но ему не удалось достичь цели, а зритель получил огромное наслаждение, причиняя рабу такую сильную боль, какую только мог причинить, не нанеся смертельного увечья. Двое суток Сельден почти не мог шевелиться.

Сельден дернулся, выхватил свое одеяло и прижал его к груди. Торговец отшатнулся от него со сдавленным криком. Сельден отодвинулся от купца настолько далеко, насколько позволяла длина цепи. Ему хотелось набросить ветошь себе на плечи, но он боялся, что ненароком упадет. Он так ослаб! Он очень болен! И Сельден устремил взгляд на людей, которые решали его судьбу, пытаясь заставить свой измученный разум мыслить связно. Он находится не в том состоянии, чтобы бросать вызов. Кому он предпочтет принадлежать? Сельден сделал выбор – и даже подыскал нужные слова.

Постаравшись прочистить горло, он хрипло выдавил:

– Я сейчас не похож на себя. Мне необходимы еда, теплая одежда и сон. – Он попытался нащупать общую почву, пробудить сочувствие хоть в одном из мужчин. – На самом деле мой отец не был драконом. Он ваш соотечественник, родом из Калсиды. Он был капитаном корабля. Его звали Кайл Хэвен. Он родился в рыбацком поселке в Шалпорте. – Сельден осмотрелся и с отчаянной надеждой спросил: – Скажите, мы же сейчас в Шалпорте? Если да, то здесь наверняка кто-нибудь его вспомнит. Мне говорили, что я похож на отца.

В глазах богача вспыхнули искры гнева.

– Так он еще и говорить умеет?! Почему ты не предупредил?

Торговец нервно облизал губы. Он явно не ожидал, что столкнется с подобной проблемой. И заговорил пронзительно-скулящим тоном:

– Но это же человек-дракон, мой господин. Он разговаривает и ходит как человек, но у него тело дракона. И он лжет как крылатая тварь: ведь все знают, что драконы источают обман за обманом.

– Тело дракона! – Канцлер оценивающе оглядел Сельдена, и голос его преисполнился презрения. – Скорее уж ящери. Или оголодавшей змеи.

Сельден подумал, не стоит ли опять с ними заговорить, но предпочел промолчать. Надо побереечь остаток сил: мало ли что ждет его впереди. Юноша решил, что у него больше шансов выжить в том случае, если он достанется богачу; у торговца он, скорее всего, погибнет. Кто

знает, в каком порту его в следующий раз попытаются продать, и главное – кому? Он достиг берегов Калсиды, и здесь его считают рабом. Он уже почувствовал, насколько тяжелой может оказаться такая участь. Сельден знал, как унижительно и больно быть просто имуществом. Это мерзкое воспоминание прорвалось у него в памяти, как нарыв, полный гноя. Юноша прогнал его и уцепился за те чувства, которые оно в нем вызвало.

Буквально впился в свой гнев, опасаясь, как бы тот не уступил место покорности. «Я не умру здесь», – пообещал себе Сельден. И весь подобрался, усилием воли вливая в свои мышцы энергию. Он заставил себя встать прямее, велел телу прекратить трястись. Сморгнул туман, застилавший слезящиеся глаза, и уставился на богача. Господин канцлер? Значит, это влиятельная персона. Сельден позволил гневу вспыхнуть в своих глазах.

Купи меня!

Он ничего не произнес вслух, но направил свою мысль непосредственно покупателю. И почувствовал, как в душе его нарастает спокойствие.

– Хорошо, – ответил канцлер Эллик так, будто услышал Сельдена.

На одно отчаянное мгновение юноше показалось, что он все-таки способен хоть в какой-то степени определять свою судьбу. Однако в следующую секунду он понял, что канцлер обратился к торговцу:

– Хорошо. Я человек чести и свое слово не нарушу. Однако я не уверен, уместно ли понятие «честь» по отношению к тебе. Ты способен на любую хитрость, лишь бы только получить побольше денег. Но я все же куплю твоего раба. Правда, заплачу вдвое меньше оговоренного. И считай еще, что тебе очень сильно повезло.

Сельден скорее ощутил, чем увидел в опущенных глазах продавца затаенную ненависть. Однако купец протянул канцлеру конец цепи и кротко ответил:

– Конечно, мой господин. Раб теперь твой.

Но канцлер не пожелал утруждать себя. Эллик оглянулся, и к нему шагнул слуга. Он оказался мускулистым и поджарым, одетым в чистую, отлично сшитую одежду. На его лице ясно читалось отвращение.

Канцлер, впрочем, не обратил на это никакого внимания. Он отрывисто рявкнул:

– Доставь его ко мне домой. И позаботься, чтобы его привели в приличный вид.

Слуга нахмурился, взял цепь и резко ее дернул.

– За мной, раб, – приказал он Сельдену по-калсидийски, а потом повернулся и быстро зашагал прочь, ни разу даже не оглянувшись, чтобы проверить, все ли в порядке.

Юноша заковылял следом, подпрыгивая, чтобы не отстать от провожатого.

Так судьба Сельдена перешла в руки нового хозяина.

*Двадцать пятый день месяца Рыбы,
седьмой год Вольного союза торговцев
От Рейала, исполняющего обязанности
смотрителя голубятни в Удачном, —
Детози, смотрительнице голубятни в Трехоге*

В настоящем послании содержится обещание награды за любые сведения относительно судьбы Седрика Мельдара и Элис Финбок (урожденной Кинкаррон), членов экспедиции, отправившейся на баркасе «Смоляной». Просьба скопировать приложенное объявление и распространить его в Трехоге, Кассарике и прочих поселениях Дождевых чащоб.

Для Детози, смотрительницы голубятни, краткое послание от ее племянника о новом порядке упаковки сообщений, который разработали у нас в Удачном. Он предусматривает несколько степеней защиты. Послание кладут в два футляра: внутренний (металлический)

и внешний (представляющий собой пустотелую костяную трубку, запечатанную воском). Затем трубку помещают в особый конверт из ткани, на котором смотритель голубятни пишет все необходимые распоряжения, после чего конверт зашивают и целиком окунают в сургуч. Хотя руководство гильдии утверждает, что подобные новшества не приведут к перегрузке голубей, я, как и многие мои коллеги, сильно в этом сомневаюсь, особенно в отношении мелких птиц. Конечно, необходимо что-то делать, дабы восстановить доверие клиентов и гарантировать им конфиденциальность отправляемых и получаемых сообщений, но мне кажется, что данная мера скорее обременит голубей, чем позволит нам избавиться от нечестных смотрителей. Я прямо так и заявил об этом начальству. Не могли бы вы с Эреком поддержать меня?

*С любовью,
твой племянник Рейал*

Глава 4. Торги начинаются

– Мало того что эта комната невероятно унылая, так тут еще и воняет: ну просто один сюрприз за другим, – с невеселым сарказмом заметил Реддинг.

– Помолчи-ка, – велел любовнику Гест и протиснулся мимо него в комнатушку.

Стоило ему войти, как пол пугающе закачался у него под ногами. Это был не гостиничный номер: в Кассарике вообще не существовало нормальных гостиниц, имелись только бордели, таверны, где можно было приплатить за возможность переночевать на скамье, и простенькие жилища. Последние представляли собой помещения размером с птичью клетку, которые простолудины сдавали, чтобы подзаработать. Женщина, принявшая у них деньги, была портнихой. Она заявила, что они должны почитать себя счастливыми, найдя жилье на ночь глядя. Гесту очень хотелось рывкнуть на нее, однако он старательно сдерживался. Получив от них совершенно несусветную сумму, хозяйка отправила своего младшего сына проводить постояльцев в эту незапертую комнатку, которая сильно раскачивалась на ветру в нескольких ветках от ее собственного жилища.

Пока они шли по сужающейся ветке, Реддинг судорожно цеплялся за нелепый кусок узловатой веревки, которая притворялась перилами. В отличие от любовника, Гест ничего подобного не делал. Он предпочел бы убиться насмерть, рухнув в лесные заросли далеко внизу, нежели выставить себя трусом. А вот Реддинга такая перспектива несколько не смущала. На протяжении всего пути по мокрому от дождя мосту он ныл и причитал от страха, и Гест едва справился с желанием столкнуть его вниз и двинуться дальше в одиночестве.

Теперь он обвел взглядом комнату и хмыкнул. Придется удовлетвориться тем, что есть. Кровать маленькая, керамический очаг не выметен, матрас в углу весь в пятнах, да и постельное белье вряд ли стирали после предыдущего гостя. Но это не имело никакого значения. В Трехоге Геста дожидался прекрасный номер в нормальной гостинице. Он собирался как можно быстрее покончить с поручением калсидийца и вернуться в Трехог. Оказавшись там, Гест займется действительно важным делом – отыщет и вернет свою заблудшую жену. Правда, Элис отправилась в экспедицию из Кассарика, но что мешает ему вести поиски из уютного номера в Трехоге. В конце концов, для того и существуют гонцы: чтобы их посылали в непривлекательные места задавать вопросы и добывать для хозяина правдивую информацию.

Гест скрипнул зубами, вдруг осознав, что именно так его и использует тот проклятый калсидиец. Он, уважаемый торговец Финбок из Удачного, – всего лишь посыльный, которого отправили в несусветную глушь, чтобы доставить мерзкое сообщение. Что ж, ладно... Надо поскорее с этим покончить. А потом он сможет жить по своему разумению.

Гест снял комнату исключительно ради возможности приватно провести встречу. Тот головорез из Калсиды несколько раз подчеркнул, что она должна быть тайной, а «сообщение» следует передать без посторонних. На взгляд Геста, они сильно перемудрили с секретностью: ему предписывалось сначала оставить в некой таверне в Трехоге письмо и дожждаться ответа. Там говорилось, что ему следует найти в Кассарике одного из лифтеров (жители этого расположенного на деревьях города перемещались с одного уровня на другой на специальных подъемниках), который и сообщит ему адрес съемного жилья. Гест рассчитывал, что у злодея хватит ума выбрать какое-нибудь приличное место. Однако его направили сюда. Оставалось утешаться лишь тем, что корабль отплывает в Кассарик в тот же самый день. Ему даже не пришлось отказываться от своей каюты на судне.

Гест избавился от скромного мешка с вещами. А его спутник поставил на пол свой гораздо более весомый саквояж, со стоном выпрямился и мученическим тоном произнес:

– Вот мы и на месте. И что теперь? Может, расскажешь уже наконец о своем загадочном торговом партнере и объяснишь мне, по какой причине потребовалось соблюдать полнейшую секретность?

Гест не пожелал вводить Реддинга в курс дела и ничего не сообщил ему о поручении калсидийца. Просто сказал, что отправляется в поездку по торговым делам, к коим также прибавилась прискорбная необходимость прояснить уже наконец ситуацию с его исчезнувшей супругой. Он даже не упоминал имени Седрика: Реддинг пылал к тому совершенно необъяснимой ревностью. Не было никакого смысла заранее провоцировать его: Гест дожидается момента, когда такой взрыв эмоций окажется подходящим и забавным, и уж тогда использует ссору для собственной выгоды.

Финбок благоразумно помалкивал о том, что попал на крючок к тому мерзкому калсидийцу, предоставив любовнику считать, что тайные послания и странные встречи связаны с возможностью приобрести некий чрезвычайно ценный артефакт Старших. Реддинг был заинтригован, так что вдобавок оказалось весьма забавным пресекать все его попытки расспросов. Не стал Гест упоминать и о перспективе получить – в случае успеха своей миссии – права на значительную часть сокровищ легендарной Кельсингры. С этим алчным человечком надо держать ухо востро. Гест раскроет карты, когда придет время, положив начало красивой истории о своей невероятной торговой смекалке, которую Реддинг, несомненно, разнесет по Удачному.

Со дня прибытия в Дождевые чащобы Гест все больше убеждался в том, что в Кельсингре, судя по всему, и впрямь обнаружили несказанные богатства. Трехог гудел от слухов о непродолжительном визите Лефтрина и его стремительном отъезде. Говорили, будто он завербовал себе в союзники семейство Хупрус. Действительно, капитан «Смоляного» закупил припасы, пользуясь обширным кредитом, который предоставили ему эти уважаемые торговцы. Мало того, Лефтрин бросил Совету обвинения в предательстве и нарушении контракта и сбежал из Кассарика, даже не получив причитающиеся ему деньги. Это выглядело настолько абсурдным, что напрашивалось лишь одно-единственное объяснение: очередное плавание вверх по реке сулит капитану такие баснословные прибыли, что сумма, которую ему должен заплатить Совет, кажется по сравнению с ними незначительной. И это еще больше разжигало всеобщее любопытство.

Почти все искатели приключений, следовавшие за «Смоляным» на небольших суденышках, уже вернулись несолоно хлебавши. А вот один корабль – кстати, сделанный из такой же покрытой особым составом древесины, что и тот, на котором путешествовал сам Гест, – как ни странно, так и не прибыл. И оставалось лишь гадать, затонул ли он или продолжает погоню. Хотя Гест от души надеялся на успех предприятия, он понимал, что добраться до сокровищ Кельсингры окажется непросто. Капитан судна, на котором они отплыли из Удачного, казался скрытным и неприветливым, ему явно не хотелось продавать Финбоку двухместную каюту до Трехога. Но Гест сумел настоять на своем. Правда, ему пришлось втаскивать Реддинга на борт в последнюю минуту, когда речники уже сосредоточились на отплытии и не стали выгонять лишнего пассажира. Гест подозревал, что капитан вряд ли выразит желание плыть дальше вверх по течению. Однако владеет судном не он. Возможно, настоящий хозяин проявит отвагу, пойдет на риск и согласится совершить плавание за одну десятую той доли сокровищ легендарного города Старших, которую в конце концов получит сам Гест.

Пока же он благоразумно помалкивал о своих планах. Правда, двое торговцев осмелились спросить у молодого Финбока, не связан ли его приезд в Трехог с исчезновением жены. В ответ он лишь смерил их суровым взглядом. Нет смысла болтать: кто угодно может протянуть руки к состоянию, которое по праву принадлежит только ему. Гест вздохнул и заставил себя переключиться на текущие дела. Как бы ему ни хотелось забыть о том, что ждало его в ближайшем будущем, он прекрасно понимал: необходимо сперва покончить с чужой проблемой,

а уж потом думать о собственных интересах. Ничего, скоро все неприятности будут позади, и вот тогда он точно выкинет из головы проклятого калсидийца.

– А теперь надо подождать, – объявил Гест, осторожно усаживаясь на единственный имевшийся в комнатке стул – довольно странный предмет мебели, сплетенный из сухой лозы.

Плоская подушка не отличалась мягкостью, а кусок полотна сзади практически не давал опоры спине. Ладно, пусть ноги хоть немного отдохнут после хождения по этим бесконечным лестницам.

Обведя взглядом обшарпанные стены и потолок, Реддинг со стоном плюхнулся на кровать – такую низкую и неудобную, что колени у него задрались вверх. Он оперся о них руками и подался вперед, недовольно щурясь:

– Ну и чего мы ждем?

– Не мы, а я. Извини, что не предупредил тебя раньше, но боюсь, моя первая встреча должна быть полностью конфиденциальной. Если все пойдет по плану, то вскоре меня навестит некий человек, отозвавшийся на записку, которую ты оставил в Трехоге у Дроста, хозяина таверны «Жаба и весло». Мне необходимо кое-что ему передать. А тебе, мой милый, следует уйти. Погуляй пока, развлекись, а когда мои дела будут завершены, я попрошу, чтобы хозяйка послала за тобой мальчишку.

Реддинг выпрямился и заморгал:

– Развлекись? В этой обезьяньей деревне? Где именно тут можно погулять, позволь тебя спросить? Вот-вот стемнеет, а ветки деревьев, которые местные жители называют дорогами, становятся скользкими... И ты хочешь, чтобы я ушел отсюда и где-то бродил в одиночестве? И как, интересно, ты отправишь за мной мальчишку, если не будешь знать, где я? Гест, это уже чересчур! Ты сам пригласил меня сопровождать тебя в этой странной поездке, и до этой минуты я делал все по-твоему: карабкался по деревьям, оставлял тайные записки в грязных тавернах и даже таскал за тебя тот ящик, словно ишак-древалаз! Но сейчас я проголодался, промок насквозь, продрог до костей – и ты хочешь, чтобы я снова вышел из дома и сгинул в этом отвратительном месте?

Пылая гневом, Реддинг вскочил и попытался пройти по тесной комнатке. Теперь он напоминал пса, который крутится у себя в конуре, прежде чем улечься спать. Из-за метаний Реддинга хлипкое жилище начало раскачиваться. Он замер с сердитым видом. Похоже, у него закружилась голова. Гест наблюдал за тем, как ярость Реддинга доходит до точки кипения.

– Я не верю, что у тебя намечается здесь какая-то сверхсекретная встреча! По-моему, ты мне просто не доверяешь. Я не собираюсь быть твоей комнатной собачонкой, как Седрик: зависеть от тебя во всем, никогда ничего не предпринимать самому! Если ты нуждаешься в моем обществе, Гест Финбок, то тебе придется меня уважать. Я приехал в эту дыру для того, чтобы приобрести товары Дождевых чащоб. Я независимый торговец. Поэтому я взял с собой деньги. Мне казалось, что, раз уж мы стали добрыми друзьями, я смогу воспользоваться и твоими деловыми контактами. Не конкурировать с тобой, не пытаться перехватить нечто, нужное тебе самому, но вложить немного собственных средств в те вещи, которые ты не сочтешь достойными своего внимания. А сейчас ты собираешься прогнать меня, словно безмозглого лакея. Нет уж, хватит, Гест Финбок! Такой расклад меня совершенно не устраивает.

Можно подумать, что сам Гест устал и продрог меньше, чем Реддинг. Да еще и этот ужасно неудобный стул. У Седрика хватило бы ума не скандалить в такой момент. Гест устал, вынул из кармана розовошечного коротышку, выпятившего нижнюю губу, словно надувшийся ребенок, и пыхтящего, как мопс, – и всерьез подумал, не бросить ли его здесь, в Кассарике, одного. Пусть посмотрит, хорошо ли у него получится быть «независимым торговцем».

И вдруг Геста осенило.

– Ты прав, Реддинг, – произнес он. Подобное признание настолько изумило его спутника, что Гест с трудом удержался от хохота. Однако он напустил на себя серьезный вид и продолжил:

– Давай я прямо сейчас докажу, как тебе доверяю. Я поручу тебе самому провести переговоры и оставлю в комнате одного. Люди, с которыми ты встретишься, – представители крупных торговых компаний. Возможно, ты сильно удивишься, обнаружив, что они из Калсиды...

– Калсидийские купцы? Здесь, в Дождевых чащобах? – Реддинг был искренне потрясен.

Гест выгнул бровь:

– Ну ты ведь должен знать, что я бывал по торговым делам в Калсиде, а следовательно, у меня есть там связи. А после окончания военных действий в Удачном открыли свои представительства целых три калсидийских торговых дома. Между прочим, я слышал, что несколько членов Совета торговцев в Удачном говорили, что, по их мнению, установление деловых отношений с Калсидой станет отличным выходом из ситуации. Так что прочный мир не за горами. Когда экономические цели и выгоды сходны, страны редко начинают враждовать.

Он говорил гладко и убедительно. Реддинг морщил лоб, но кивал. Гест сделал решительный шаг, полагая, что теперь любовник примет на веру любые его утверждения.

– Тебе не следует удивляться тому, что некоторые калсидийские предприятия хотят найти деловые контакты в Дождевых чащобах. Существуют, конечно, и отдельные отсталые личности, которым это не нравится. Именно поэтому мы и держим свои переговоры в тайне. Вероятно, ты узнаешь одного из этих людей, Бегасти Коред. Он уже бывал в Удачном, прежде чем перенести центр своей деятельности сюда, в Кассарик. Второго, Синада Ариха, я никогда раньше не встречал. Но я навел о нем справки и получил наилучшие отзывы и самые надежные рекомендации. Мне... то есть, получается, нам... доверили передать обоим упомянутым господам вести из дома. Ну и подарки, которые хранятся в двух шкатулках. Они лежат в том самом ящичке, который ты старательно хранил для меня с момента нашего отъезда из Удачного. – Гест понизил голос и зашептал: – Подарки и сопровождающее их послание исходят от некой влиятельной персоны, которая очень близка к властям Калсиды. Полагаю, что Бегасти Коред наверняка захочет переговорить со мной наедине, хотя в прошлом с ним общался Седрик. А весточка, которую нам надо передать, касается товара, который им обещал доставить... угадай кто?.. Естественно, Седрик Мельдар. И разумеется, он ничегоненьки не сделал, даже пальцем не пошевелил. В общем, ты понимаешь, насколько щекотливо наше с тобой положение, не правда ли? Ты должен передать послание, вручить шкатулки и поторопить наших друзей, чтобы они связались с Седриком, если у них имеется такая возможность. Пусть они убедят Мельдара в том, что тянуть с поставками обещанного товара нельзя, это вопрос чрезвычайной важности.

Гест втянул побольше воздуха, раздувая ноздри, и доверительно признался Реддингу:

– Боюсь, что моей репутации сильно повредило то, что Седрик исчез, не исполнив своей роли в этой сделке. Сам понимаешь, мне необходимо восстановить свое доброе имя, а потому я готов перенести все тяготы путешествия. В частности, необходимо попросить Бегасти Коред подписать бумагу о том, что он вел переговоры исключительно с Седриком, а не со мной. А если у него сохранился экземпляр первоначального соглашения, то лучше всего было бы, чтобы он отдал его нам.

Гест и сам поразился тому, как вдохновенно излагает. Мысли его неслись стремительно. До чего же удачно все складывается! Реддинг выполнит грязную работу вместо него! И если любовник добудет у Коред такое заявление, то он, сам ни о чем не подозревая, избавит Геста от назойливости калсидийца. Однако если вдруг встреча с калсидийцем в Дождевых чащобах повлечет за собой неприятные последствия, то с ними опять же столкнется бедолага Реддинг. Ведь именно он отнес сообщение в ту таверну. А сейчас он закончит выполнять поручения, избавив Геста от возможных обвинений в предательстве в обозримом будущем.

Реддинг согласно закивал, глаза его заинтересованно блеснули. Необычные аспекты предстоящей авантюры полностью завладели его воображением. Гест снова глубоко вздохнул, прикидывая, нет ли в его плане недостатков. Конечно, калсидиец приказал ему доставить послание

лично, но откуда он узнает, что имели место некоторые коррективы? Ничего, Гест выкрутится. А Реддингу так и надо: когда калсидийцы вскроют свои страшные «подарки» в этой древесной комнатухе, он мигом увидит, к чему приводят просьбы о самостоятельности и прочей ерунде.

Гест заставил себя улыбнуться любовнику и проникновенно произнес:

– Я знаю, что ты сравниваешь себя с Седриком и гадаешь, доволен ли я тобой. Так вот, сейчас я даю тебе возможность доказать мне свою значимость. Если ты исправишь ошибки, которые допустил в наших переговорах Седрик, то этим продемонстрируешь собственное превосходство. Я считаю, что ты достоин такого доверия, Реддинг. А то, что ты поставил вопрос ребром, ясно свидетельствует: у тебя есть необходимая деловая хватка. Ты сможешь быть моим торговым партнером.

Румянец на щеках Реддинга становился все ярче. На лбу у него выступили капельки пота, он задышал ртом.

– А послание, про которое ты говорил? Оно в шкатулках? – выпалил он.

Гест покачал головой:

– Нет, его ты должен передать на словах. Секундочку... – Он откашлялся и вспомнил слова, которые его заставили выучить наизусть. – «Ваши старшие сыновья шлют родителям привет, ваши наследники благоденствуют под опекой герцога. Однако, к сожалению, не все члены ваших семей могут похвастаться тем же. А чтобы положение не изменилось к худшему, вам обоим следует поскорее завершить свою миссию, а то терпение властителя Калсиды может ведь и иссякнуть. Дары же посланы вам для того, чтобы напомнить: от вас по-прежнему с нетерпением ожидают обещанного товара. Герцог желает, чтобы вы приложили все силы к тому, дабы получить его как можно скорее».

Реддинг распахнул глаза:

– Я должен использовать именно эту формулировку?

Гест на мгновение задумался. А потом кивнул:

– Да. У тебя есть бумага и чернила? Я сейчас продиктую тебе текст, а ты можешь зачитать его, если не успеешь быстро заучить.

– Я... ну... при мне нет, но... повтори-ка еще раз. Я смогу все запомнить и передать если не слово в слово, то достаточно точно, чтобы не было заметно никакой разницы. Герцог? Милосердие Са да пребудет с нами – неужто речь и впрямь идет о властителе Калсиды? Ох, Гест, вот они... настоящие контакты в самых верхах! Мы и вправду балансируем на краю пропасти! Теперь я понимаю, почему ты требовал скрытности. Я не подведу тебя, друг мой. Клянусь! Но где тем временем будешь ты? Разве тебе нельзя остаться здесь и самому передать калсидийцам послание?

Гест задумчиво склонил голову к плечу:

– Повторяю еще раз: встреча должна быть сугубо конфиденциальной. Калсидийцы рассчитывают увидеть здесь одного человека, а не двух. Так что я удалюсь – выпью где-нибудь чашку горячего чая или погуляю, пока ты будешь заниматься столь важным делом. – Он сделал паузу и резко спросил: – Разве ты не этого добивался?

– Прости... Я и не думал выгонять тебя на улицу, и мне очень жаль...

– Нет! Стоп! – прервал Гест виноватый лепет Реддинга. – Никаких сожалений! Ты поставил мне свои условия, и я тебя уважаю. Так что я ухожу, это не обсуждается. Но сперва давай порепетируем, как ты им все скажешь.

Они увидели первого дракона, когда Лефтрин мог с уверенностью утверждать, что до Кельсингры плыть еще не меньше трех дней. О его приближении предупредил сам живой корабль: не напрямую, а внезапной дрожью, которая пробежала по позвоночнику капитана и закончилась покалыванием по всей голове. Лефтрин почесал затылок и обратил взгляд в небо,

проверяя, не хочет ли Смоляной предостеречь его о приближении бури, – а вместо этого заметил крошечный осколок сапфира, парящий на фоне серого облачного покрова.

Он исчез, и на мгновение Лефтрину показалось, что это был просто обман зрения. А потом появился снова: сначала как бледно-голубой опал, подмигивающий ему сквозь дымку, а потом – как сияющий синевой самоцвет...

– Дракон! – закричал капитан, указывая вверх и заставив остальных вздрогнуть.

Хеннесси мгновенно оказался рядом с ним. Он был самым зорким из всех членов команды и в очередной раз доказал это, заявив:

– Вижу Синтару! Вот бело-золотой узор у нее на крыльях! Она научилась летать!

– Я вообще едва различаю, что над нами парит дракон, – добродушно проворчал Лефтрин. Он не сдержал радостной улыбки. Значит, драконы уже летают! По крайней мере, один из них. Капитан и сам удивился наполнившему его душу ликование. Он был горд, словно отец, наблюдающий первые шаги своего дитяти. – Интересно, насколько далеко продвинулись другие?

Хеннесси не успел ничего сказать в ответ.

– Вы не могли бы окликнуть драконицу? Дать ей сигнал, что она нам срочно нужна? – Рэйн с громким топотом пронесся по палубе и выкрикнул свой вопрос, еще не добравшись до Лефтрина. Его лицо освещала безумная надежда.

– Нет. – Капитан не стал его обманывать. – Но даже если бы и могли, на этом участке реки нет ни единого островка. Драконице здесь не приземлиться. Но ее появление радует, Хупрус. Утешайся хотя бы тем, что увидел Синтару в полете. Мы всего в нескольких днях пути от Кельсингры. Уже очень скоро мы окажемся там, где есть драконы, и, надеюсь, сумеем получить помощь, которая нужна вашему малышу.

– А Смоляной не может идти быстрее?

Капитан пожал плечами. Он сочувствовал молодому отцу, но ему надоело постоянно повторять одно и то же.

– Корабль старается изо всех сил. Большого никто из вас от Смоляного требовать не может.

Казалось, Рэйну хотелось добавить что-то еще, но этому помешали далекие крики, раздавшиеся ниже по течению. Оба мужчины одновременно обернулись к корме и застыли.

Судно из Удачного тоже не отставало. Их вахтенный только что заметил дракона: видимо, заинтересовался тем, почему люди на Смоляном перекрикиваются и указывают в небо. Лефтрин вздохнул. Ему надоело постоянно видеть сзади этот так называемый несокрушимый (то есть непроницаемый для едкой речной воды) корабль. Раз за разом Смоляной отрывался от погони, продолжая путешествие ночью, но спустя день или два преследователь опять появлялся на горизонте. Узкое судно двигалось необъяснимо быстро. Лефтрин подозревал, что команда рискует жизнью, гребя день и ночь, чтобы успевать за ними. Наверняка матросам хорошо платят. Он всей душой желал, чтобы преследователи сдались и вернулись обратно. Теперь, когда они увидели летящего дракона, все еще больше осложнилось.

Если Синтара и заметила кого-то из них, то никак этого не показала. Она высматривала добычу – летала над берегами, описывая широкие круги. Надо будет отметить это место на карте, решил Лефтрин. Он подозревал, что если дракон здесь охотится, значит поблизости имеется твердая почва. Капитан не допускал мысли о том, что Синтара стала бы пикировать на животных, рискуя обрушиться вниз сквозь кроны и завязнуть в трясине. И уж конечно, она бы не кинулась на какого-нибудь речного обитателя. Такое исключено. За кустами и зарослями высоких деревьев должны быть низинные луга или пологие холмы – предвестники зеленых пейзажей Кельсингры. Это необходимо выяснить. Если не сейчас, то в ближайшем будущем.

– Это Тинталя летит сюда?

Рэйн отвел взгляд от наполненных верой ярких глаз Малты и покачал головой:

– К сожалению, нет. Думаю, что, будь это Тинталья, мы бы почувствовали. Там кружится одна молоденькая синяя самка по имени Синтара. Лефтрин сказал, что, даже если бы он ее и позвал, ей тут все равно негде приземлиться. Но мы уже скоро доберемся до Кельсингры. Пара-тройка дней – и будем на месте. Так что не волнуйся, милая. И с Фроном все будет в порядке.

– Пара-тройка дней! – уныло повторила жена Рэйна и посмотрела на их спящего ребенка.

Малта не решилась произнести вслух то, о чем думали они оба. Возможно, у их малыша нет в запасе даже нескольких дней.

Сначала во время их пребывания на борту Смоляного малыш немного окреп. Он сосал грудь и дремал, а когда просыпался, то внимательно таращился на родителей своими темно-синими глазками, потягивался, извивался – и потихоньку рос. Его ручки и ножки стали пухленькими, а щечки округлились. Тельце ребенка приобрело здоровый розовый цвет, и он стал меньше походить на ящерку: в душе родителей зародилась робкая надежда на то, что грозящая их сыну опасность миновала.

Но к сожалению, улучшение оказалось лишь временным. Теперь сон малыша стал беспокойным и тревожным. Он подолгу плакал и никак не мог уговориться. Кожа у него пересохла, а глазки отекали. Рэйн заставлял себя быть терпеливым, хотя никогда прежде не сталкивался ни с чем столь невыносимым, как необходимость баюкать постоянно вопящего младенца. Он держал сына на руках часами, пока Малта запиралась в другой каюте и отдыхала. Родители перепробовали все: они туго пеленали малыша и добавляли в молоко ром, чтобы успокоить кишечные колики. Фрона подбрасывали и пытались рассмешить, купали в теплой воде и укачивали... Ему пели колыбельные, его оставляли выплакаться, над ним рыдали. Однако ничто не прерывало его пронзительного нескончаемого крика. Рэйн чувствовал себя беспомощным и растерянным, а Малта погрузилась в глубокое уныние. Когда ребенок спал, кто-то из родителей всегда дежурил рядом. Они опасались, что каждый его вздох может оказаться последним.

– Пусть он поспит один. Пойдем. Встань и разомнись немного, подыши свежим воздухом.

Малта неохотно поднялась, оставив Фрона в его корзинке. Рэйн обнял ее за талию и вывел из парусиновой палатки на открытую палубу. Ветер крепчал, обещая новые дожди, но это не заставило щеки Малты зарумяниться. Бедняжка совсем измучилась. Рэйн взял жену за руку, ощутив тонкие косточки под бледной кожей. Волосы у нее свалились и выбивались из золотистых кос, сколотых на голове. Он не помнил, когда она в последний раз их расчесывала.

– Тебе надо больше есть, – мягко сказал Рэйн и заметил, как Малта вздрогнула, словно бы муж ее в чем-то упрекнул.

– У меня много молока, и Фрон хорошо сосет. Но непохоже, чтобы это шло ему на пользу.

– Я имел в виду другое. Подумай о себе. И о нашем сыне, конечно. – Рэйну с трудом удавалось подбирать слова, и он замолчал. Притянув жену к себе, он закутал ее плащом и посмотрел вдаль поверх ее головы. – Капитан Лефтрин сообщил мне, что, когда Смоляной в прошлый раз шел по реке, русло внезапно стало настолько мелким, что они метались в поисках нужного протока. Трудно поверить, правда?

Малта взглянула на широкий разлив реки и кивнула. Это место сейчас больше напоминало прозрачное озеро. На данном отрезке течение действительно замедлило ход, а плавающих растений стало больше. И похоже, кувшинки и лилии верили в то, что весна уже близко. Новые отростки поднимались из воды, дожидаясь тепла, чтобы развернуть листья. Черные ленты водорослей усыпали зеленые почки.

– В давние времена Старшие строили на берегах реки великолепные жилища с убежищами для драконов. Некоторые дома возвышались на сваях: сейчас они превратились бы в островки. Другие чуть отстояли от берега. Хозяева предлагали залетным драконам всевозможные удобства. Каменные платформы, которые нагревались, когда дракон устаивался на них. Комнаты со стеклянными стенами и экзотическими растениями, где гостям было приятно спать в суровые зимние ночи. По крайней мере, капитан Лефтрин утверждает, что так ему рассказы-

вали сами драконы. – Он указал на далекий склон, поросший голыми березами. Белые стволы чуть-чуть порозовели, что свидетельствовало о наступлении весны. – Думаю, мы возведем свой особняк вон там, – торжественно объявил Рэйн. – Обязательно с белоснежными колоннами, согласна? И громадным садом на крыше. Непременно посадим в несколько рядов декоративную брюкву.

Он заглянул жене в лицо, надеясь, что пробудил на нем улыбку. Но его попытка отвлечь Малту забавными фантазиями провалилась.

– Как ты думаешь, драконы помогут нашему малышу? – прошептала она.

Рэйн перестал притворяться. Его терзал тот же самый вопрос.

– Конечно помогут. А почему бы и нет? – Он попытался сделать вид, будто не разделяет сомнения жены.

– Потому что они – драконы. – Голос Малты звучал устало и безнадежно. – А эти создания могут быть бессердечными. Такими же жестокими, как Тинталья. Она ведь бросила сородичей, когда те голодали. Она превратила Сельдена в своего певца, очаровала его магией, а потом отправила в неизвестность. А когда мой младший брат исчез неизвестно куда, то это ее, похоже, ничуть не беспокоило. Тинталья предала нас – и ни на минуту не задумалась о том, как это отразилось на нашей жизни. Скажешь, не так?

– Так, – кивнул Рэйн. – Но это еще не значит, что и все остальные драконы тоже такие, как и Тинталья.

– Они были точно такими же, когда я приезжала к ним в Кассарик. Мелочные и себялюбивые создания!

– Бедняги были еле живые от голода и совершенно беспомощные! Я не встречал настолько хрупких и одновременно эгоистичных существ. Но в таких обстоятельствах у кого угодно проявляются самые плохие качества.

– А что, если драконы не захотят помочь Фрону? Что нам делать тогда?

Он притянул Малту к себе:

– Давай не будем придумывать себе проблемы на завтрашний день. Сейчас Фрон жив и спит. По-моему, тебе следует перекусить, а потом тоже вздремнуть.

– А по-моему, вам обоим следует пообедать, а потом вместе лечь спать у себя в каюте. Я побуду с Фроном.

Рэйн поднял голову и улыбнулся сестре, которая появилась на палубе:

– Спасибо тебе, Тилламон, ты такая отзывчивая! Ты и правда не против?

– Разумеется, нет.

Волосы у молодой женщины были распущены, и порывом ветра одну прядь отбросило ей на лоб. Тилламон смахнула ее назад – и простой жест, открывший ее лицо, привлек внимание Рэйна. Щеки сестры разругались, и Рэйн вдруг понял, что уже много лет он не видел ее такой молодой и полной жизни.

Не подумав, он выпалил:

– У тебя очень счастливый вид!

Она горячо возразила:

– Нет, Рэйн, я боюсь за Фрона не меньше вас!

Малта медленно покачала головой. Ее улыбка получилась грустной, но искренней.

– Мы это знаем, милая. Ты всегда рядом и готова помочь. Но это не значит, что тебе нельзя радоваться тому, что ты обрела во время плавания. Ни я, ни Рэйн нисколько не обижены на тебя...

Малта осеклась и посмотрела на мужа. Рэйн недоуменно заморгал.

– А что обрела моя сестра? – спросил он.

– Любовь, – смело ответила Тилламон и встретилась с ним взглядом.

Рэйн в первый момент опешил, а потом вдруг все понял. Теперь он нашел новое, совершенно неожиданное объяснение подмеченным за время долгого пути сценам, обрывкам случайно услышанных разговоров между Тилламон и...

– Хеннесси? – выдавил он, разрываясь между изумлением и огорчением. – Неужели твой избранник – Хеннесси, первый помощник капитана?

В тоне Рэйна слышалось явное осуждение: его сестра, родившаяся в семье уважаемых людей, процветающих торговцев, увлеклась обычным моряком? Самым простым человеком, который ей не ровня?

Губы Тилламон плотно сжались, а глаза потускнели.

– Да, Хеннесси. И тебя это не касается, братишка. Я уже давно совершеннолетняя. И принимаю решения сама.

– Но...

– Я очень устала! – внезапно вмешалась Малта, поворачиваясь в объятиях мужа. – Прошу тебя, Рэйн. Давай воспользуемся предложением Тилламон и приляжем... Давненько мы не спали рядом, а я ведь всегда чувствую себя отдохнувшей, когда ты возле меня. Пожалуйста, пойдем.

Она потянула его за руку, и Рэйн неохотно повиновался. Малте действительно надо выспаться, это гораздо важнее, чем выяснять отношения с сестрой. Но позже они обязательно серьезно поговорят. Он молча последовал за женой в каюту, где им можно было остаться вдвоем. Кюта была простенькой, немногим лучше большого ящика, закрепленного на палубе. На полу лежал тюфяк, на котором они спали по очереди. Несмотря ни на что, Рэйн действительно рад был возможности обнять Малту и оберегать ее сон. Ему надоело валяться здесь в одиночестве.

Казалось, Малта читает его мысли.

– Не трогай сестру, Рэйн. Подумай о том, что есть у нас и какое утешение приносит нам любовь. Как мы можем возмущаться, если Тилламон ищет того же?

– Но... с Хеннесси?

– С мужчиной, который усердно работает и любит свое дело... С тем, кто видит Тилламон – и искренне ей улыбается, а не насмешливо кривится или отворачивается. Думаю, он и правда любит твою сестру, Рэйн. Но даже если и нет, Тилламон права. Она взрослая женщина, причем уже давно. Не нам решать, кому она отдаст свое сердце.

Рэйн набрал воздуха, чтобы возразить, но только тяжело вздохнул, а Малта тем временем подняла засов и распахнула дверь. Душная маленькая каюта вдруг показалась ему манящей и уютной. Острое желание сжать жену в объятиях внезапно захлестнуло его.

– Для тревог у нас еще будет время. А сейчас нам надо поспать, пока есть такая возможность.

Он согласно кивнул и зашел внутрь следом за Малтой.

*Двадцать пятый день месяца Рыбы,
седьмой год Вольного союза торговцев
Торговцу Коруму Финбоку в Удачный —
от его друга из Кассарика*

Необходимость соблюдать осторожность значительно возросла, а вместе с нею увеличились и мои расходы. Очень рассчитываю на то, что очередная выплата будет вдвое больше предыдущей. Вознаграждение следует отправить в виде наличных и доставить мне незаметно. Твой прошлый посланец оказался полным идиотом: явился прямо ко мне на службу в разгар рабочего дня и вручил кредитное письмо, а не наличные, как между нами было условлено.

По этой причине сегодня я шлю лишь самое краткое изложение того, что я сумел узнать. Все детали могу сообщить после оплаты.

Путешественник прибыл, но не один. Его цель, похоже, совсем не та, о которой ты упоминал, господин. Между прочим, у тебя появился конкурент: еще один незнакомец посулил мне немалые деньги за сведения об этом человеке. Я пока не стал ему ничего говорить, но смею напомнить, что я такой же торговец, как и ты, вот только мой товар – сведения. А какой торговец откажется заключить выгодную сделку с покупателем, который предложит ему лучшую цену?

Новостей с верхнего течения реки немного, но они могут показаться тебе весьма любопытными, господин мой. Однако я не сообщу более ни слова, пока не получу наличные. Деньги следует доставить в Трехог, в ту гостиницу, о которой я уже упоминал, и вручить женищине с рыжими волосами и татуировкой на щеке в виде трех роз.

Если мои требования не будут выполнены, то наши отношения на этом и закончатся. Ты не единственный, кто хочет получать от меня ценные сведения. Есть и другие желающие. И некоторым было бы весьма любопытно узнать кое-что о наших делах и кое-каких ваших проблемах.

Как говорится, умный поймет с полуслова.

Глава 5. Прыжок очертя голову

Доставить драконов с прибрежного луга к мосту оказалось не так-то просто. Седрик стоял рядом с Карсоном и смотрел, как последний из больших драконов спускается по крутому склону и направляется к древней дороге. Их питомцы уже проложили на берегу глубокую борозду с оползнями из глины, камней, рыхлой земли и веток, которые теперь веером валялись на старой дороге внизу. Тиндер, лиловый любимец Нортеля, наконец-то добрался до дорожного настила и отряхивался от песка.

Остались только два мелких дракона – Релпда и Плевок.

– Мерзкая холодная грязь! – сетовала Релпда.

– Я пытался уговорить тебя спускаться первой, пока остальные не испортили поверхность склона, – напомнил ей Седрик.

– Не хотела. Не хочу. Слишком сложно...

– С тобой ничего не случится. Ты съедешь вниз – и окажешься на дне оврага, – попытался успокоить ее хранитель.

– Ты покатишься, как камень, и тебе еще повезет, если ты не переломаешь себе крылья, – добавил зловредный Плевок.

Его серебристо-серые глаза налились алым и медленно вращались. Похоже, он наслаждался тем, что ему удалось испугать Релпду. Седрика так и подмывало треснуть этого паршивца чем-нибудь потяжелее. Но он подавил свой порыв, прежде чем Релпда или Плевок успели о чем-либо догадаться, и постарался наполнить свои мысли и слова спокойной уверенностью:

– Релпда, послушай меня. Я бы не просил тебя сделать что-то, если бы считал это опасным. Нам надо попасть вниз, а путь только один. Давай просто съедем по склону и присоединимся к остальным драконам на мосту.

– А когда ты окажешься там, он захочет, чтобы ты прыгнула с моста в реку и утонула!

Судя по тону Плевка, он был в полном восторге.

– А ну-ка помолчи! – сурово предостерег его Карсон, но серебряного дракона это нисколько не смутило.

– Мой хранитель хочет, чтобы я тоже утонул, – сообщил он Релпде доверительно. – И он мог бы не охотиться так много, чтобы меня кормить. У него появится куча времени, чтобы кувыраться в постели с твоим хранителем.

Карсон стиснул губы, неожиданно резко рванулся вперед и ударил плечом драконью лапу, вложив в это всю мощь своего мускулистого тела. Плевок стоял возле самого края обрыва и недовольно косился на крутой склон. Он закачался, отчаянно пытаясь удержаться на месте, но это удалось ему лишь на миг. А затем серебристый Плевок дернул хвостом, сбив Карсона с ног, – и внезапно оба заскользили вниз, пытаясь притормозить в глиняной борозде. Охотник рванулся вперед и ухватился за кончик крыла дракона. Тот дико затрубил на ходу, и Карсон присоединил к его кличу собственное улюлюканье. Седрик понял, что на самом деле оба нисколько не испуганы стремительным спуском.

– Им это нравится? Пачкаться и катиться с горы? – недоуменно поинтересовалась медная Релпда, озвучив его собственные мысли.

– По-видимому, да, – растерянно ответил Седрик.

А Плевок и его хранитель уже добрались до дна и выехали на дорогу в фонтане рыхлой земли. Поднявшись, Карсон тщетно попытался отряхнуться и крикнул, обращаясь к оставшимся наверху:

– Совсем не страшно! Спускайтесь!

– Ничего не поделаешь, – проворчал Седрик.

Он взгляделся в склон, пытаясь понять, нет ли более простого, безопасного и чистого пути. Другие драконы вместе с людьми уже добрались до обрушившегося моста. А Карсон дожидался их с Релпдой, глядя наверх. Плевок раскрыл крылья и тряс ими, не обращая никакого внимания на то, что осыпает своего хранителя грязью.

– Не тяни до вечера! – добродушно посоветовал драконице Карсон.

– Она всегда самая последняя! – заявил Плевок.

– Иду! – неохотно пообещал Седрик.

Он развернулся боком, решив применить собственную тактику.

– Только без грязи! – упрямо заявила Релпда.

– Моя медная красавица, мне это так же неприятно, как и тебе. Пожалуйста, не упрямясь.

Седрик не хотел даже думать о том, сколь сложная задача ждет его после спуска: надо будет убедить подопечную прыгнуть с моста и взлететь. Ему казалось, что она справится. Все драконы в последнее время тренировались весьма усердно, и большинство уже способны были на некоторое время зависать в воздухе. Он был почти уверен, что Релпда благополучно долетит до Кельсингры. Почти. Однако полностью справиться со своим беспокойством не мог. Карсон уже предостерегал Седрика относительно этой опасности. Если он будет сомневаться в Релпде, то и ей придется несладко: хранитель невольно заронит сомнения в ее душу. А такого допускать нельзя ни в коем случае.

Отойдя от борозды, оставленной крупными драконами, Седрик начал осторожный спуск, двигаясь по склону наискосок. Он успел сделать шагов пять, когда его нога неожиданно соскользнула. Он рухнул на землю, ударился бедром, перекатился на живот и отчаянно вцепился в жесткую траву, вырвав ее с корнем. Юноша кубарем покатился вниз, под сдавленный смех Карсона и веселый рык Плевка. Два раза Седрику удавалось остановиться, но стоило ему попытаться встать на ноги – и спуск продолжался снова, прежним образом. Когда он наконец добрался до ровной поверхности и сумел сесть, Карсон подбежал к нему и протянул руку, чтобы хоть как-то помочь.

– Что здесь смешного? – возмутился Седрик, увидев, что глаза охотника так и искрятся весельем.

Однако спустя несколько мгновений он уже стоял в полный рост и тоже широко ухмылялся. А потом принялся за дело: надо было очистить тунику и брюки, сшитые из ткани Старших, от грязи и репейника. Когда Седрик закончил, ладони у него были черными, зато одежда сверкала лазурью и серебром точно так же, как и прежде. Он взглянул на Карсона, на его покрытый пятнами кожаный костюм охотника.

– Я ведь говорил тебе: попробуй носить что-нибудь другое! Рапскаль привез достаточно одежды Старших!

Карсон смущенно пожал плечами:

– От давних привычек отказаться трудно. – Заметив во взгляде Седрика глубокое разочарование, он добавил: – Может, позже, когда мы переберемся в город... Я чувствую себя неловко, если привлекаю к себе внимание яркими тряпками.

– А как же я? Хочешь сказать, что и мне эти тряпки не к лицу?

Карсон лукаво улыбнулся:

– Мне гораздо больше нравится, когда ты их снимаешь. Но... не буду отрицать: тебе эти наряды и впрямь идут. В отличие от меня. Ты ведь такой красавец. Тебе надо носить красивые вещи.

Юноша лишь покачал головой в ответ на комплимент, хотя ему и приятно было его слышать. Карсона не переделаешь, и Седрик в принципе не собирался ни на чем настаивать. Да и зачем этому здоровяку меняться? Если бы от Седрика потребовали полной откровенности, то он вынужден был бы признаться, что в Карсоне, облаченном в грубый костюм, есть особая

дикая привлекательность. Да и в чем еще ходить настоящему охотнику, как не в шкурах собственноручно добытых животных?

– Мне одежда Карсона тоже нравится, – неожиданно заметил, обращаясь к Седрику, Плевок. – Из-за нее он пахнет убийством и мясом. Отличный запах.

Молодой человек отвернулся, не желая признавать, что порой серебряный дракон слишком хорошо знает его самые потаенные мысли. Он посмотрел на вершину холма и на Релпду, которая замерла на краю обрыва и таращилась вниз, нервно переступая передними лапами. Все, кроме Карсона и Плевка, ушли вперед, не дожидаясь их.

– Поторопись, моя медная королева, иначе мы надолго тут застрянем!

– И ты прыгнешь последней, как была последней вообще всегда и во всем! – неуместно поддел ее Плевок. – Давай, медная коровица, найди в себе хоть соломинку отваги и скатись вниз!

– Пусть он прекратит издеваться над моей драконицей! – гневно потребовал Седрик у Карсона. – Он разозлит Релпду, и тогда мне не удастся ее уговорить!

Даже издалека Седрик видел, что вращающиеся глаза Релпды покраснели от злости. Она подняла голову, выгибая шею, и ее шипастый воротник встопорщился, демонстрируя то, как разъярена драконица. Ее чешуя стала ярче: все туловище загорелось, как медный котел, перегревшийся на плите.

– Последней? – крикнула она. – Это ты будешь последним и никогда не найдешь себе пары, блестящая жаба! – Она перевела гневный взгляд на Седрика. – Не люблю грязи! – объявила медная драконица, резко развернулась, отпрянув от края, и исчезла.

– Вот что ты наделал! – укоризненно заявил Седрик ничуть не смутившемуся Плевку. – Теперь она вернется в поселок, и мне придется потратить еще один день, чтобы...

Он не успел договорить. Раздался оглушительный топот, хранитель вскинул голову и заметил свою драконицу. Релпда примчалась к обрыву и... прыгнула в воздух.

– Беги! – завопил Карсон, но Седрик не смог пошевелиться. Его охватил страх – за нее и за себя.

Релпда расправила крылья, и он невольно пригнулся, закрывшись ладонями: миниатюрная – по драконьим меркам – медная красавица падала прямо на них. Крылья ее распахнулись, и Седрик в ужасе увидел, как Релпда отчаянно ими захлопала. Он зажмурился.

Спустя секунду, поняв, что его не раздавили, юноша снова открыл глаза. Карсон изумленно разинул рот. И вдруг в его сознание пробился торжествующий крик Плевка:

– Она летит! Медная королева полетела!

Седрик озираясь по сторонам. Куда же смотрит Карсон? Наконец рослый охотник обнял его за плечи и указал в сторону реки. Сперва Седрик ничего не мог различить. Но неожиданно его пронзила радость. Его дракон полетел! День выдался облачный, но Релпда отливала медью на фоне тусклого олова реки. Ее крылья были широко раскрыты: она парила. При этом драконица теряла высоту, и Седрик точно определил, где именно она соприкоснется с водой: не добравшись даже до середины русла.

– Давай! – хрипло прорычал он. – Маши крыльями, Релпда! Не сдавайся!

Карсон крепче сжал его плечи. Охотник молчал, но Седрик был уверен: он разделяет его мучительные переживания за подопечную. С моста донеслись голоса: другие хранители встревоженно спрашивали, что происходит. Дортеан оглушительно затрубил. Верас присоединила к нему свой пронзительный клич.

– ЛЕТИ!!! – прозвучал повелительный рык, полный ярости, и издал его Плевок. Серебристый дракон встал на задние лапы, раскинул крылья и замахал ими в беспомощной досаде. – Лети!

Седрик не в силах был наблюдать за этим – и в то же время не мог оторваться от завораживающего зрелища. Он ощущал панику Релпды и ее возбуждение, вызванное стремительным

холодным ветром. Он чувствовал, как она пытается сгруппироваться. А потом: взмах, второй, третий – она начала работать крыльями. Смелый прыжок с обрыва буквально подкинул драконицу в воздух, так что теперь ей нужно было лишь довериться инстинктам. Но в ней уже пробудилась древняя память. Она была королевой и когда-то царила в небесах.

– Ни о чем не думай! Просто лети! – протрубил Плевок.

А в следующую секунду он тоже начал тяжелый разбег.

– Эй, Плевок!

Карсон бросился за ним. Седрик дернулся и побежал вперед. Ветер бил ему в лицо, и эти же вихри проносились мимо вытянутой шеи Релпды. Его драконицу трясли потоки воздуха над быстрой водой.

Седрик заставил себя остановиться и вновь крепко зажмурился:

Я с тобой, Релпда. Лети, моя красавица! Просто почувствуй полет.

С тех пор как Седрик выпил кровь драконицы, он мог говорить с ней мысленно. Порой это немного рассеивало внимание, а иногда овладевало хранителем целиком. Он вдруг подумал, что подобная связь может не только отвлекать Релпду, но и быть для нее источником неуверенности. Так что сейчас никаких сомнений. Только медная королева, вольный воздух и Кельсингра впереди – город, который зовет ее к себе. Юноша вздохнул и полностью отдал себя Релпде, вливая силу в ее крылья и уверенность в ее сердце.

– Плевок, стой! – Откуда-то издали до него донесся крик Карсона.

Но Седрик продемонстрировал несгибаемую решимость, не позволив себе отвлечься. Очень хорошо. Крылья уже машут размеренно. Звук несущейся под ним воды остается всего лишь звуком: он не способен утащить драконицу вниз и на дно.

Впереди ждут сверкающие каменные стены Кельсингры. Там будет тепло, – пообещал он Релпде, – и ты найдешь укрытие от нескончаемых дождей. Там много горячей воды, в которой можно будет лежать, избавляясь от непрерывной боли, вызванной холодами.

Я лечу, медная королева! Мы поднимаемся ввысь – вместе!

Чья-то посторонняя мысль вторглась в их общий разум. Плевок ринулся с моста, протолкнувшись между крупными драконами и совершив прыжок первым.

Я поймал ветер и направляюсь к тебе. Мы воспарим вместе! – окликал подругу серебряный дракон.

Внезапно Релпда стала махать крыльями иначе: медленнее и с большей силой. Она набирала высоту, и река оставалась далеко внизу. На одно головокружительное мгновение Седрик тоже увидел великолепную картину, представшую перед ее взором. Он никогда не предполагал, что живое существо способно столь четко различать мелкие детали на таком расстоянии. Человек, взобравшийся на вершину горы, чтобы полюбоваться панорамой, наверняка не заметил бы лося, дремлющего на склоне холма, или движение густой травы на лугу, где паслось какое-то стадо. Это были животные, напоминающие коз. Неожиданно Седрик вдруг ощутил мускусный запах самца, который вел стадо, и пяти... нет, шести самок, следующих за ним. Эта подробнейшая информация вливалась в его мозг совершенно незнакомым доселе образом. А потом его контакт с Релпдой резко прервался: то ли драконица вытолкнула хранителя из своего сознания, то ли он сам сбежал от нее? Седрик не мог сказать точно.

Он стоял, растерянно моргая в дневном свете и чувствуя себя так, словно только что очнулся от причудливого сна. Все вокруг казалось размытым, поэтому Седрик закрыл глаза и потерял их – и только потом понял: к нему просто-напросто вернулось обычное человеческое зрение. Он тряхнул головой. Драконы и хранители собрались на дороге у моста. Карсон бежал к нему навстречу, и на лице его было странное выражение: смесь ликования и ужаса. А внимание Седрика привлекло движение на мосту – и он увидел, как оранжевый Дортеан промчался по каменному въезду, на миг замер, а затем прыгнул. При этом он распахнул крылья, демонстрируя их узор, похожий на огромные ярко-голубые цветы. Дракон идеально вытянул тело,

превращаясь в стрелу, и вообще не упал, ни на дюйм, а сразу стал подниматься в воздух, мощно взмахивая крыльями. Кейз прыгал и приплясывал, в полном восторге от триумфального взлета своего красавца. Бокстер радостно бросился к своему двоюродному брату, принялся хлопать его по плечу и дико хохотать. Кейз торжествующе указывал вверх. А затем оба пригнулись и отбежали в сторону, чтобы пропустить Скрима: длинный худой дракон тоже стремительно неся к краю моста. Он без малейших колебаний ринулся вперед, став второй летящей оранжевой стрелой. Его длинное узкое туловище по-змеиному извивалось, когда он поднимался в небо.

– Седрик! – Юноша невольно залюбовался Скримом, но оклик Карсона отвлек его от созерцания полета. – Ты видишь наших драконов?

Любовник внезапно оказался перед ним, подхватил на руки и закружил.

– Ты видишь наших драконов? – повторил он свой вопрос.

– НЕТ! Эй, что ты творишь? Немедленно поставь меня на землю! – возмутился Седрик. Однако, когда здоровяк-охотник отпустил юношу, тот потерял равновесие и едва не упал, так что был вынужден крепко схватить Карсона за руку. – Да в чем дело? Где они?

– Вон там! – гордо объявил Карсон и указал вдаль, где находилась Кельсингра.

Седрик едва смел надеяться на то, что Релпда сумеет благополучно приземлиться на дальнем берегу. Он и представить себе не мог, что она добралась до города. Медная драконица кренилась набок и заваливалась на каждом повороте, но, хотя она и не отличалась легкостью и изяществом жаворонка, тем не менее полет ее был прекрасным. А внизу, отчаянно хлопая серебряными крыльями в попытке не отстать, мчался Плевок. Он летел с большим трудом, нежели Релпда, всюду напрягая силы, однако его старания увенчались успехом. Карсон и Седрик изумленно увидели, что он догнал медную драконицу и взмыл выше. А потом внезапно спикировал на нее, и Седрик испуганно вскрикнул, безуспешно пытаясь предостеречь свою королеву. Однако Релпда заметила фокусы Плевка. В последний момент она плотно прижала крылья к туловищу и понеслась к земле. Затем постепенно выровнялась и начала планирование. Наконец Релпда расправила крылья и, словно вихрь, понеслась к далеким холмам. Плевок повторил ее маневр и почти не отставал от драконицы. Когда Релпда скрылась за холмистой грядой, Седрик воскликнул:

– Почему он ее донимает? Карсон, позови Плевка обратно! Сделай что-нибудь! Я боюсь, что он хочет ей навредить!

Карсон обнял Седрика, потом взял любовника за подбородок и заставил отвести встревоженный взгляд от опустевшего неба и заглянуть в его собственные глаза. Он усмехнулся и с нежностью произнес:

– Эх ты, наивный городской парнишка! Да Плевок хочет навредить Релпде ровно столько же, сколько я – тебе. – С этими словами он наклонил голову и поцеловал Седрика.

Гест был приятно удивлен: чай оказался превосходного качества, горячим и ароматным – как раз то, что надо в такую погоду. Владелец лавки усадил его за столик рядом с крутобокой печкой, выложенной синими изразцами. Он также подал посетителю и пирожки: часть с перченым обезьяньим фаршем, а часть – с нежными розовыми плодами, которые были одновременно терпкими и сладкими. Гест смаковал угощение. Ему хотелось дать Реддингу побольше времени, чтобы тот завершил встречу с калсидийцами и успел хорошенько поразмыслить, насколько глупо было пытаться давить на Финбока. Гест предполагал, что, когда он вернется в жалкую древесную комнатку, обе его цели будут достигнуты: мерзкие послания передадут адресатам, причем ему самому не придется пачкать о них руки; а Реддинг, получив хороший урок, станет таким же покорным и безропотным, как прежде.

Гест постарался быть с владельцем лавки милым и остроумным. Как и всегда, этот прием сработал: торговец чаем приветливо кивал ему. Однако, будучи человеком занятым, сам гово-

рил мало. Он обменялся с гостем любезностями, но, когда Гест закинул крючок, сказав, что сегодня приплыл на так называемом несокрушимом корабле и что эти суда, неуязвимые для едкой воды, способны совершить настоящий переворот в речной торговле, хозяин заведения тему не подхватил, а сосредоточился на своих делах. Правда, какая-то женщина с четырьмя вытатуированными на щеке звездами проявила к приезжему интерес. Направлять ход беседы не составило труда. Со стойких судов Гест плавно перевел разговор на живые корабли, потом – на «Смоляного» и, наконец, на его давешнее плавание. Сплетен, как выяснилось, об этом ходило немало. Женщине было известно буквально все: про визит капитана Лефтрина в Кас-сарик, и про его неожиданный отъезд, и даже про то, что он создал совместное предприятие с торговым кланом Хупрусов. Одну из дочерей этих самых Хупрусов не видели с тех самых пор, как «Смоляной» отошел от причала, и кое-кто утверждал, что девица якобы влюбилась в капитана и сбежала с ним. Новая знакомая также поведала Гесту историю о том, как Рэйн Хупрус и его жена Малта появились на заседании Совета торговцев Дождевых чашоб как раз в тот день, когда там выступал Лефтрин, который передал Старшей некое тайное послание и, возможно, чрезвычайно ценное сокровище из города Старших, легендарной Кельсингры. Судя по тому, как его собеседница презрительно скривила губы, Гест заключил, что она не слишком жалует Рэйна и Малту. Стоило ему намекнуть, что он разделяет ее отношение к этой парочке, как женщина еще более оживилась и охотно поделилась с ним всем, что знала. Старуха Янни, глава семейства Хупрус, упорно хранит молчание и до сих пор не сказала ничего определенного ни о местонахождении сына и невестки, ни о том, закончилась ли беременность Малты рождением здорового ребенка. Но вид у Янни такой усталый и встревоженный, что нетрудно догадаться: ох, у них там большие неприятности. Сплетница высказала подозрение, что на свет появилось чудовище, которое родители теперь тщательно скрывают, чтобы уroda не убили.

Собеседница Геста трещала без умолку, и ему пришлось приложить некоторые усилия для того, чтобы отвлечь ее от вопросов внутренней политики Дождевых чашоб и переключить на другую тему. Геста интересовали сплетни о Кельсингре и в особенности о его собственной жене, но задавать вопросы напрямую он не мог. В конце концов он намекнул на то, что именно Лефтрин впервые заговорил с Советом об экспедиции в верховья реки. Насчет капитана женщина ничего не знала, но зато подробно описала, как «эта выскочка Малта» вмешалась в дела Совета, хотя ее мнения никто и не спрашивал. Подумать только, она заявила, будто ведет речь от лица своего пропавшего брата Сельдена Вестрита, который, в свою очередь, якобы представлял интересы драконов. Ну и ну! Как будто у драконов есть право иметь представителя в Совете! Собеседница Геста подозревала, что утверждение Сельдена о том, что он, дескать, знает волю драконов, являлось очередной уловкой Хупрусов с целью приобрести побольше влияния. Каждому известно, что они мечтают помыкать жителями Дождевых чашоб, а Рэйн с Малтой даже имели наглость объявить себя королем и королевой Старших. В конце концов злопыхательства дамочки наскучили Гесту, однако она долго еще сидела в чайной и болтала, пока не съела последний пирожок. Выходило, что Финбок напрасно потратил целый вечер и несколько монет, поскольку так ничего и не выяснил: похоже, никто толком не знает, что именно «Смоляной» обнаружил выше по течению.

Гест посмотрел в маленькое окошко. Снаружи было темно. Однако в Дождевых чашобах, где густые кроны деревьев поглощали слабый свет зимнего солнца, это был не самый удачный способ определять время. Лучше ориентироваться на собственные ощущения: Гест счел, что просидел тут достаточно долго и ему уже можно возвращаться. Он столбиком сложил серебряные монетки возле своей чашки, встал и покинул уютную чайную. Закрыв дверь, Гест поежился: ветер заметно усилился. Сухие листья, коричневые иголки и кусочки мха сыпались сквозь ветви вниз. Ему потребовалось несколько секунд на то, чтобы добраться до дерева меньших размеров. Преодолев две лестницы и одну корявую ветвь, он оказался у обшарпанной подвесной конструкции, внутри которой находилось его временное жилище. Когда он дошел

до съемной комнатухи, дождь, стучавший по верхним ярусам листвы, добрался уже и до его уровня. Он падал на Геста огромными каплями, частыми и холодными, и грозил превратиться в ливень. Гест утешался тем, что ему, по крайней мере, не придется здесь ночевать. Мало радости, когда твоя спальня раскачивается на ветру, хватит с него и качки на воде.

Он дернул дверь и обнаружил, что та закрыта изнутри.

– Реддинг? – раздраженно позвал он, но ответа не получил.

Да что этот тип себе позволяет?! Конечно, Гест над ним подшутил, и довольно жестоко. Но это не повод оставлять любовника на улице в такую отвратительную погоду.

– Реддинг, черт тебя побери! Немедленно отпирай! – потребовал он.

Гест громко забарабанил в дверь, но ему никто не открыл. А дождь уже разошелся не на шутку. Финбок навалился плечом на створку и сумел приоткрыть ее на ширину ладони.

Он заглянул в темную комнату.

– Реддинг! Ты... – И тут загорелая сильная рука внезапно сжала ему горло.

– Молчать! – приказал голос, который был ему слишком хорошо знаком.

Дверь открылась чуть шире – и Геста втащили в древесную комнатуху. Он споткнулся обо что-то мягкое и рухнул на колени. Рука, пережимавшая его горло, исчезла. Гест закашлялся: ему не сразу удалось вздохнуть как следует. А когда он чуть-чуть оклемался, то увидел, что дверь уже захлопнулась.

Единственный свет в комнате давали угли в маленьком очаге. Гест с трудом различил, что выход наружу был заблокирован – причем не предметом мебели, а человеческим телом. Он дернулся было, но в этот момент рослый калсидиец встал перед Гестом, преградив ему путь к свободе.

Тело не шевелилось, да еще вдобавок в комнате жутко воняло.

– Реддинг!

Гест протянул руку вперед и нащупал грубую хлопчатобумажную рубашу.

– Нет! – В голосе калсидийца звучало глубочайшее презрение. – Это не твой приятель, а Синад Арих. Он пришел один. Твой человек поначалу справился неплохо. Он передал посылку, и Арих перед смертью понял, что все это значит. Но после такого ужасного провала нельзя было допустить, чтобы он успел что-то выяснить или кому-то проболтаться. Кроме того, у него оставались вопросы, на которые у твоего приятеля ответов не имелось, и я был вынужден вмешаться. Вот Арих изумился, увидев меня, – почти так же сильно, как и твой напарник! Перед тем как я расправился с Синадом, он сказал мне кое-что интересное. Теперь я уверен, что Бегасти Коредра уже нет на этом свете. Жаль. Он был хитрее Ариха и, возможно, сообщил бы больше ценных сведений. Да и герцог огорчится. Его очень радовала мысль, что Бегасти узнает руку своего единственного сына.

– Что вы тут делаете? И где Реддинг?

Гест наконец пришел в себя. Он поднялся и попытался к плетеной стене. Жалкая клетушка закачалась под ногами – или, вполне вероятно, у него от ужаса закружилась голова. Мертвец в комнате, которую он снял для себя! Не обвинят ли его в убийстве?

– Я здесь, потому что выполняю поручение герцога. Он велел мне добыть куски драконьей плоти. Неужели ты забыл, торговец из Удачного? Именно за этим я тебя сюда и отправил. А что до Реддинга... так зовут твоего подельника, верно? Он находится на кровати – там, куда и упал.

В полумраке Гест не заметил, что на низенькой кровати действительно кто-то лежит. Теперь он присмотрелся и разглядел детали: бледные пальцы, касающиеся пола; кружевные манжеты, потемневшие от крови.

– Реддинг ранен? С ним все будет в порядке?

– Нет. Он мертв, – бесстрастно произнес калсидиец.

Гест судорожно ахнул и прислонился к плетеной стене. Колени задрожали и подогнулись, в ушах шумело. Реддинг мертв. Реддинг, человек, которого он знал всю свою жизнь; Реддинг, который иногда становился его партнером в постельных играх с тех самых пор, как у них обнаружился взаимный интерес.

Реддинг, с которым они сегодня утром завтракали... неожиданно погиб... Вернее, его убили! Это просто в голове не укладывалось. Гест выпучил глаза, и они запечатлели картину, которая навечно врезалась в его память: Реддинг распластался на матрасе ничком, повернув лицо в его сторону. Неровный свет очага плясал на его открытых губах и блестел в неподвижных зрачках. Реддинг выглядел немного изумленным, а вовсе не мертвым. Гесту представилось, что он сейчас рассмеется и сядет. Однако момент, когда все это могло оказаться нелепой шуткой, подстроенной калсидийцем и его другом, миновал. Перед ним – труп, и в этом нет никаких сомнений. Реддинг погиб прямо здесь, на тощем матрасе в крошечной лачуге в Дождевых чащобах.

Внезапно Гест решил, что подобная судьба вполне может постигнуть и его самого. К нему вернулся дар речи, хотя голос и звучал хрипло.

– Зачем ты убил Реддинга? Я же честно выполнял твой приказ. Я сделал все, что ты мне велел.

– Не совсем так. Я велел тебе приехать одному, но ты не послушался. И вот к чему привело твоё упрямство. – Калсидиец говорил укоризненным тоном, словно школьный учитель, пеняющий ученику за то, что он не выучил урок. – А теперь все кончено, торговец. Твой приятель принял удар на себя.

– Значит, моя роль в этом деле так или иначе завершена? Я могу уехать?

Гест ощутил прилив надежды. Скорей бы сбежать. Вернуться в Удачный! Реддинг мертв. Мертв!

– Нет, конечно. Гест Финбок, ну до чего же ты бестолковый. Сколько раз можно объяснять одно и то же? А ведь все очень просто: твой человек, Седрик Мельдар, обещал нам добыть плоть дракона. Однако мы до сих пор ничего не получили. Твоя роль завершится тогда, когда ты исполнишь заключенный им договор, поскольку на тот момент упомянутый Седрик был твоим слугой и действовал от твоего имени. – Убийца приподнял руки и снова их уронил. – Неужели это так трудно понять?

– Но я ведь сделал все, что ты мне велел, – повторил Гест. – Я не могу заставить драконью плоть просто взять и появиться из воздуха! У меня ее нет, и взять неоткуда. Что я могу дать взамен? Деньги? Что тебе нужно? Почему ты не оставишь меня в покое?

Калсидиец надвинулся на него. Шрам на его лице был не таким ярким, как прежде, но сам он казался весьма изможденным, а его волосы и борода стали клочковатыми.

– Почему я не оставлю тебя в покое? – Он приблизился вплотную к Гесту, и в его желтовато-зеленых глазах вспыхнула ярость. – Изволь, я объясню! Да потому, что не хочу, чтобы руку моего сына, которого держат в Калсиде в заложниках, доставили мне в усыпанной самоцветами шкатулке! Я любой ценой добуду и привезу герцогу потроха дракона, чтобы он вернул мне мою собственную плоть и кровь. Герцог щедро меня наградит и предоставит нашей семье свободу. Мы будем спокойно жить и перестанем беспокоиться о будущем. Ты предлагаешь мне деньги? Но за деньги ничего такого не купишь, ты, глупец из Удачного! Мне нужна только плоть крылатой твари.

– Честное слово, я не знаю, как тебе помочь! Неужели ты думаешь, что, если бы я имел возможность найти для тебя хоть малюсенький кусочек дракона, я бы это скрыл? – пролепетал Гест.

Гест дрожал мелкой дрожью. Не страх, а какое-то гораздо более глубокое чувство сотрясало его. Он стиснул зубы, чтобы они перестали стучать.

– Заткнись, торговец. От тебя нет никакой пользы, но ты – единственное средство достижения цели, которое у меня осталось. Я только что расправился с двумя жалкими глупцами так, как посчитал нужным. Синад Арих и Бегасти Коред не справились с заданием. Я был почти уверен в этом, когда меня отправили сюда проверить, что их задержало. Поэтому я убрал Синада с дороги. А твоим Реддингом мне пришлось пожертвовать: ты ошибся, выбрав его в качестве «доброго» вестника. Беднягу вывернуло, как только Арих открыл свой подарок. Когда я вошел в комнату, он чуть не потерял сознание. А потом он вопил, будто баба, пока я расправлялся с Арихом. И такого слабака ты сделал своим компаньоном?

– Я знал его много лет. – Услышав свой голос, Гест и сам удивился, насколько глухо тот звучит. Он пребывал в странном оцепенении, едва осознавая, что Реддинга уже нет.

Реддинга, который всегда забирался на стол, чтобы провозгласить тост. Реддинга, не так давно примерявшего плащи в мастерской их любимого портного. Реддинга, который выгибал бровь и наклонялся ближе, чтобы поделиться какой-нибудь особо скандальной сплетней. Реддинга с его влажными губами, который становился на колени, чтобы раздражить Геста. Реддинга, лежащего на животе, с тускнеющими глазами. Они были рядом всю жизнь – а теперь все кончено. Реддинга больше нет.

– Я понятия не имею, как можно раздобыть плоть дракона, – заявил он напрямик.

– Я не удивлен, – ответил калсидиец. – Но ты выяснишь это.

– Каким образом? О чем ты говоришь? Что я вообще могу сделать?

Калсидиец устало покачал головой:

– Неужели ты думаешь, будто я не навел справки насчет тебя? Считаешь, я не узнал всю подноготную про твою супругу? И про твои связи, которые ты имеешь повсюду как представитель уважаемого торгового дома? Я направил тебя сюда, чтобы использовать на полную катушку, приятель. Ты должен выяснить все, что только можно узнать про драконов и твою драгоценную женушку. Нас ждет замечательное плавание...

– Но ни один корабль не повезет нас вверх по реке! – осмелился перебить его Гест.

Калсидиец отрывисто хохотнул:

– Вообще-то, я обо всем договорился еще до отбытия из Удачного. Ты небось счел простым совпадением то, что новые «несокрушимые» суда вдруг стали отправляться в такое удобное для тебя время? А кстати, почему на одном корабле вдруг осталась единственная пассажирская каюта? Ну ты и глупец!

– Значит... ты плыл на том же корабле, что и мы с Реддингом?

– Конечно. Сообразил наконец? Но довольно болтовни. Прежде чем отправиться сегодня на боковую, нам надо завершить кое-какое дельце, а именно – замести следы.

– Какие еще следы?

– Избавиться от трупов. Поэтому первым делом сними с покойников одежду, чтобы их личности было труднее установить. – Калсидиец задумался. – И лучше, если их лица будет сложно сразу опознать. – Он обнажил один из своих мерзких ножей и присел над телом Ариха. – Можешь раздевать своего приятеля, а я пока займусь физиономией этого типа. – Не поворачиваясь, он добавил: – И поспеши. У нас еще куча работы. Гесту Финбоку предстоит написать несколько писем с предложением установить крайне выгодные деловые связи с его семейством, при условии соблюдения полнейшей конфиденциальности. Думаю, так мы сможем выманить наших скрытных друзей из нор и подвести их к краю пропасти. А потом начнется настоящее веселье...

*Двадцать шестой день месяца Рыбы,
седьмой год Вольного союза торговцев*

*От Роники Вестрит из старинного семейства Удачного – тому неумехе-смотрителю,
который принимает послания в Кассарике*

*Клиент требует, чтобы данное послание
было вывешено в помещении гильдии Голубиной почты*

Один раз мог быть случайностью, два – совпадением. Но четыре раза – это уже явный шпионаж. Ты вскрывал все письма, отправленные мне из Кассарика. Послания от Малты Хупрус (урожденной Вестрит) регулярно приходили с поврежденными печатями или вообще без них. То же самое относится и к недавнему сообщению, отправленному Янни Хупрус. Нам ясно, что ты умышленно суешь свой нос в переписку между торговыми семьями Хупрус и Вестрит.

Очевидно и то, что ты считаешь нас глупыми и неосведомленными относительно того, как гильдия ведет отбор голубей и их смотрителей. Заметь, что это сообщение доставит тебе птица из той голубятни, за которую отвечаешь именно ты. Хотя в гильдии и отказались назвать твое имя, мне доподлинно известно, что теперь они знают, кто именно несет ответственность по крайней мере за часть вскрытых писем. Я подала жалобу против тебя лично, сославшись на отметки колец тех голубей, которые прибывали к нам с испорченными посланиями.

Так что твои дни в качестве смотрителя голубятни сочтены. Ты – позор всех торговцев Дождевых чащоб и семейства, в котором родился. Стыдись – ты вероломно нарушил кодекс гильдии. Торговля не может процветать там, где есть шпионаж и обман. Такие люди, как ты, наносят вред всем нам.

Роника Вестрит

Глава 6. Кровь драконов

– Кого ты мне подсунул? Он выглядит больным! – возмутился герцог.

Канцлер Эллик молча потупился. Конечно, унижительно, что монарх публично выразил недовольство его подарком, однако Эллик покорно склонил голову и смирился. А что еще ему оставалось делать?

В зале для частных аудиенций было тепло, а кое-кто из присутствующих, пожалуй, даже счел бы, что там жарко и душно. Однако герцог настолько похудел, что постоянно мерз, даже в этот чудесный весенний день. Огонь трещал в огромных каминах, каменные полы устилали толстые ковры, а стены были завешаны гобеленами. Мягкое одеяние пеленало тощее тело властителя Калсиды, однако его знобило, хотя на лицах шести охранников-гвардейцев выступил пот. Помимо них, в помещении находились только канцлер и то странное существо, которое он с собой приволок.

Скованный цепями человек-дракон – Старший, – стоявший перед герцогом, не потел. Он был худой, с запавшими глазами и прилизанными волосами. Эллик оставил на пленнике лишь набедренную повязку: несомненно, с целью выставить на обозрение его покрытое чешуей тело. Жаль, что ребра слишком сильно выпирали, да и заострившиеся колени и локти раба тоже порядком портили впечатление. Его плечо стягивала тугая повязка. Да уж... перед герцогом было отнюдь не то величественное создание, которое он ожидал увидеть.

– Я и вправду болен.

Когда раб произнес это, герцог изумился до глубины души. И дело было не только в том, что чешуйчатое существо вообще могло говорить: голос у него оказался очень выразительным, да еще вдобавок человек-дракон изъяснялся по-калсидийски. С акцентом, правда, но достаточно понятно.

А Старший потихоньку прочистил горло, словно доказывая, что не солгал. Он соблюдал осторожность: так обычно действуют те, кто боится, что будет слишком больно, если откашляться в полную силу, дабы избавиться от мокроты. Этот недуг был герцогу знаком. Затем существо приложило тыльную сторону ладони ко рту, вздохнуло – и подняло глаза, встретившись взглядом с правителем Калсиды. Когда человек-дракон уронил руку, цепи, сковывавшие его запястья, зазвенели. Глаза у него казались человеческими, однако, когда его привели в зал, они светились, как у кошки, и поблескивали синевой в пламени свечей.

– Молчать! – рыкнул Эллик на пленника. – Немедленно встань перед герцогом на колени!

Он дал волю своей досаде, от души дернув цепь. Раб пошатнулся, рухнул на пол и едва не повалился ничком.

Шлепнувшись, человек-дракон вскрикнул, с трудом выпрямился и застыл, приняв колени-нопреклоненную позу. При этом он с ненавистью покосился на Эллика.

Канцлер замахнулся было кулаком, но тут вмешался герцог:

– Значит, оно способно разговаривать? Не мешай ему, канцлер. Я хочу развлечься.

Герцог понял, что Эллика это отнюдь не обрадовало. Тем больше оснований выслушать то, что скажет человек-дракон.

Покрытый чешуей пленник снова откашлялся, но голос его все равно звучал хрипло. Он изъяснялся вежливо, однако любезность его была подобна той, что свойственна бедолагам, находящимся на грани безумия. Герцогу были известны эти последние попытки уцепиться за нормальность. Почему отчаявшиеся люди считают, будто логика и правила поведения могут вернуть их к той жизни, которой уже не существует?

– Меня зовут Сельден Вестрит, я происхожу из старинного семейства торговцев Удачного. Но потом я стал приемным сыном Хупрусов, торговцев из Дождевых чащоб, а драконица Тинталья сделала меня своим певцом. Возможно, здесь про нас слышали? – Он с надеждой

заглянул в лицо герцога и, не найдя там никаких подтверждений этому, продолжил: – Тинталья избрала меня на служение ей, и я был счастлив. Она дала мне поручение: велела отправиться в путь и постараться найти других драконов или хотя бы разузнать, не слышал ли кто про них. Я охотно согласился. Меня сопровождала группа торговцев. Но если сам я путешествовал из любви к Тинталье, то они надеялись завоевать ее расположение и каким-то образом превратить благосклонность драконицы в звонкую монету. Так или иначе, хотя мы объехали много мест, все наши попытки оказывались бесплодными. Многие пожелали вернуться, но я был уверен, что мне сдаваться нельзя.

Раб еще раз всмотрелся в бесстрастное лицо правителя, надеясь достучаться до слушателя, вызвать у того сочувствие или интерес. Однако герцог ничем не проявил своего любопытства.

– В общем, все закончилось очень печально, – произнес человек-дракон после паузы. – Торговцы рассердились на меня, решив, что я вовлек их в глупое предприятие, из-за которого они лишились собственных денег и прибыли. В следующем порту они подчистую ограбили меня и продали в рабство. Новые владельцы увезли меня далеко на юг и показывали там на ярмарках и базарах. А потом я им наскучил, да и здоровье мое пошатнулось – так что меня опять продали и на этот раз повезли на север. Однако наш корабль захватили пираты, и у меня снова сменились хозяева. В конце концов меня купили, чтобы под видом «человека-дракона» показывать зевакам в балагане. Каким-то образом твой канцлер узнал об этом и доставил меня сюда. И теперь я нахожусь здесь, в полном твоём распоряжении.

Герцог хранил молчание. Он не знал, что и думать: надо же, в его покоях появился человек-дракон! Сперва он хотел было подробно расспросить обо всем канцлера, но затем отверг эту идею. Теперь его вниманием полностью завладел раб, покрытый чешуей. Он говорил убедительно, этот «певец дракона». Голос его, правда, не отличался мелодичностью, однако речь была правильной, как у образованного и благородного человека. Интересно, сколько ему лет? Вполне возможно, что пленник гораздо моложе, чем кажется. Раб заговорил снова, и в словах его было столько тоски и отчаяния, что правитель Калсиды даже слегка нахмурился.

– Люди, называющие себя моими хозяевами, лгали! На самом деле я вовсе не раб. Я никогда не совершал преступлений, наказанием за которые стало бы рабство, да и не был гражданином такой страны, где практикуется подобная кара. Если вы не освободите меня, полагаясь на истинность моих речей, то хотя бы позвольте мне отправить весточку родным. Я уверен, они выкупят меня!

Человек-дракон опять закашлялся – на этот раз сильнее, и при каждом выдохе его лицо искажалось болезненной гримасой. Ему едва удалось избежать падения, а когда он вытер рот, на губах у него блестела мокрота. Это было отвратительно.

Герцог смерил пленника холодным взглядом:

– Теперь я знаю твое имя, но мне это совершенно не важно. Ты оказался здесь из-за того, что собой представляешь. Ты наполовину дракон, и это – единственное, что меня интересует. – Он прикинул, как лучше поступить дальше, и уточнил: – А давно ли ты занедужил?

– Ты ошибаешься, говоря, что я наполовину дракон. Это не так. Моя мать родом из Удачного, а моим отцом был калсидиец, Кайл Хэвен. Он был морским капитаном. Таким же мужчиной, как и ты.

Это жалкое создание посмело сжать кулаки, двигаясь вперед на коленях. Канцлер немедленно рванул поводок, который оставался у него в руках, и Старший издал невнятный крик боли. Эллик небрежно пнул его ногой, заставив завалиться на бок. Существо бешено сверкнуло на него глазами. Канцлер придавил сапогом шею закованного в цепи Старшего, и на мгновение герцог вновь увидел того воина, которым когда-то был Эллик.

– Изволь вспомнить о вежливости, иначе я сам преподам тебе урок хороших манер! – сурово произнес Эллик.

Однако герцог не знал, было ли это данью уважения к нему, или же канцлеру понадобилось заставить удивительное создание замолчать прежде, чем оно заговорит снова. Мелкая чешуя, синий окрас и даже светящиеся глаза доказывали, что перед ними не человек. Это надо же было догадаться – притвориться, будто его отец калсидиец! «Хитроумен, как дракон», – недаром существует такое присловье!

– Как давно ты занедужил? – повторил герцог свой вопрос.

– Не знаю. – Старший прекратил сопротивляться. Отвечая, он даже не поднял взгляда на герцога. – Трудно определить ход времени, находясь в темном корабельном трюме. Но я уже был болен, когда меня продали... болел, когда пираты захватили корабль. Какое-то время они боялись ко мне прикоснуться, и не только из-за моей внешности. – И раб зашелся в приступе кашля, свернувшись в клубок на полу.

– Он плохо выглядит: кожа да кости, – заметил герцог.

– Вроде бы для Старших это нормально, – осторожно предположил Эллик. – Насколько я знаю, они все такие. В старинных свитках есть несколько изображений, на которых они выглядят именно так. Высокие, худые и покрытые чешуей.

– У него жар?

– Возможно, температура у него и выше, чем у обычного человека, но это, опять же, может быть характерным свойством подобных существ.

– Я болен! – опять объявило создание с новой решимостью. – Почему ты спрашиваешь его, а не меня? Я похудел, не могу делать глубокие вдохи, я горю в лихорадке. Позволь мне послать весть тем, кто будет готов заплатить за меня выкуп! Проси все, что пожелаешь, я ручаюсь, что ты получишь это.

– Я не ем мясо больных животных, – холодно проговорил герцог, устремляя взгляд на Эллика. – И я недоволен тем, что столь жалкое создание испускает тут предо мною болезненные миазмы. Полагаю, у тебя были благие намерения, канцлер, но это не соответствует твоей части нашего договора.

– Да, о мой великолепный повелитель. – Канцлер признал свою вину и вынужден был согласиться, но в его голосе появились едва заметные жесткие нотки. – Я прошу прощения за то, что навязал тебе его присутствие. Я немедленно удалю человека-дракона с ваших глаз.

– Нет, погоди.

Герцог тщательно прикидывал, что ему следует предпринять. Крошечный кусочек плоти, который Эллик дал съесть ему несколько недель назад, подействовал благотворно. В течение почти двух дней после этого герцог нормально переваривал пищу и даже мог вставать и делать самостоятельно несколько шагов. Потом ощущение здоровья ушло, а слабость вернулась. Плоть человека-дракона полностью не исцелила его, однако придала силы на некоторое время. Правитель Калсиды прищурился, размышляя. Это создание определенно имеет ценность, а разочаровать Эллика именно теперь значило бы совершить серьезную ошибку. Следует принять Старшего как подарок, дать канцлеру почувствовать, что он сохраняет расположение своего повелителя. Герцог сознавал, что именно Эллик сейчас является опорой трона. Однако нельзя предоставлять канцлеру слишком большую власть и уж тем более отдавать ему в жены свою дочь. Ведь стоит Эллику обрюхатить Кассим – и тесть станет ему не нужен.

Герцог обдумывал все возможности не торопясь. Он не обращал внимания на то, что гвардейцы изнывают от жары, а лицо Эллика потемнело от стыда... и, возможно, от гнева. Он смотрел на Старшего. Если съесть мясо больного животного, есть риск заболеть самому. Однако это существо можно вылечить – и тогда оно снова станет полезным. Жизненные силы Старшего казались немалыми; возможно, его удастся полностью исцелить.

Заботу о пленнике следует поручить Кассим. Она по праву считается весьма искусной целительницей – и к тому же это поможет держать Эллика в подвешенном состоянии. Сейчас его дочь надежно заперта, и ей не позволяют ни с кем общаться. Она ежедневно шлет отцу

послания, спрашивая, чем заслужила подобное обращение. Герцог ни на одно из них не ответил. Пусть остается в неведении: тогда эта коварная женщина ничего не сможет предпринять против него. Старшего непременно надо изолировать, чтобы защитить и сохранить только для собственного употребления. Герцог не собирался показывать его своим лекарям. Этим неумехам не удалось вылечить своего повелителя, и здесь от них наверняка толку тоже не будет! Да к тому же они способны отравить человека-дракона из чистой зависти: просто потому, что канцлер смог предоставить правителю то, чего не сумели дать они сами.

Властитель Калсиды удовлетворенно кивнул собственным мыслям: картина складывалась. Он был чрезвычайно доволен своим планом. Итак, Старшего будет выхаживать Кассим. Герцог даст ей знать, что если она его исцелит, то сможет получить свободу. А если ее подопечный умрет... что ж, он предоставит дочери самой воображать последствия такой неудачи. Пока же он не станет пить кровь этого создания. А если Старшего не удастся оздоровить настолько, чтобы он стал источником пищи, тогда останется возможность обменять его на то, что необходимо. Человек-дракон дал понять, что сородичи ценят его. Герцог откинулся на троне, но обнаружил, что его выпирающим костям удобнее не стало, и снова ссутулился. И все это время сбитое с ног жалкое создание строптиво взирало на него, а Эллик внутренне кипел, с трудом сохраняя внешнее спокойствие.

«Ну что же, довольно колебаний. Решение принято, и теперь надо действовать».

– Позвать сюда начальника тюрьмы, – приказал герцог. Гвардейцы дернулись было выполнять распоряжение, но он поднял палец и дал понять, что это будет поручено Эллику. – Когда он придет, я поговорю с ним и объясню, чтобы этого Старшего держали вместе со второй моей особой узницей и обращались с ним так же мягко. Думаю, что со временем человек-дракон восстановит свое здоровье и будет очень полезен. Ты, мой достойный канцлер, сможешь сопроводить раба и удостовериться в том, что его разместят в тепле, со всеми удобствами и будут кормить хорошей едой.

Он подождал мгновение, предоставив Эллику возможность испугаться того, что повелитель просто заберет экзотический подарок и ничем его не вознаградит. Заметив, что в душе канцлера начинают разгораться искры гнева, он заговорил снова:

– И я объявлю начальнику тюрьмы, что ты имеешь право навещать обоих заключенных, когда пожелаешь. Кажется разумным даровать тебе некую привилегию. Доступ к тому, что со временем станет твоим. Как ты считаешь, канцлер: это справедливо?

Эллик встретился с герцогом взглядом, и постепенно в глазах его появилось понимание.

– Это более чем справедливо, о блистательный. Я немедленно приведу сюда начальника тюрьмы. – Он дернул было за цепь своего пленника, но герцог покачал головой.

– Оставь человека-дракона здесь, пока будешь ходить за тюремщиком. Тут охрана, – думаю, мне нечего бояться со стороны этого скелета.

По лицу канцлера промелькнула тень беспокойства, но он только глубоко поклонился и, медленно пятясь, покинул помещение. Герцог продолжил рассматривать свою добычу. Судя по виду Старшего, над ним особо не измывались. Наверное, он немного оголодал, а блекнувшие синяки свидетельствовали о побоях. Однако никаких признаков гноящихся ран не заметно.

– Чем ты питаешься, существо? – поинтересовался он.

Старший встретился с ним взглядом:

– Я человек, несмотря на свою внешность. Я ем то же, что и ты. Хлеб, мясо, фрукты, овощи. Пью горячий чай. Не откажусь от хорошего вина. В общем, буду рад любой чистой еде.

Герцог заметил, что в голосе человека-дракона послышалось некоторое облегчение. Он понял, что с ним будут хорошо обращаться и дадут ему время выздороветь. Ни к чему вкладывать ему в голову какие-то другие мысли.

– Если мне дадут бумагу и чернила, – произнесло существо, – я составлю письмо своим родным. Они непременно меня выкупят.

– А твой дракон? Ты ведь, кажется, говорил, что воспевал драконицу? Что она может дать за твое благополучное возвращение?

Старший улыбнулся, но улыбка у него получилась несколько кривая.

– Трудно сказать. Возможно, вообще ничего. Поступки Тинталы по человеческим меркам предсказать нельзя. В любой день и час ее отношение ко мне может измениться. Думаю, ты заслужишь ее расположение, если я благополучно вернусь туда, где она рано или поздно сможет меня найти.

– Значит, тебе неизвестно, где сейчас твоя Тинталь?

Герцог решил, что это сильно уменьшает возможность использовать Сельдена в качестве приманки, чтобы завлечь дракона туда, где его можно будет убить и разделать на куски. Если только раб вообще говорит правду. Драконы ведь славятся своей лживостью.

– Оказавшись в плену, я был далеко от тех мест, где мог бы рассчитывать на встречу с ней. Возможно, она решила, что я ее покинул. Как бы то ни было, я не видел Тинталю уже несколько лет.

Не самое радостное известие.

– Но ты же родом из Дождевых чащоб? А там ведь много драконов, верно?

Существо растеряло свою решимость и, поколебавшись, ответило:

– Когда драконы вышли из коконов, слухи об этом распространились повсюду. Но я давно не был дома, а потому не могу с уверенностью говорить о том, как там все обстоит сейчас.

Уж не почувал ли этот хитрец возможность заключить выгодную сделку? Ладно, пусть думает что угодно. Но человек-дракон ни в коем случае не должен знать, от чего зависит жизнь его повелителя. За дверью слышались шаги: наверняка это Эллик возвращается вместе с начальником тюрьмы.

И герцог спокойно кивнул созданию:

– Прощай пока, Старший. Хорошенько ешь, отдыхай и набирайся сил. Позднее мы, возможно, еще поговорим. – Он отвел от него взгляд и велел стражникам: – Охрана! Несите меня в Укромный сад! Когда я там окажусь, меня должно ждать горячее вино с пряностями.

Ближе к полудню Тинталья ощутила, что воздух пахнет древесным дымом. Ветер принес запах издалека, но тем не менее это подняло ей настроение. Трехог уже недалеко, а вечер наступит еще не скоро. Мысль о предстоящей встрече со своими Старшими радовала драконицу. Сильнее заработав крыльями, она постаралась не обращать внимания на боль: теперь, когда цель была уже близка, терпеть ее стало легче. Тинталья призовет Малту и Рэйна, и они займутся ее раной, ловкие руки Старших наверняка сумеют найти наконечник стрелы и извлечь его. Ну а потом ей сделают какую-нибудь припарку и немного почистят чешую. Драконица издала тихий горловой стон. Сельден всегда ухаживал за ней лучше, чем остальные двое. Этот маленький певец был ей предан. Тинталья не знала, жив ли он еще и сильно ли состарился. Трудно было понять, насколько быстро стареют люди. Минует всего лишь несколько сезонов, и они вдруг оказываются дряхлыми. Потом пройдет еще немного времени – и они мертвы. Интересно, какими стали Малта и Рэйн?

Бесполезно гадать. Скоро она их увидит. Если ее Старшие слишком стары, чтобы ей помочь, она воспользуется драконьими чарами, чтобы залучить на службу новых людей.

Когда солнце начало опускаться к реке, ощущения Тинталы обострились. Ветер принес больше запахов дыма и человеческого жилья. Чуткий слух уловил слабые постукивания, перемежающиеся треском: то были звуки нескончаемого переделывания мира. Топоры врезались в дерево, а молотки забивали гвозди. Люди никогда не могут принять вселенную такой, какая она есть. Они постоянно все ломают, а потом прозябают среди руин и развалин.

На реке раскачивающиеся от ветра суденышки боролись с течением. Когда тень Тинталы накрыла их, люди принялись запрокидывать головы, что-то кричать и указывать пальцами

на драконицу. Но она не обратила на это никакого внимания. Впереди виднелись плавучие причалы, которые использовали жители построенного на деревьях города. Тинталья пронеслась над ними, недовольная тем, насколько маленькими эти самые причалы выглядят. Ей уже приходилось на них садиться, когда она только вышла из кокона. Конечно, доски трескались и ломались, да и несколько судов тогда здорово пострадали. Но можно ли винить в этом Тинталья? Разумеется, нет: если люди хотят, чтобы к ним в гости прилетали драконы, им следует строить более надежные сооружения.

Тинталья взывала от боли, когда ей пришлось скосить крылья, чтобы описать круг. Драконица понимала, что, куда бы она ни села – на сушу или на воду, – ей все равно предстоит испытать боль. Значит, она выберет пристань. Тинталья расправила крылья и замахала ими, опуская когтистые лапы на деревянный настил. Люди тотчас разбежались в разные стороны.

– С ДОРОГИ! – предупредила она, громко трубя свой клич и одновременно вдавливая слова в их жалкие умишки.

Малта! Рэйн! Займитесь мною!

Внезапно ее вытянутые передние лапы ударились о доски. Плавучий причал под тяжестью драконьего веса погрузился в воду. Привязанные суда резко накренились, куски дерева взлетели в воздух. Серая речная вода взметнулась вверх, обливая Тинталья. Она яростно взревела, недовольная столь холодным и едким прикосновением. Но причал не даром был плавучим: сооружение постепенно поднялось под ней, и теперь вода омывала только ее лапы. Тинталья от отвращения дернула хвостом и почувствовала, как дерево крошится от удара. Она оглянулась через плечо на какой-то баркас, который начал крениться набок.

– Глупо было привязывать его здесь, – заметила она и побрела по пристани, которая раскачивалась и погружалась в реку при каждом ее шаге.

Вскоре Тинталья оказалась на раскисшем и истоптанном берегу. Когда она сошла с причала, большая его часть снова всплыла на поверхность. Однако уцелело, как выяснилось, всего лишь одно судно.

Очувтившись на твердой, хоть и грязной почве, драконица остановилась. Некоторое время она просто дышала. Волны жара прокатывались по ее телу, окрашивая чешую в цвета гнева и муки. Тинталья страдальчески выгнула шею и замерла, дожидаясь, чтобы приступ боли стих. Когда мучения стали терпимыми, в голове у синей королевы просветлело, и она осмотрелась.

Те люди, которые с криками разбежались при ее появлении, начали собираться неподалеку. Они окружали Тинталья, будто стервятники, и трещали, как спугнутая стая дроздов. Их пронзительные голоса раздражали драконицу не меньше, чем невозможность отделить хоть один поток сознания от множества остальных.

«Ужас, ужас, ужас!» – вот и все, что они сообщали друг другу.

– Молчать! – взревела она, и, как ни удивительно, люди мгновенно затихли. Пульсирующая боль в ране опять начала возвращаться. Тинталье не было дела до трескучих обезьян. – Рэйн Хупрус! Малта! Сельден! – Последнее из имен она произнесла с особенной надеждой.

Какой-то мужчина – коренастый тип в заляпанной тунике – осмелился обратиться к ней:

– Никого из них здесь нет! Сельден исчез уже давно, а Рэйн с Малтой отправились в Кассарик, и с тех пор их не видели! Равно как и Тилламон, сестру Рэйна. Они все пропали!

– Что?! – Тинталья охватило негодование. Она хлестнула хвостом и громко взывала. – Куда же они подевались? Значит, тут нет ни единого Хупруса, чтобы заняться мною? Да это просто оскорбление!

– Не все Хупрусы исчезли, о королева! – прокричала старая женщина и бросилась вперед.

Чешуя на ее щеках говорила о том, что она родилась в Дождевых чащобах. Зачесанные назад и сколотые на затылке волосы отливали белизной, но она быстро шагала по широкой дороге, направляясь к дракону. Местные расступились, пропуская ее. Женщина шла

бесстрашно, однако дала знак своей дочери, которая бежала за ней вприпрыжку, чтобы та держалась на расстоянии.

Тинталья сощурилась, разглядывая горожанку. Ей никак не удавалось принять удобную позу, поэтому она оставила оба крыла полуразвернутыми и на миг замерла. Она подождала, когда женщина приблизится, а затем произнесла:

– Я помню тебя. Ты Янни Хупрус, мать Рэйна Хупруса.

– Да, так и есть.

– Где он? Я желаю, чтобы они с Малтой немедленно ко мне пришли.

Тинталья не стала распространяться о своей ране. В сердце этой женщины бушевал гнев, лишь прикрытый пеленой страха. И вдобавок до драконицы со стороны хлипкого причала, на который она приземлилась, до сих пор доносились крики и проклятия. Она надеялась, что его приведут в порядок настолько, чтобы ей можно было безопасно взлететь.

– Рэйн и Малта уехали. Я не видела их и не получала от них вестей уже очень много дней.

Тинталья воззрилась на старуху. Странно...

– Ты говоришь неправду.

Она ощутила молчаливое согласие Янни, но фраза, которую та произнесла вслух, противоречила утверждению Тинталья:

– Я давно не видела их. Я точно не знаю, где они.

Сейчас проверим.

Тинталья медленно поворачивала своими серебряными глазами и сосредоточилась на Янни. Она собралась с силами и навела на ту очарование. Женщина склонила голову к плечу, а на ее губах появилась слабая улыбка. А потом она выпрямилась и устремила на драконицу суровый взгляд. Янни дала Тинталье понять, что разгадала ее намерения и лишь насторожилась еще больше.

Тинталье мгновенно наскучила игра.

– Хватит уже обманывать. Мне нужны мои Старшие. Ну же, старуха, признавайся: куда они отправились? Я вижу, что ты все знаешь.

Янни Хупрус сурово смотрела на драконицу. Ей явно не понравилось, что ее поймали на лжи. Другие люди, стоявшие позади, беспокойно двигались и что-то бормотали.

– Мне половину баркаса разнесло! – раздался вдруг громкий возмущенный голос.

Тинталья медленно повернулась, понимая, что резкие движения могут пробудить боль. Рослый мужчина, решительно шагавший к ней, нес длинный шест с крюком. Это был какой-то инструмент лодочника, но люди могли использовать его и как оружие.

– Вот что, дракон! – проревел он. – Я не намерен это терпеть! Ты должен все исправить!

И замахал этой своей штуковиной так, что стало понятно: он собрался ей угрожать. При обычных обстоятельствах Тинталья бы вообще не встревожилась: вряд ли подобное оружие способно пробить ее толстую чешую. Оно нанесет ущерб только в том случае, если мужчине удастся найти уязвимое место. Такое, как, например, воспалившаяся рана. Драконица неспешно повернулась к возмущенному человеку, надеясь, что он не догадается истолковать ее медлительность как слабость, а сочтет проявлением презрения.

– Исправить? – язвительно переспросила Тинталья. – Если бы ты все сделал правильно с самого начала, твой баркас не развалился бы настолько легко. И я уж совершенно точно не собираюсь ничего исправлять.

Она широко открыла пасть, демонстрируя пазухи с ядом, но горожанину, похоже, показалось, будто драконица собирается его сожрать. Мужчина попятился от Тинталья, забыв про импровизированную пику, которую держал в руке.

Отойдя на достаточно безопасное, по его мнению, расстояние, этот наглец заорал:

– Это все ты виновата, Янни Хупрус! Ты и твоя родня, так называемые Старшие! Они додумались привести сюда драконов! И что, много нам было от них пользы?

Тинталья увидела, как гнев приливает к лицу старухи. Янни решительно двинулась на мужчину, не обращая внимания на то, что оба они все-таки находятся в пределах досягаемости дракона.

– Много ли нам было от них пользы? Да, очень много, если вспомнить о том, что именно драконы не пропустили в нашу реку калсидийцев! Мне жаль, Юлден, что твой баркас поврежден, но не смей обвинять меня или насмехаться над моими детьми!

– Виноват дракон, а вовсе не Янни! – выкрикнула из глубины толпы какая-то женщина. – Прогоните дракона! Пусть убирается к своей стае!

И остальные тут же ее поддержали:

– Правильно!

– Ты не получишь от нас мяса, дракон! Проваливай отсюда!

– Мы устали от драконов!

– А ну-ка кыш! Пошел прочь отсюда!

Тинталья потрясенно воззрилась на них. Неужели эти глупцы забыли все, что им было известно о драконах? Ей ведь достаточно лишьдохнуть на них ядом, чтобы растворить плоть на костях.

Вдруг раздался тихий свист, и над головами людей пролетел какой-то длинный и узкий предмет: то ли отполированный ствол молодого дерева, то ли большая ветка, очищенная от отростков и листьев. Кто-то метнул самодельное копьё прямо в Тинталья. Оно попало в нее, нанеся слабый удар и отскочив от шкуры. При обычных обстоятельствах это не причинило бы ей боли, но сейчас все было иначе. Тинталья вытянула шею, пытаясь найти нападавшего, и резко дернулась. Она начала уже привставать на задние лапы и распахивать крылья, чтобы испугать этот наглый сброд, а потом выплюнуть на людишек ядовитый туман, который охватит каждого из присутствующих. К счастью, ей удалось вовремя справиться с порывом: ни к чему открывать нежную плоть под крыльями и, что еще важнее, нельзя показывать противникам свою рану. Поэтому Тинталья запрокинула голову и почувствовала, как железы у нее в глотке раздуваются, готова плевок яда.

– ТИНТАЛЬЯ!

Звук собственного имени заставил ее застыть на месте. Не в первый раз уже она прокляла ту минуту, когда Рэйн Хупрус столь бездумно сообщил жителям Удачного ее имя. С тех пор оно стало известно всем – и люди при любой возможности связывали драконицу, произнося его вслух.

Это, конечно же, крикнула старуха. Янни Хупрус, спотыкаясь, продиралась сквозь толпу к драконице. У нее за спиной кто-то силой удерживал ее дочь, отчаянно вопящую и рвущуюся вслед за матерью. Янни остановилась перед Тинталей и, пошатываясь, вскинула свои тощие руки, как будто желая заслонить собой остальных.

– Тинталья, именем твоим заклинаю тебя: вспомни наш уговор! Ты поклялась помогать нам, защитить от калсидийских захватчиков, а мы, в свою очередь, заботились об окуклившихся змеях, из которых вылупились драконы! Ты не можешь нам навредить!

– Но вы напали на меня! – Драконица пришла в ярость из-за того, что Янни Хупрус посмела ее укорять.

– Ты сломала мой баркас! – подал голос мужчина с крюком.

– Ты развалила нам половину пристани!

Тинталья медленно развернулась и застыла, потрясенная собственной неосторожностью. Оказывается, позади нее тоже собрались люди: они прибежали сюда с поврежденных судов и разбитых причалов. Многие несли тяжелые предметы, которые хоть и не являлись оружием, но вполне могли быть использованы в качестве такового. Тинталья по-прежнему не сомневалась, что смогла бы убить их в мгновение ока, но понимала, что сейчас собравшиеся представляют собой опасность. Неужели она угодила в такую серьезную передрагу? А ведь здесь были и дру-

гие горожане, глазевшие на нее сверху – с многочисленных площадок и переходов. Некоторые уже спускались по лестницам, что вились вокруг огромных стволов деревьев.

– Тинталья! – (Она посмотрела на старуху.) – Тебе лучше улететь отсюда! – воскликнула Янни Хупрус.

Драконница услышала в ее голосе страх, но еще там звучала мольба. Она боится последствий?

– Тебе надо последовать за своими родичами и их хранителями, которые уже начали превращаться в Старших. Лети в Кельсингру! Там твой дом!

– Старшие? В Кельсингре? Но я была там. Город пуст.

– Может, прежде он и пустовал, но теперь все изменилось. Остальные драконы отправились туда, и, по слухам, их хранители стали Старшими. Да, именно такими, каких ты ищешь. Было что-то особенное в тоне Янни... В ее мыслях! Тинталья сосредоточилась.

Лети в Кельсингру! Малта и Рэйн отправились туда. Улетай скорее, пока не пролилась кровь! Ради всех нас!

Старуха быстро училась. Она молча взидала на драконницу, посылая ей предостережение.

– Я улетаю, – объявила Тинталья.

Она спокойно и неторопливо направилась к причалам. Мужчины, стоявшие перед ней, возмущенно забормотали и весьма неохотно расступились.

– Пропустите ее! – громко крикнула Янни – и, как это ни удивительно, к ней присоединились другие голоса:

– Пусть дракон убирается! Скатертью дорога!

– Пожалуйста, дайте ей пройти, пока никто не погиб!

– Ну до чего же нам надоели эти драконы!

Теперь Тинталья шагала к развороченной пристани. Мужчины негромко ругались ей вслед и плевали на землю у нее за спиной, но не мешали идти. В душе у драконницы кипели ненависть и презрение: ей страшно хотелось убить их всех. Как они смеют демонстрировать ей, лазурной королеве Тинталья, свой жалкий нор? Паршивые обезьяны! На ходу она вращала глазами, стараясь держать в поле зрения как можно больше людей. Как драконница и опасалась, толпа снова смыкалась сзади и непреклонно следовала за ней. Если она не будет бдительной, они еще, чего доброго, загонят ее на разбитый причал, а то и спихнут в холодную быструю реку.

Тинталья чуть раздвинула крылья и собралась с духом. Будет больно, но выбора у нее нет: обязательно надо взлететь с первой попытки. Она присмотрелась к длинной деревянной пристани. Расшатавшиеся доски разошлись под странными углами, а два привязанных судна почти затонули, кренясь набок. Тинталья напрягла задние лапы.

Без всякого предупреждения она рванулась вперед в мощном прыжке. Позади нее зазвучали вопли страха и смятения. Тинталья приземлилась на причал, и он погрузился в воду. А потом, как она и надеялась, он вновь обрел плавучесть и начал подниматься. Она справится! Драконница распахнула крылья, яростно затрубила и, делая сильные взмахи, прыгнула.

Этого хватило. Тинталья поймала ветер над быстрым течением реки и постепенно поднялась к небу. Ей хотелось повернуть назад, спикировать вниз и заставить горожан броситься в воду, однако боль была слишком сильной, а нарастающий голод гнал ее вперед. Нет, не теперь. В другой раз. Сейчас она найдет добычу, поест и хорошенько выпится. Завтра она полетит в Кельсингру. Возможно, когда-нибудь она вернется в Трехог и всех накажет. Но сперва ей надо найти Старших, чтобы они ее исцелили. Тинталья наклонила крыло под другим углом, описала полукруг и возобновила свой мучительный полет.

– Уже совсем скоро, – сказал Лефтрин, чувствуя огромное облегчение.

Капитан стоял на крыше рубки. Короткий зимний день клонился к вечеру, но он разглядел в его гаснущем свете первые строения Кельсингры. «Мы почти дома», – подумал Лефтрин

и засмеялся. Давно ли Кельсингра стала его домом? Хотя... Его дом там, где Элис: в этом он был уверен.

Плавание оказалось долгим, но отнюдь не таким продолжительным, как их первое путешествие до Кельсингры. Теперь капитану не приходилось намеренно снижать скорость корабля, чтобы не обогнать медленно плетущихся драконов. Не было необходимости останавливаться каждый вечер, давая охотникам возможность добыть мясо, а драконам и хранителям – отдохнуть. Не нужно было также тратить дни в обмелевших и заболоченных рукавах реки, пытаясь добраться до глубокого русла и почти теряя надежду. И все бы хорошо, но пронзительный плач больного младенца растягивал каждый день до бесконечности. Лефтрин не сомневался, что не он один мучился бессонницей, слушая крики Фрона, страдавшего от колик. Глядя на осунувшееся лицо и красные глаза Рэйна, он убеждался в том, что отец младенца тоже разделял его невольное бодрствование.

– Мы добрались до Кельсингры? Вот эти редкие строения и есть город Старших? – недоверчиво спросил Рэйн. – Неужели он такой маленький?

– Нет. Мы находимся у самой окраины. Кельсингра – огромный город, растянувшийся вдоль берега реки и, возможно, уходящий к предгорьям. Деревья сбросили листву, и теперь я вижу, что Кельсингра даже больше, чем мне казалось раньше.

– И что, она просто... брошена? Пуста? Что случилось с ее жителями? Куда все подевались? Они умерли?

Лефтрин покачал головой и сделал очередной глоток из своей кружки. Пар и аромат горячего чая поднимались вверх и соединялись с туманом, висящим над рекой.

– Если бы нам удалось получить ответы на все вопросы, Элис пришла бы в восторг. Но мы ничего толком не знаем. Может, мы выясним это, когда более тщательно осмотрим город. Часть зданий стоят пустые, будто жители собрали свое имущество и спешно уехали. Другие выглядят так, словно люди встали из-за стола, вышли за дверь – и уже не вернулись.

– Надо разбудить Малту. Пусть посмотрит.

– Нет. Твоей жене необходимо поспать, и не только ей, но и Фрону. Когда Малта проснется, Кельсингра никуда не денется. По-моему, лучше дать ей отдохнуть, пока есть такая возможность.

Лефтрину было бы стыдно признаться, что на самом деле он думает не столько о Малте, сколько о своем собственном спокойствии. Вряд ли Рэйн сможет разбудить жену так, чтобы не потревожить младенца, вызвав новый приступ плача. Ребенок замолкал лишь тогда, когда спал или сосал грудь, а в последнее время он, похоже, делал и то и другое очень редко.

– По-моему, к нам летит дракон, – вдруг произнес Рэйн.

Уставившись вверх, Лефтрин ощутил укол интереса, исходивший от живого корабля. Он прищурился, но смог различить в небе лишь серебряный отблеск.

– Когда я отплывал, летать могла только Хеби. Остальные пытались подняться в воздух, но не преуспели. Именно поэтому я так удивился, когда несколько дней назад заметил в небе Синтару. Но все-таки не верится, что...

– Это же Плевок! – крикнул Хеннесси с кормы. – Надо же, с какой скоростью несется этот маленький ублюдок! Ты видишь его, Тилламон? Нет? Это потому, что дракон серебряного цвета и на фоне облаков разглядеть его довольно сложно... Вот, смотри: он только что вырвался из тучи! Плевок всегда был одним из самых мелких и несообразительных драконов. Похоже, теперь он наострился махать крыльями, но, даже если у него хватило смекалки, чтобы оторваться от земли, Плевок наверняка остался таким же подленьким и зловредным существом, как и прежде. Когда мы прибудем в поселок, советую тебе держаться от него подальше. Другое дело – Меркор, вот этот дракон точно тебе понравится.

Закутавшаяся в шаль Тилламон приложила ладонь к глазам и согласно кивала. Ее щеки разругались от ледяного ветра и волнения. А может, и от чего-то еще? С некоторых пор

Хеннесси стал более общительным и даже болтливым. Лефтрин встревоженно покосился на Рэйна, прикидывая, заметил ли Старший, что его помощник чересчур фамильярен с Тилламон. Рэйн открыл было рот, собираясь что-то сказать, но его слова заглушил пронзительный вопль Фрона.

– Проклятье, как некстати! – прошептал капитан, отходя от Рэйна.

Лефтрин знал, как плач ребенка действует на членов его команды. Он не мог толком определить, в чем тут дело, но живой корабль явно расстраивался из-за страданий малыша. Нервная дрожь, возможно незаметная для кого-то из экипажа, но определенно выбивающая из колеи самого капитана, пробежала по палубе. И, словно в ответ на нее, Плевок опустил крыло, чтобы закружиться в небе, плавно спикировал вниз и завис над Смоляным. Капитан вздохнул. Маленький серебряный дракон нравился ему меньше всех. Хеннесси правильно его охарактеризовал: он был явно туповат на момент начала их экспедиции, а когда в нем пробудилось сознание, стал злым, вредным и непредсказуемым. Лефтрину казалось, что он был самым неуравновешенным из всего драконьего выводка. Когда Плевок пребывал в дурном настроении, даже крупные сородичи старались держаться от него подальше.

Внезапно Плевок прекратил парить над Смоляным и полетел вниз по течению. Лефтрину хотелось надеяться, что дракон увидел добычу, а стало быть, сосредоточится на охоте и еде – и оставит их в покое. Однако уже в следующую секунду капитан услышал вдали крики и понял, что теперь Плевок кружит над кораблем из Удачного, который продолжал упорно их преследовать. Лефтрин мрачно усмехнулся. Он желал Плевку совсем иного улова. Этим людям было интересно узнать, что случилось с драконами, покинувшими Кассарик в разгар прошлого лета? Что ж, пусть теперь полюбуются на Плевка.

А серебряный самец еще немного снизился, сузив круги полета настолько, что уже не осталось никаких сомнений в том, что именно его заинтриговало. Со смехом, к которому примешивалась тревога, Лефтрин смотрел, как на далекую палубу корабля внезапно высыпал народ. Он не мог разобрать, что кричат матросы. С самого начала безумной гонки эти люди не приближались к Смолянному и даже не причаливали по вечерам поблизости. Они сами не желали идти на контакт, а Лефтрин не считал нужным с ними знакомиться.

Теперь, когда Плевок кружил над судном, капитан раскаивался в своем решении. Наверняка на соседнем корабле плыли обычные хитрые торговцы. Сейчас Лефтрин жалел, что не знает, кто именно командует судном из Удачного и как настроены члены его команды. Зря он в свое время не предупредил их о том, насколько опасно провоцировать драконов: это ведь уже не те прикованные к земле увечные попрошайки, какими они были вначале.

Когда младенец заплакал, Тилламон поспешила к Малте, и старпом, вспомнив о своих служебных обязанностях, тоже поднялся на крышу рубки. Капитан задумчиво смотрел на него. Он знал Хеннесси давно, с тех пор, когда тот, совсем еще мальчишкой, только-только начинал ходить по реке. Не появился ли в его глазах особый свет?.. Трудно сказать. Сейчас его помощник был целиком поглощен драматическими событиями, развертывавшимися ниже по течению.

– Я думал, что это судно отстанет. Был уверен, что мы легко от них оторвемся, – сказал капитан в свое оправдание.

– Разумеется, – поддержал его Хеннесси. – Кто же мог предвидеть подобный поворот? Никто.

Так-то оно так, но Лефтрина все равно мучила совесть. Ибо на палубу «несокрушимого» корабля вышел мужчина, который быстро встал в позу лучника. Судно-преследователь находилось слишком далеко, чтобы предупреждающий крик долетел до его экипажа или до кружащего в небе дракона. Так что капитан Смоляного и его помощник могли только наблюдать за надвигающейся катастрофой.

– Ой, нет!.. – простонал Хеннесси. – Надеюсь, у них хватит ума не...

– Поздно.

Лефтрин с трудом различал летящую стрелу, однако все было ясно по реакции Плевка. Дракон сперва легко уклонился от нее, а потом рванулся вверх, мощно взмахивая крыльями, чтобы набрать высоту.

Идиоты из Удачного радостно завопили, решив, что предотвратили нападение дракона. Плевок поднялся так высоко, как только мог, и протрубил призывный клич. Станный трепет прошел по живому кораблю; Лефтрин отметил, что Хеннесси ощутил его столь же ясно, как и он сам. Все произошло молниеносно: никто из людей на том судне не успел даже глазом моргнуть. Спустя долю секунды в поле их зрения уже возникло с полдюжины драконов, включая сверкающего золотом Меркора и сияющую синевой Синтару. Некоторые летели со стороны города, другие просто вдруг появились в небе, вынырнув из-за облаков. Кало, черный, как грозовая туча, и столь же пугающий, метнулся к пронзительно кричащему Плевку.

– Ну, сейчас они им покажут, – заметил Хеннесси.

И оказался прав: уже в следующее мгновение место одинокого дракона заняла вращающаяся воронкой стая мстителей. Лефтрин задохнулся от изумления. Насколько же драконы выросли с тех пор, как он в последний раз их видел! Как их преобразила способность летать! Теперь ему трудно было поверить, что он без страха ходил среди этих созданий, лечил их, кормил и разговаривал с ними. Глядя на драконов, чешуя которых радужно переливалась даже в хмурый зимний день, капитан понял: покалеченные и раненые бедолаги остались в прошлом. В небе парили стремительные хищники, обладавшие невероятной силой и мощью.

А мужчины на корабле оживленно переговаривались, выкрикивая друг другу приказы и предостережения. Их лучник уже наложил на тетиву новую стрелу и застыл в напряжении, готовый выстрелить в того из драконов, кто первым окажется в пределах досягаемости. Лефтрину слышна была перекличка драконов – трубные кличи, рычание и пронзительные вопли.

– Они о чем-то спорят, – догадался Хеннесси.

– Вы не можете их позвать? Кто-нибудь способен вступить с ними в контакт и уговорить хоть одного из стаи прилететь к нам?

К ним присоединилась Малта. Лефтрин повернулся к ней, потрясенный тем, что в тот момент, когда драконы угрожают другому судну, эта женщина по-прежнему думает только о ребенке. Но когда он посмотрел на нее повнимательнее, его сердце преисполнилось жалости.

Королева Старших выглядела просто ужасно. Ее лицо лишилось человеческих красок, так что из-за слоя голубой чешуи она казалась серой и напоминала каменную статую. Возле губ и под глазами пролегли морщины. Волосы были расчесаны, заплетены в косы и сколоты, но утратили прежний блеск. Из Малты утекала жизнь.

– Боюсь, что я не могу окликнуть драконов. Но Кельсингра уже совсем близко, Малта. Когда мы доберемся до нее, хранители призовут драконов. Даже если бы мы и сумели достучаться до одного, он не смог бы сесть на палубу Смоляного. Однако как только...

– Смотрите, драконы дерутся! – перебил его Хеннесси.

На палубе Смоляного раздались изумленные возгласы. Лефтрин успел увидеть, что Плевок пикирует на далекий корабль. Он был великолепен и сверкал, как огромная серебряная монета, летящая с невероятной скоростью. Поведение дракона подсказало капитану, что ядовитые железы Плевка набухли и пришли в боевую готовность. Его движение повторил Меркор: когда Плевок оказался над кораблем, золотой гигант внезапно подлетел под сородича и сбил его с курса. Меркор мощно работал крыльями, увлекая меньшего дракона вверх и в сторону. Потом Меркор накренился и ушел вбок, оставив Плевка отчаянно бить крыльями, пытаясь предотвратить падение. По мере того как он снижался, в воздухе рассеивалось светлое облако яда. У самой воды серебряный дракон выровнялся, хотя и не до конца. Он пролетел над рекой, взбивая кончиками крыльев фонтанчики воды, и неловко приземлился. Яд распространился под легким ветром: он опустился на речную поверхность без всяких последствий для людей. С берега летели вопли Плевка, злобные и протестующие.

Команда корабля из Удачного навалилась на весла. Судно на предельной скорости уходило вниз по течению. Драконы, кружившие в небе, стали по очереди изображать, будто пытаются напасть на беглецов. Лефтрин сразу истолковал их трубные кличи как веселье и насмешки. А спустя некоторое время капитан заметил, что корабль их вовсе не интересуется: похоже, они просто развлекались – соревновались друг с другом в том, кто спикирует быстрее и пронесется ближе к палубе, прежде чем снова набрать высоту и присоединиться к остальным. Плевку удалось взлететь, но он не присоединился к игре сородичей, а тяжело махал крыльями: видимо, столкновение с Меркором не прошло бесследно. Теперь серебряный дракон изменил курс: он явно направлялся к центру Кельсингры. Лефтрин продолжал наблюдать за судном из Удачного, которое драконы гнали вниз по реке. Он немного подождал, но даже после того как корабль скрылся из виду, драконы не вернулись.

– А они здорово изменились, – заметил Хеннесси.

– Это точно, – согласился Лефтрин.

– Теперь они настоящие, – добавил старпом и шепотом признался: – Они меня пугают.

*Двадцать седьмой день месяца Рыбы,
седьмой год Вольного союза торговцев
От Кефрии Вестрит, торговца из Удачного, —
Янни Хупрус, торговцу из Дождевых чащоб в Трехоге*

Янни, как нам обоим прекрасно известно, содержание посланий, отправляемых голубиной почтой, более уже невозможно сохранить в тайне. Так что, если тебе вдруг понадобится сообщить нечто, не подлежащее огласке, пожалуйста, пошли мне пакет с любым живым кораблем, курсирующим по реке. Я доверяю им больше, чем так называемой гильдии Голубиной почты и ее зрителям. Сама я буду действовать так же, за исключением тех новостей, которые тебе следует узнавать срочно и которые, к сожалению, могут стать предметом досужих сплетен, поскольку их прочтут посторонние.

Я пишу тебе в первую очередь потому, что мои письма Малте остаются без ответа. Признаться, это очень меня огорчает, тем более что у нее приближается срок родов. И я буду очень рада, если ты сможешь сообщить мне хоть какие-то утешительные известия.

Кроме того, есть и другие поводы для беспокойства. Я наконец-то получила весточку от Уинтроу с Пиратских островов. Если ты помнишь, я написала ему пару месяцев назад, чтобы спросить, не знает ли он чего-нибудь про Сельдена. Как это часто бывает с посланиями, отправленными в такую даль, оба письма – и мое, и его ответ – сильно задержались в пути. Так вот, Уинтроу ничего не слышал про Старших, но встревожен слухами о «мальчике-драконе», которого показывали среди уродов и диковинок в бродячем балагане, побывавшем в его краях. Уинтроу опасается, что те, кому он задавал вопросы, отвечали не слишком откровенно, не желая навлечь на себя гнев королевы пиратов и ее супруга. Умоляю тебя: воспользуйся своими связями и разведай, не слышал ли кто-нибудь о таком балагане, и если да, то где его в последний раз видели.

*Глубоко встревоженная,
Кефрия*

Глава 7. Переселение в Кельсингру

Тимара решила, что хранителям будет гораздо труднее освоиться в городе, чем драконам. Широкие улицы, массивные фонтаны и поражающие воображение размеры общественных зданий ясно говорили, что прежде здесь обитали крылатые создания. Дверные проемы были очень высокими, ступени явно возводились в расчете на гигантские шаги, а просторные помещения внушали трепет. Все здесь было построено с невероятным размахом. Для хранителей, выросших в крошечных лачугах на деревьях Трехога и Кассарика, контраст оказался просто ошеломляющим.

– У меня нет ощущения, что я внутри дома, – признался Харрикин, когда в первый раз вошел в городские купальни.

Все хранители, сбившись в плотную группу, с изумлением разглядывали громадные фрески на немыслимо высоком потолке. Одна из опорных колонн была такая огромная, что Сильве, Тимаре, Алуму и Бокстеру пришлось взяться за руки, чтобы обхватить ее. Когда они добрались до Кельсингры, то решили выбрать первый попавшийся дом и заночевать в углу громадной комнаты. Здания Старших с непривычки пугали их и казались дебрями, где в ожидании неизвестных опасностей необходимо держаться поближе друг к другу.

А вот у драконов все обстояло иначе. Они благоденствовали, получив доступ к желанному теплу. Полежав в купальнях, они вспомнили другие места, созданные для того, чтобы ублажать им подобных, и стали их посещать. На вершине одного из холмов возвышалось строение с куполом и каменными стенами, которые чередовались со стеклянными. Потолок также представлял собой странную мозаику из камня и стекла, а на подогреваемом полу имелись неглубокие впадины с песком разной степени зернистости.

Несколько лет назад такое сооружение вызвало бы у Тимары недоумение. Сейчас же она сразу сообразила, что здесь драконы могли растянуться на мягком песке, наблюдая за жизнью, кипящей внизу, или любуясь медленным хороводом звезд в небе. Впервые девушка попала сюда, когда ее позвала Синтара. Синяя королева приказала ей поискать старинные инструменты для ухода за драконами, которые могли храниться на полках. Пока Тимара рылась в шкафах, Синтара извивалась и крутилась в песке, почти полностью зарывшись в него. А потом вынырнула оттуда, сверкая, как расплавленный синий металл, только что выплеснувшийся из печи.

Время превратило большинство древних приспособлений в ржавчину и пыль, но кое-что сохранилось. Тимара обнаружила дюжину орудий с зубцами из какого-то твердого материала, не подверженного коррозии, и каменные щетки с пучками жесткой щетины. Здесь же имелись металлические скребки, у которых давно сгнили деревянные ручки, стеклянные фляги с загустевшими лужицами масла и черный ящик с набором острых игл причудливой формы. Наверное, это и были специальные средства для ухода за драконами. Интересно, наступит ли день, когда все тонкости этого утерянного ремесла будут восстановлены?

С помощью самой маленькой щетки Тимара осторожно почистила Синтаре чешую возле глаз, ноздрей и ушных отверстий, удаляя остатки неаккуратных трапез. Они почти не разговаривали, но Тимара подметила у своей драконицы множество изменений. Ее когти, когда-то затупившиеся от ходьбы и растрескавшиеся от постоянного контакта с водой и илом, стали более прочными и острыми. Расцветка обрела яркость, а глаза – ясность. Вдобавок Синтара увеличилась в размерах: она не только нарастила плоть и мускулы, но у нее также значительно удлинился хвост. Форма тела драконицы совершенствовалась по мере того, как ее мышцы тренировались во время полетов. Теперь Синтара забыла о долгих годах жизни на суше, когда ей приходилось топтать по грязи. Так что сейчас Тимара ухаживала не за огромной ящерицей, а за крылатым хищником, одновременно прекрасным, как экзотическая птица, и опасным, словно

живой клинок. Девушка и сама в глубине души удивлялась тому, что осмеливается прикоснуться к такому созданию. И только заметив, что глаза у Синтары вращаются от удовольствия, хранительница спохватилась, сообразив, что драконица читает ее мысли и наслаждается ее изумлением.

А Синтара подтвердила эту догадку:

– Ты благоговеешь передо мной. Пусть ты и не можешь петь мне хвалу во весь голос, но, отражаясь в тебе, я вижу, что я – самый великолепный дракон из всех, кого ты видела.

– Отражаясь во мне?

Драконы не улыбаются, но Тимара ощутила, что Синтару ее реакция позабавила.

– Напрашиваешься на комплименты?

– Не понимаю, что ты имеешь в виду, – честно ответила Тимара.

Вообще-то, слова Синтары слегка возмутили девушку, поскольку подразумевали, что она гордится собой. А чем, спрашивается, Тимаре гордиться? Тем, что ее Синтара – прекрасная синяя королева – то игнорирует свою хранительницу, то насмехается над нею, а то и напрямую оскорбляет?

– Я не только самая красивая из драконов, – уточнила Синтара, – но также превосхожу всех прочих умом и талантами. Ведь это же очевидно, поскольку именно я создала самую ослепительную Старшую, то есть тебя!

Тимара уставилась на нее, лишившись дара речи и растерянно сжимая в руке щетку.

Синтара издала тихий рык, показывавший, что ей смешно. И пояснила:

– Увидев тебя, я с самого начала поняла: из этой девушки будет толк. Именно поэтому я и выбрала тебя.

– А мне казалось, что это я тебя выбрала, – пролепетала Тимара.

У нее отчаянно стучало сердце. Драконица считает ее красивой и способной! Она сразу оценила Тимару! Девушка испытала необычайный душевный подъем, но затем насторожилась: а что, если Синтара просто в очередной раз навела на хранительницу чары? Тимара попыталась взять себя в руки и рассуждать трезво, но почему-то была уверена, что драконица не обманывает ее. Неужели Синтара и впрямь высокого мнения о ней? Удивительно!

– О, тебе, без сомнения, казалось, что это ты меня выбрала, – продолжила тем временем Синтара с небрежным высокомерием. – Но все обстоит наоборот: это я притянула тебя к себе. И, как видишь, тебе невероятно повезло: я сделала тебя самой красивой и необычной из всех ныне живущих Старших. Точно так же, как и я сама превосхожу великолепием всех прочих драконов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.